

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-05-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-05-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор — Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович - кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университет.

Батурин Юрий Михайлович - доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Биюшкина Надежда Иосифовна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир - доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна - кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории. государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул.

Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskayae@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович - доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetananarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенева набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович – доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejikh@mail.ru

Борисова Нина Александровна – доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна – доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна – доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна – доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна – доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна – доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологодина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskayae@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. маршала Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор, 141402, Россия, Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenkam@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abduln Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronovskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetananarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

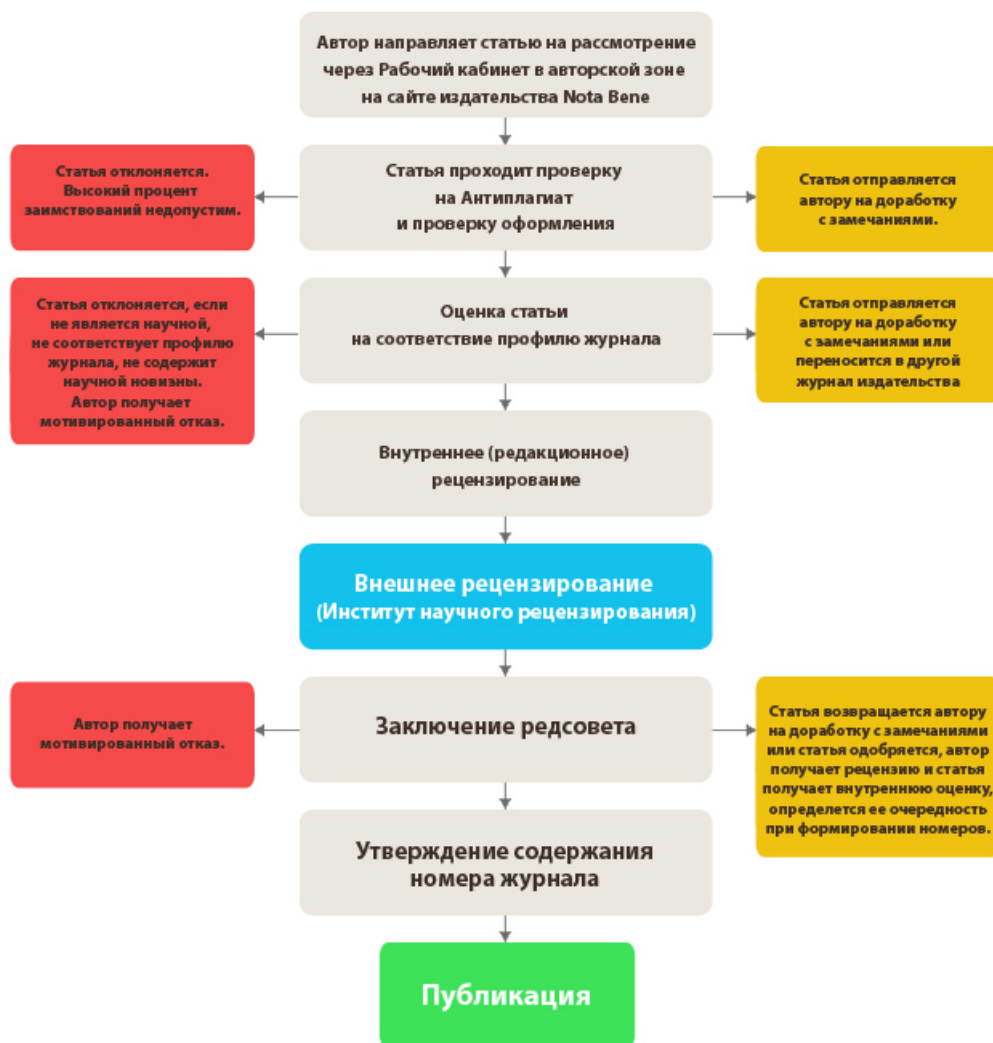
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Угрюмова М.В., Фоменко М.В. Организация производства и реализация кустарной игрушки российскими земствами	1
Вишнякова И.А. Социально-демографический состав иранского революционного подполья в Сирии и Ливане в 1970-х гг.	14
Ильясов Л.М. Отражение сакральной символики в фольклоре и танцевальной культуре чеченцев	23
Катагощина М.В., Панаев Н.С. Возрождение традиционной культуры как элемент политики национальной безопасности стран Центральной Азии в 1991-2010-е гг.	32
Гурин Г.Г. Внешняя политика Соединенных Штатов Америки в отношении Ирана в период 1953 - 1974 гг.	43
Тушканов И.В. Вопросы правосудия в политико-правовом учении И.А. Ильина	53
Аветисян А.А. История формирования ресурсов «мягкой силы» во внешней культурной политике Итальянской Республики	61
Тесаев З.А. К вопросу каталогизации орденов чеченских мудиров, наибов и муртазекгов времен Имамата (1840–1859 гг.)	71
Макеев В.О. Социально-экономическая политика правительства Брюнинга (29 марта 1930 – 30 мая 1932 гг.) в освещении советской газеты «Правда»	86
Буюров Д.В. Система социального кредита в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая	99
Англоязычные метаданные	109

Contents

Ugryumova M.V., Fomenko M.V. Production and sale of handicraft toys by Russian Zemstvos	1
Vishnyakova I.A. Sociodemographic Characteristics of the Iranian Revolutionary Community in Syria and Lebanon in the 1970s.	14
Iliasov L.M. Reflection of sacred symbols in folklore and dance culture of Chechens	23
Katagoshchina M.V., Panaev N.S. The revival of traditional culture as an element of the national security policy of the Central Asian countries in the 1991-2010's.	32
Gurin G.G. The foreign policy of the United States of America towards Iran in the period from 1953 to 1974.	43
Tushkanov I.V. Issues of justice in the political and legal doctrine of I.A. Ilyin	53
Avetisyan A.A. The history of the formation of "soft power" resources in the foreign cultural policy of the Italian Republic	61
Tesaev Z.A. On the issue of cataloging the orders of Chechen mudirs, naibs and murtazeks from the times of the Imammat (1840–1859)	71
Makeev V.O. The socio-economic policy of the Breuning government (March 29, 1930 - May 30, 1932) in the coverage of the Soviet newspaper Pravda	86
Buyarov D.V. The social credit system in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China	99
Metadata in english	109

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Угрюмова М.В., Фоменко М.В. Организация производства и реализация кустарной игрушки российскими земствами // Genesis: исторические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.4.70198 EDN: XYVTFM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70198

Организация производства и реализация кустарной игрушки российскими земствами

Угрюмова Мария Викторовна

ORCID: 0000-0001-5717-9214

кандидат исторических наук

доцент, кафедра документоведения, истории государства и права; РТУ МИРЭА

119331, Россия, Москва, г. Москва, ул. Кравченко, 8, кв. 322

✉ mugruymova@mail.ru

Фоменко Марина Викторовна

ORCID: 0000-0003-0986-2312

кандидат философских наук

доцент, кафедра истории и философии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

107150, Россия, Москва, г. Москва, пр. Погонный, 11, кв. 63

✉ maryform@mail.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.4.70198

EDN:

XYVTFM

Дата направления статьи в редакцию:

22-03-2024

Дата публикации:

05-04-2024

Аннотация: Деятельность органов земского самоуправления по поддержке кустарных

промыслов занимала особое место на многих территориях дореволюционной России. Через создание мастерских по производству кустарных изделий, специальных школ, творческих объединений, музеев и связи с отдельными кустарями, земства продуктивно налаживал производство кустарной отечественной игрушки. Отдельные земства активно занимались рекламой игрушки, ее реализацией как внутри страны, так и зарубежом через региональные, российские и европейские выставки. Организация работы точек сбыта и специализированного московского магазина, координация по упаковке и пересылке отдельных игрушек, либо их партий также были включены в сферу деятельности земств. Предметом настоящего исследования явилась деятельность российских земств по организации производства и реализации кустарной игрушки во второй половине XIX - начале XX веков. Основными методологическими основами настоящего исследования явились принципы научной объективности, системности и историзма. В центре, безусловно, стоят метод поиска архивных документов, и ретроспективный метод изучения деятельности отдельных земств в вопросах организации обучения искусству создания игрушки, ее производства и реализации сбыта на отечественных и зарубежных площадках. В ходе исследования автором были обнаружены, проанализированы и впервые введены в научный оборот документы, содержащие данные по организации производства и сбыта кустарной игрушки земскими властями, которые отложились в фонде Московского губернского земства (как в делах структурных подразделений земства, Кустарного музея, так в отдельных делах уездных земств Московской губернии) и находятся на хранении в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы (ЦГИА г. Москвы), различных отчетах и указателях кустарных, промышленных и художественных выставок. Безусловно, основными центрами появления кустарной игрушки, в производстве и сбыте которой участвовало земство стала Московская губерния с изделиями кустарей Сергиева Посада и с. Богородского, Нижегородская, Вятская, Тамбовская, Пермская и Казанская губернии.

Ключевые слова:

земство, кустарная игрушка, кустарный музей, выставка, кустари, художники и мастера, мастерская, Бартрам, земский деятель, земские власти

Выставки достижений кустарного производства стали вновь популярны в современной России (выставка-ярмарка «Ладья», выставка-форум «Россия», региональные выставки), как и в исторические периоды Российской империи (губернские и всероссийские кустарные, промышленно-художественные выставки) и Советского Союза («Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка», «Выставка достижений народного хозяйства»). Выставочно-ярмарочная деятельность в настоящее время активно популяризуется и организуется федеральными и региональными властями. Особое место на таких выставках всегда занимали местные кустарные производства, которые представляли историю и культуру самых разных территории России. В этой связи важно и интересно обратиться к истории организации местными (земскими) властями одного из кустарных промыслов – народной игрушке, которая и сегодня достойно и ярко представлена на выставках в качестве народных традиций российских регионов.

На кустарное производство в целом, и на игрушку в частности, земства обращали свое внимание по-разному, этот процесс зависел от умения распределять финансы и вести кустарный бизнес, развивать отдельные кустарные направления, от наличия мастеров и

педагогов, предпринимателей и центров сбыта продукции. В начале XX в. в развитии кустарных направлений производства (в том числе игрушки) особое место заняли музеи, мастерские и выставки, поддерживаемые земскими органами самоуправления, губернскими и императорскими властями.

Вопросы кустарных промыслов российского земства, выставочная деятельность земств по кустарному производству в последнее время являются предметом внимания исследователей [\[1-4\]](#).

История выставочно-ярмарочной деятельности в России в разные времена привлекала внимание ряда историков, краеведов, педагогов, культурологов и деятелей искусства, администраторов [\[5-8\]](#). С конца XIX в. до сегодняшнего дня внимание ряда авторов направлено на кустарную игрушку и ее место в выставочном пространстве [\[9-18\]](#).

В основном, производство земских кустарных игрушек во второй половине XIX в. поддерживало Московское губернское земство, как угасающий промысел, что стало возможным благодаря деятельности отдельных мастеров и художников, имевших предприимчивые связи с местными властями. В 1883 г. Московское губернское земство, участвуя на Всероссийской художественно-промышленной выставке, показало всю кустарную промышленность Московской губернии. В то же время работа выставки обнаружила, что дело с народными творческими промыслами находится далеко не в лучшем положении, в большинстве своем изделия низкого качества и в небольшом ассортименте.

9 мая 1885 г. земскими властями Московской губернии был создан Торгово-промышленный музей кустарных изделий, который координировал работу кустарей на территории всей губернии и даже ряда населенных пунктов соседних губернии. Земством были приняты решения об открытии кредитов для кустарей, а при музее - организовать работу кооперативных артелей и складов; музей же участвовал в организации процесса по обеспечению кустарей качественным и дешевым материалом для своих изделий.

В конце XIX в. была создана художественно-промышленная школа со своей учебной игрушечной мастерской в Троице-Сергиевом посаде (крупнейшем центре игрушечного производства), где уже в 1903 г. одновременно трудилось пятнадцать-семнадцать мастеров и четыре года бесплатно обучались десятки учеников-подростков (достигших двенадцатилетнего возраста) из детей кустарей Посада и соседних деревень. Первое время мастерская выписывала из европейских стран и Москвы различного рода материалы и образцы игрушек (Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА) г. Москвы. Ф. 184. Оп.4. Д.409. Л.5 об.). Сохранилось предание будто Преподобный Сергей Радонежский сам вырезал простые деревянные игрушки и одарял ими приходивших к нему детей (Московское губернское земство в полувековую годовщину основания земских учреждений (1864-1914). Составитель: член Московской губернской земской управы С.К. Родионов. М., 1917. 116 с.)

На рубеже веков мастера Сергиево-Посадского уезда, при помощи губернского земства, объединили свою работу абрамцевской художественно-столярной мастерской, когда совместно украшали декоративной резьбой Русский павильон Всемирной выставки в Париже в 1900 г. и представили совместный ассортимент товаров (игрушки, шкатулки, полочки-шкафчики) (Отчет Главного Комитета по устройству отдела кустарных изделий и рукоделий России на Всемирной выставке в Париже о деятельности его в период с 8 января 1899 по 12 марта 1902 г. СПб., 1907. 40 с.)

Позднее земство открыло в Сергиевом Посаде художественно-столярную мастерскую с рисовальным классом, которой заведовали земский деятель Владимир Иванович Боруцкий и художник Владимир Иванович Соколов. Умелое привлечение к работе кустарей, позволило 250 умельцам сотрудничать с земскими мастерами. В.И. Боруцкий, обладатель деловых и организаторских способностей и опыты, привлекая самых талантливых мастеров, увеличил операции по продаже игрушки, расширил рынки сбыта, положил начало прочным отношениям с западными фирмами. Боруцкий, как активный руководитель, взаимодействовал с губернским земством на постоянной основе, рационально предоставляя информацию о мастерской, направлениях деятельности, мастерах, оборотах доходов и расходов. Так, в записке В.И. Боруцкого, направленной в московское губернское земство, значится, что в 1892 г. обороты мастерской составили 2 500 руб., а в 1904 г. уже 88 736 руб., из которых 48 036 руб. – только игрушки, в последующий период мастерская реализовывала игрушек на сумму 55 -57 тыс. руб. ежегодно. За пятнадцать лет работы мастерская произвела более тысячи образцов игрушек (ЦГИА г. Москвы. Ф. 184. Оп.4. Д.409. Л.4, 8).

Руководство мастерской понимало необходимость в раздвижении рамок мастерской игрушек на протяжении всего срока ее существования, приводя земству весомые доводы. Во-первых, основной проблемой явилось недостаточное количество площадей мастерской: отсутствие помещений для приема и отпуска материалов и товаров, размещения выставочных экземпляров игрушек и их деталей; отсутствие оборудованных мест для производства пилотных экземпляров игрушек, потому как в основных комнатах трудились мастера для выполнения масштабных по объему заказов; отсутствие оснащения и площадей для работы с рисунками художников, чьи работы являлись основой для создания игрушки (работы Бартрама, Голоушева, Шереметевского, Овешкова) отсутствие комнаты для конторских дел, расчетов с кустарями (ЦГИА г. Москвы. Ф. 184. Оп.4. Д.409. Л.4 об.). Во-вторых, рост количества паломников и туристов в Троице-Сергиеву лавру поднимал спрос на игрушку не только развивающего, но и сувенирного характера. В-третьих, международная и отечественная выставочная деятельность земства по кустарному производству требовала отдельного внимания к игрушке. Обращаясь в земство, Боруцкий, в своем письме земству, сразу предлагал пути решения проблемы, например, направлять ходатайства о помощи организации работы мастерской в Лавру.

Прослеживается постоянное, со стороны руководства мастерской, желание уделять внимание образованию обучающихся в части технических знаний (по австрийскому и германскому образцу), рисования, черчения, резьбы по дереву, работе с бумагой и картоном. Боруцкий ратовал за то, чтобы ребята изучали не только предметы общего курса земской школы, но имели возможность дополнительно заниматься повышением уровня своих знаний и умений в специализированных библиотеках и музеях.

В 1891 г. существование самой мастерской, ее успешная деятельность многим обязаны Сергею Тимофеевичу Морозову, который являлся попечителем Московского кустарного музея.

В 1904 г. В Москве при магазине «Детское воспитание» прекратила свою работу игрушечная мастерская А.И. Мамонтова, а ее богатый ассортимент выкупило для своей мастерской Сергиево-Посадское уездное земство, в том числе и знаменитую матрёшку, на которую вскоре земская мастерская получила заказ по изготовлению приличной партии. Земские художники и мастера были вынуждены обучаться токарному делу, что позволило ассортименту матрешки быстро вырасти, а более двадцати видов складных кукол были представлены в преискуранте земской мастерской в 1911 году.

Вся история земской игрушки Московского губернского земства неразрывно связана с земской, художественной и музейной деятельностью Николая Дмитриевича Бартрама. Родившись в семье художника, Бартрам с детства был вовлечен в направления народного искусства и вопросы творчества для детей (иллюстрировал детские книги, разрабатывал макеты этнографической и развивающей народной игрушки и пр.). В дальнейшем, изучая игрушку в фабричной и кустарной промышленности, Н.Д. Бартрам посетил ряд центров игрушечной промышленности Западной Европы (Нюрнберг, Саксония, Швейцария и другие территории). Бартрам на протяжении всей деятельности вел активную пропаганду народной игрушки (в том числе и народов России); читал лекции; сотрудничал с художниками и педагогами, коллекционерами и мастерами народного творчества, местными земскими властями и общественностью. С 1906 г. Н.Д. Бартрам поступил на работу в Московское губернное земство в качестве художника.

1906–1917 гг. стали для Московского губернского земства самыми продуктивными со стороны Н.Д. Бартрама. В этот период он возглавлял художественную часть Кустарного музея Московского губернского земства; сотрудничал как автор и редактор в известных изданиях И.Д. Сытина, А.А. Левенсона, братьев М. и С. Сабашниковых, А.А. Бобринского; изучал музейное дело, историю игрушки, организовывал художественно-промышленные выставки при Кустарном музее (например, 1906 г. выставка «Как делают игрушки», 1908 г. выставка «Искусство в жизни ребенка»).

В 1910 г. при Кустарном музее Московское земство открыло отделение образцов (музей образцов), целью которого стала помощь кустарям игрушечникам сохранить подлинные черты народного творчества популяризация лучших образцов для производства. В своей организационной структуре сам Кустарный музей состоял из трех отделов: художественный отдел (основной функцией которого являлась работа с кустарями и художниками-прикладниками, внедрение новых образцов, вопросы качества продукции и организация выставок) возглавлял Н.Д. Бартрам; экономический отдел (занимался изучением кустарных промыслов, в том числе кустарной игрушки, статистикой с кооперированием кустарей в артели) был в ведении старейшего работника кооперации Е.П. Петрова; коммерческим отделом (организовывал работу внутри страны и за границей) руководил С.К. Ямайкер.

Здание для Кустарного музея (вместе с музеем образцов, своим магазином и складом) было специально куплено меценатом Сергеем Тимофеевичем Морозовым, располагалось в г. Москве в Леонтьевском переулке. Связь с кустарями осуществлялась через магазин, который располагался на первом этаже здания, а в огромном подвале здания находился склад готовой продукции, которую направляли во все города России и за рубеж. Склад занимал особое место во всей цепочке производства, хранения, распределения и сбыта товаров. Заведующим складом был И.И. Сокольский, под руководством которого работала артель упаковщиков, была организована приемка товара готовой продукции и ее отправка покупателям. Руководители всех трех отделов тесно сотрудничали со складом и при любых спорных вопросах на соответствие художественному мастерству и качеству, всегда принимали участие в их решении.

Сотрудничать с Кустарным музеем и сдавать свой товар в «Леонтьевский» было делом очень ответственным и авторитетным для кустарей (Изергина А.Н. О моем отце, художнике Н.Д. Бартраме // Бартрам Н.Д. Избранные статьи. Воспоминание о художнике, М.: Советский художник, 1979. С.61-143.). Бартрам гордился тем, что в залах музея находились игрушки, созданные людьми, которые не учились специально рисовать, чертить, лепить, а жили на лоне природы, умело перенося ее красоту в создание

игрушки. Об этом Братрам и его коллеги рассказывали на своих лекциях, экскурсиях, как и продавец магазина Фелицата Николаевна Сухова, знавшая все тонкости игрушки каждого мастера, как и классификацию земской игрушки (игрушки, в которые играют; игрушки, которые повествуют; игрушки-сувениры; игрушки, которые учат). Вплоть до 1999 г. музей под различными наименованиями продолжал выполнять свои функции и находиться в своем здании.

При Кустарном музее Московского губернского земства функционировала Особая комиссия по содействию кустарным промыслам национальностей и территорий России.

Отдельно Бартрам поощрял работу богородских мастеров, тесно сотрудничавших с земством. Располагавшееся недалеко от Троице-Сергиевой лавры, куда со всей страны шли на богомолье люди, село Богородское стало поставщиком не только нательных крестиков и икон, а также игрушек для ребятишек, которые паломники с великой радостью покупали для своих родных. Работать с земством в вопросе сбыта продукции богородские мастера предпочитали семьями, где восьмилетние дети уже уверенно и умело вырезали ножом изделия из дерева. За сотню деревянных солдатиков, которых чаще всего вырезали именно дети, земство платило 8 копеек. Каждая семья, как правило, создавала свою игрушку и называла ее «соборной», что означало участие всей семьи в ее резьбе: отец резал самую сложную часть, дети тесали небольшие детали и буравили отверстия. Отдельные семьи специализировались на игрушках – птицах и игрушках зверях (Бобловкины, Пронины), игрушках-человеческих фигурах (Чушкины), игрушках-домиках и игрушках - хозяйствах (Барашковы).

У богородских кустарей-игрушечников было особое отношение к своим задумкам и созданию игрушки. В воспоминаниях дочери Бартрама имеется информация о том, что зачастую мастеру перед созданием игрушки, было важно пройти обряд, подобный походу в церковь (помыться в бане и одеться во все чистое) и причастию, и, только после этого мастер принимался за творение. Бартрам признавал, что копирование образцов игрушек Запада и сюжетов из заморских детских журналов мешало развитию творчества местных мастеров, даже нанесло вред творческому развитию Богородского кустаря (Изергина А.Н. О моем отце, художнике Н.Д. Бартраме // Бартрам Н.Д. Избранные статьи. Воспоминание о художнике, М.: Советский художник, 1979. С. 114].

В дальнейшем, как и большинство деятелей земства, Бартрам перешел на службу в советские государственные учреждения, где продолжил инициировать деятельность в области народного творчества и детской игрушки.

Сотрудничество Кустарного музея, кроме Московского губернского земства, чаще всего наблюдалось с земствами Вятской, Нижегородской, Костромской и других губерний, и, было связано с вопросами сбыта изделий и изучением опыта мастеров. Кустарный музей в начале XX в. функционировал, как серьезная организация для своего времени, штат сотрудников включал в себя специалистов по отдельным промыслам, агентов по кустарной технике и профессиональному образованию, заведующих отделов (отдел игрушек, корзиночный отдел, отдел упаковочных коробок, отдел женских рукоделий и пр.) хранителей музейных образцов, художников-инструкторов, бухгалтерскую службу. В среднем заработная плата сотрудников музея составляла 1 200–2 000 руб., руководителей подразделений - до 3 000 рублей (ЦГИА г. Москвы. Ф. 184. Оп.4. Д.373. Л.1-4 об.; Д. 304. Л.4-13.).

Обращает на себя внимание, аккуратность ведения делопроизводства Кустарного музея в вопросах оформления выдачи материалов и товаров (счета-фактуры), оплаты труда

кустарей, заработной платы сотрудникам; участия в выставках, и пересылке товара по почте внутри страны и за ее пределы. Бренд музея читается, в том числе, в бланках каждого отдела, и бланках отправки товара зарубеж, содержащих в себя возможность внести информацию в части таможенной декларации от музея, где все позиции обозначены на русском и французском языках (адрес, наименование вложений, вес) (ЦГИА г. Москвы. Ф. 184. Оп.4. Д. 304. Л.4-13.). Музей печатал свои прејскуранты с условиями высылки и оплаты товаров. Так обращают на себя внимание некоторые цены: набор мебели для кукол (стол, диван, два кресла) – 1 руб. 60 коп.; сумочка для куклы – 40 копеек. Все товары бережно и надежно упаковывались и отправлялись покупателю (ЦГИА г. Москвы. Ф. 184. Оп.4. Д. 304. Л.29.).

Благодаря Московскому губернскому земству производство кустарной игрушки было достаточно быстро оптимизировано, а участие в выставках позволило реагировать на актуальные запросы. Опыт центрального земства был изучен органами местного самоуправления других российских территорий; в этой связи началось рождение новых игрушечных промыслов: матрешек, кукол в национальных костюмах, подвижных игрушек с колесами, кукольной миниатюры, кукольной мебели и других. Организация производства кустарных игрушек земствами заложило основу ассортимента игрушечных артелей и фабрик не только Сергиева Посада, но и всей России. Подобные школы-мастерские были организованы земствами в Вологодской, Владимирской и Нижегородской губерниях, а на территории самого Московского губернского земства одна за одной создавались артели и мастерские: «Игрушечников-лепщиков», «Одевальщиц кукол» и прочих.

Выставки заняли определенно центральное место в популяризации кустарной игрушки, поддерживаемой земствами, даже при том, что устроители выставок были поставлены в незавидное положение назначать высокую плату за участие. Московское губернское земство и лично Бартрам пытались этот вопрос неоднократно решать различными способами. Например, Бартрам читал в зале Пассажа на Невском проспекте лекции по теме «Игрушка в связи с художественным воспитанием» и привлекал средства массовой информации, которые печатали заметки и статьи о земской кустарной игрушке, а еженедельный журнал «Огонек» в ноябре 1908 г. писал о Бартраме не только как о сотруднике земского музея, но и как о мастере, который представил коллекцию этнографических игрушек, выполненных мастерами (поддерживаемыми земством) по своим эскизам (Выставка искусства в жизни ребенка, в залах Пассажа в С.-Петербурге // Огонек, 1908, № 48. СПб., 1908. С. 10-12.).

На выставке 1908 г. «Игрушка в жизни ребенка» Бартрам был награжден золотой медалью. Через год, в ноябре 1909 г. в Кустарном музее Московского губернского земства работала выставка «Русская игрушка прошлого», в рамках которой Бартрам пытался обратить внимание на значение игрушки в воспитании детей и на состояние всей игрушечной промышленности России.

По инициативе Бартрама Кустарный музей еще в конце XIX в. обратился к руководству Русского музея, губернским земским управам Вятской, Владимирской, Нижегородской, Новгородской губерний, общественным объединениям и частным лицам, имевшим редкие и ценные собрания игрушек народов России. Земства откликнулись на такой призыв музея и Бартрама. Так, Вятское земство в 1890 г. послало три десятка глиняных дымковских игрушек на Казанскую научно-промышленную выставку, в которой имеется информация о трех вятских мастерицах: Авдотья Андреевна Швецова, Наталья Антоновна Микулина (Никулина), Агрофена Тимофеевна Латеницина.

В 1896 г. XVI-я Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде, профинансированная лично императором Николаем II и явившаяся самой крупной выставкой дореволюционной России, принимала в рамках работы десятого отдела «Художественно-промышленного» и одиннадцатого отдела выставки «Кустарные промыслы» в том числе мастеров кустарной игрушки, направленных земствами со всей страны. Специально выстроенное по проекту В.В. Суслова крестообразное деревянное здание порядка семидесяти пяти метров посередине имело высокую ротонду, а при входе по бокам башенки в русском стиле (XVI-я Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде 1896 года. План выставки и описание павильонов выставки. Составлено в техническом бюро инженера-технолога Н.П. Мельникова. Одесса, 1896. 96 с.).

Стоит отметить, что кустарный отдел еще никогда так не экспонировался, как на Нижегородской выставке 1896 года. Кустарный музей начал свою подготовку к выставке за полтора года, о чем уведомил организаторов и Московскую губернскую управу, активно участвовал в тематических заседаниях председателей уездных управ и экономического бюро Московского губернского земства. Земства со всей губернии отправляли в специальных ящиках, с полным описанием, игрушки своих мастеров на адрес склада Кустарного музея (ЦГИА г. Москвы. Ф.184. Оп.4. Д. 68. Л.1, 9).

Безусловно, в масштабах Нижегородской выставки 1896 г. игрушка, по сравнению с другими кустарными изделиями, была представлена весьма скромно, но, тем не менее, указатели содержат информацию о представленных изделиях отдельных мастеров Вятского земства, Нижегородского земства и музея Московского губернского земства (Общий указатель Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде. 1-е издание. М.: Типо-литогр. Высочайше утв. «Русского Т-ва печати и издат. дела», 1896. 646 с.)

Игрушки поставлялись на выставку со всей страны, особо отмечалась работа отдельных кустарей. Так, восемнадцать игрушек представила вятская мастерица дымковской (с. Дымково ныне район г. Кирова) игрушки Анна Афанасьевна Мезрина (Никулиной). В указателе Вятского кустарного отдела имя А.А. Мезриной (1853—1938), упоминается как имя самой первой дымковской мастерицы, чье творчество стало так широко известно в дореволюционной и советской России (Указатель по экспонатам вятского кустарного отдела на всероссийской выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. Вятка: Вятское губернское земство, 1896. 99 с.).

Первой учительницей мастерицы, как и в большинстве семей, занимавшихся кустарным делом, были бабушка, мать и старшие сестры Мезриной.

Подробный указатель Нижегородской выставки 1896 г. утверждает, что производство игрушек, главным образом, было сконцентрировано в Московской, Нижегородской и Владимирской губерниях. Москва со складом Кустарного музея Московского земства являлась главным складочным местом игрушек для России. Всех производителей игрушек по стране насчитывалось от двух до трех тысяч человек, а ежегодная прибыль составляла до 500 000 руб. в масштабах страны (Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел XI. Кустарные промыслы. М.: Типо-литогр. Высочайше утв. «Русского Т-ва печати и издат. дела», 1896. 23 с.).

Представленные на выставке игрушки были созданы из самых разных материалов, предоставляемых зачастую земствами, и с применением различной техники: бумажные,

мастичные, деревянные (резные, токарные, столярные), лыковые, металлические, текстильные, глиняные, смешанные. В большей части изделия были выполнены грубо, по причине чего стоили достаточно дешево и были доступны для самых бедных слоев населения, хотя наблюдались и дорогие игрушки, качественно выполненные мастерами Московского земства. Кроме этого, все игрушечные изделия были представлены в рамках кустарных и художественных промыслов выставки, что зачастую способствовало их замкнутости и потере в общих масштабах мероприятия. Инженерами выставки признавалось, что «земская игрушка, как товар, весьма несподручна, - в силу своей дороговизны она не может найти массового сбыта» и причиной этого указывались организация сбыта товара земскими мастерскими, отсутствие оригинальности в новизне игрушки и, конечно, цены (например, деревянный петух – 1 руб., а керамическая свинья – 40 коп. // Филиппов Н.А. Кустарная промышленность в экспонатах Нижегородской выставки. М.: Типография К.А. Казначеева, 1896. 22 с.).

Работа Кустарного музея Московского земства в Нижнем Новгороде подверглась критике в прессе уже в ходе выставки за "списывание" заграничной игрушки и за ее дороговизну, в то время как земские игрушки других территорий были отмечены иначе. Например, «вятская муха» (по цене 5 коп.), как оригинальная забава, которую столичные дети не видели; куклы в национальных костюмах, строительные игры, сундучки с бирюльками – как оригинальные миниатюры домашнего русского быта. Критика была взята музеем на вооружение в дальнейших направлениях деятельности.

В 1913 г. в Санкт-Петербурге состоялась II Всероссийская кустарная выставка, где сразу 253 медали получила семеновская игрушка, поддерживаемая Нижегородским земством. Кроме этого, Нижегородское земство на выставке показывало деревянную хозяйственную игрушку (сани, телеги, сохи, бороны, бочки и пр. мастер Макар Шутов был отмечен похвальным листом Нижегородского земства). Вятское земство представило плетенные игрушки (мастер Березкин Иван Максимович), деревянные токарные игрушки (мастер Орчемкина Екатерина Алексеевна, игрушки из папье-маше (игрушечная учебная мастерская Вятского губернского земства)

Орчемкина Екатерина Алексеевна показала деревянные токарные игрушки, годовым производством на 400 руб., из которых 100 руб. сырьем выдала Вятская губернская земская управа из кустарного склада, на склад необходимо было сдать и произведенный игрушечный товар. У мастерицы имелся ножной токарный станок, а под ее началом трудилось три человека. В каталоге II Всероссийской кустарной выставки наблюдается информация о том, что игрушки Орчемкиной, были отмечены наградами: на Нижегородской выставке 1896 г. (похвальной грамотой и премией в 15 тыс. руб.); на Передвижной выставке - похвальным листом; на Казанской выставке – большой серебряной медалью (Всероссийская кустарная выставка. Указатель Второй всероссийской кустарной выставки в С.-Петербурге 1913 года, устроенной Главным управлением землеустройства и земледелия / ГУЗ и З. 1913. СПб.: Якорь, 1913. 788 с.).

Игрушечная учебная мастерская Вятского губернского земства представила на выставку игрушки из папье-маше и учебные пособия по их изготовлению игрушки годовым производством на одну тыс. рублей, выполненных из материалов, приобретённых в кустарном складе губернского земства на сумму 400 рублей. Мастерская существовала с 1900 г., в ней трудилось двенадцать учеников, и один практикант и уже имела серебряную медаль с Первой сельскохозяйственной кустарно-промышленной выставки в Сарапуле в 1907 г. и малую золотую медаль с Казанской выставки 1909 года (Всероссийская кустарная выставка. Указатель Второй всероссийской кустарной выставки в С.-Петербурге 1913 года, устроенной Главным управлением землеустройства

и земледелия / ГУЗ и З. 1913. СПб.: Якорь, 1913. 788 с.).

II Всероссийская кустарная выставка в С.-Петербурге 1913 г. представляла кустарные игрушки, производство и поставка которых были организованы и другими земствами: Пермским губернским земством (игрушки мастера А.И. Комелина); Казанским губернским земством (игрушка-пароход, мастера А.М. Синицына, игрушки с торгово-промышленного кустарного склада Казанского губернского земства); Тамбовским губернским земством (деревянные игрушки мастера Е.Ф. Вдюкова); Владимирским губернским земством (коллекции различных кустарных игрушек мастеров д. Богородская) (Всероссийская кустарная выставка. Указатель Второй всероссийской кустарной выставки в С.-Петербурге 1913 года, устроенной Главным управлением землеустройства и земледелия / ГУЗ и З. 1913. СПб.: Якорь, 1913. 788 с.).

Масштабнее всего свою игрушку на выставке в С.-Петербурге, безусловно, представило Московское губернское земство. Выставка презентовала коллекцию изделий кустарей-игрушечников Сергиева Посада годовым производством на 20000 руб.; разборные игрушки (мастер Н.Ф. Грачев, Звенигородский уезд); выжженные раскрашенные по дереву игрушки (мастер В.А. Чватов со своей семьей и наемным рабочим, мастер Р.С. Бусыгин); лепные игрушки (мастер И.М. Москвин (Всероссийская кустарная выставка. Указатель Второй всероссийской кустарной выставки в С.-Петербурге 1913 года, устроенной Главным управлением землеустройства и земледелия / ГУЗ и З. 1913. СПб.: Якорь, 1913. 788 с.).

Значение выставок для развития производства и рынков сбыта кустарной игрушки, представленной земствами со всей страны, было очевидным. Если учесть, что в конце XIX — начале XX вв. ежегодно в России устраивалось порядка 15–20 различных выставок, то как минимум, публика знакомилась с выставленными изделиями, находились новые рынки сбыта игрушечного товара, вводились в практику новые изобретательные образцы, в борьбе с конкурентами образцы игрушек улучшались, похожие (по технике производства) игрушки вынуждали в своей деятельности мастеров сближаться.

Изучая опыт Московского губернского земства в части деятельности и Сергиево-Посадской мастерской, земства других территорий начинали фокусировать свое внимание не только на выставочную деятельность, немаловажным был и вопрос организации школ и мастерских по производству игрушек. Земские кустарные мастерские (учебные и производственные) и школы функционировали в ряде губерний Российской империи, но при школах наблюдалось лишь периодическое активное производство игрушек. В 1916 г. Нижегородское земство в г. Семёнов прислало мастера Георгия Петровича Матвеева с целью создания школы художественной обработки дерева (ХОД), а учебная мастерская Курского губернского земства была открыта самим Н.Д. Бартрамом.

Московское земство за свои полвека организовало производство самых разных игрушек из бумаги и мастики, из дерева и металла, из фарфора и смешанных материалов и распространяло свой опыт на другие территории. Деревянные токарные игрушки, в основном, создавали порядка двенадцати селений Подольского уезда, пяти селений Звенигородского уезда и, конечно, в Сергиевом Посаде. Центром производства фарфоровых игрушек являлось с. Ново-Харитоново Гжельской волости Бронницкого уезда. Сосредоточением создания металлических игрушек стала Ольгинская и Ильинская волости Дмитровского уезда. Бумажная, мастичная, деревянная резная игрушка, как и игрушка из разных материалов была распространена в Сергиевом Посаде и еще десятке

слобод и селений по соседству. Главным местом сбыта была Москва и крупные российские города (Петербург, Харьков, Киев, Одесса, Нижний Новгород), а также торговые центры Англии, Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Италии, Швейцарии, Дании, Турции, «славянских земель», Америки. Стоимость игрушечного товара, который создавался кустарями Московской губернии, доходила к пятидесятилетнему юбилею земства уже до 900 000 руб. в год.

С середины 80-х гг. XIX в. до прихода к власти большевиков, многие земства поддерживали кустарные промыслы и, в том числе, игрушку, даже при том, что доля промыслов в экономике только уменьшалась. Популяризация стиля «а ля рус» самим императором Александром III не обошла стороной и народную игрушку, по всей стране наблюдался общественный интерес к родной истории и культуре, что подпитывало художников и кустарей в вопросах разработки образцов игрушек, позволивших передать, в том числе, особенности национального самовыражения народов, населявших Россию. В работах кустарей-игрушечников земства поддерживали особенно создание тех изделий, в основе которых лежало собственное национальное направление. Земство содействовало игрушечному промыслу, что выражалось: в заботах об организации улучшения техники и наращивания объёмов производства игрушки; в организации сбыта товара и поставки сырья мастерам; в создании кооперативных товариществ и артелей мастеров-игрушечников.

Библиография

1. Олейник Н.Н., Невлев В.В. Историческая корреляция кустарной промышленности и кустарно-промысловой кооперации в пореформенной России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2023. Т. 9. № 4. С. 90-98.
2. Зотова Е.Я. Литейные мастерские подмосковной деревни Анциферово: история и современность // Комплексная археография Московского университета: сборник научных статей. Труды исторического факультета МГУ. Москва, 2023. С. 687-698.
3. Михайлова Т.Б., Устиненко В.В. Уральская кустарная мебель как феномен культурного наследия// Диалоги о защите культурных ценностей. Материалы III Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2023. С. 407-410.
4. Домаренко Е.В. Понятийный аппарат народных художественных ремёсел и промыслов как отражение культурной реальности русского народа // Образование и общество. 2022. № 4 (135). С. 66-74.
5. Евдокимов И. Русская игрушка. М.: Гос. изд-во, 1925. 36 с.
6. Карташова М.В. Система функционирования кустарных промыслов накануне Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2020. №2. С. 27-33.
7. Кашаева Ю.А. Пермское земство и развитие кустарных промыслов в 1880-х-1914 годах // Вестник Пермского государственного технического университета. Культура, история, философия, право. 2010. № 3. С. 94-104.
8. Григорова В.А., Перепелицын А.В. К вопросу об участии земств в организации сбыта кустарных изделий в России в первой четверти XX века // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 3 (300). С. 99-103.
9. Корепанова С.А. Учебные (педагогические) отделы на промышленных выставках XIX в. // Историко-педагогические чтения. 2004. № 8. С. 92-97.
10. Лачаева М.Ю. Всероссийская художественно-промышленная выставка в Нижнем

- Новгороде 1896 года // Отечественная история. № 5. 1996. С.169-180.
11. Чушкин А. Резная игрушка из дерева / Под ред. Н. Бартрам М.: 1-я Образцовая тип.; Ленинград: Гос. изд-во, 1927. 64 с.
 12. Горожанина С.В. К истории художественных мастерских Московского губернского земства в Сергиевом Посаде (1891–1917 гг.) // Московский государственный дом Бурганова. Пространство культуры. М., 2009. №2. С.132-143.
 13. Егоров, В.Г. Кустарные промыслы нечерноземной деревни второй половины XIX — начала XX вв. (на материалах Московской губернии). М.: Ин-т диаспоры и интеграции (Ин-т стран СНГ), 2011. 446 с.
 14. Катаева Е.А. История русской промышленной игрушки XIX-XX вв. М.: МАКС Пресс, 2005. 81 с.
 15. Кремянский С.Е. Игрушечный промысел в Сергиевом Посаде в Дмитровском уезде Московской губернии. По данным исследования 1912–1913 гг. М., 1916. 47 с.
 16. Слаников С.И. Обзор деятельности земств по кустарной промышленности. СПб., 1913. Т.1. 204 с.
 17. Церетелли Н. Русская крестьянская игрушка. М.: Academia, 1933. 261 с.
 18. Игрушка, ее история и значение / Под ред. Н.Д. Бартрам. М.: И.Д. Сытин, 1912. 246 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования - Организация производства и реализация кустарной игрушки российскими земствами. Название статьи полностью соответствует ее содержанию.

Методология исследования основана на принципах системности, объективности, научности и историзма. В работе были использованы специальные исторические методы: историко-сравнительный и историко-хронологический.

Актуальность темы определяется, как отмечает автор статьи, тем, что в настоящее время отмечается рост интересных выставок, посвященных достижениям кустарного промысла. В их числе известны «выставка-ярмарка «Ладья», выставка-форум «Россия», а также разнообразные региональные выставки, которые по своей сути похожи на выставки, которые проводились в России в конце XIX-начала XX в. (губернские и всероссийские кустарные, промышленно-художественные выставки) и в СССР («Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка», «Выставка достижений народного хозяйства»). Автор пишет, что «выставочно-ярмарочная деятельность в настоящее время активно популяризуется и организуется федеральными и региональными властями. Особое место на таких выставках всегда занимали местные кустарные производства, которые представляли историю и культуру самых разных местностей и регионов обширной российской территории. Актуальность темы обусловлена не только тем, что активизировалась выставочная деятельность достижений народных промыслов, но и тем, что кустарные промыслы и ремесла в настоящее время, как и в конце XIX-начале XX в. могут обеспечивать население дополнительным приработком, снижают уровень безработицы, стимулируют экономическую активность населения, способствуют возрождению и развитию промыслов, сохранению народной культуры. Изучение опыта производства кустарных промыслов в региональном измерении будет способствовать возрождению некоторых забытых промыслов, вызовет интерес к их изучению и ревитализации местных локальных промыслов и ремесел в

современных условиях.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна заключается в том, что фактически впервые комплексно и всесторонне раскрывается организация производства и реализация кустарной игрушки российскими земствами в конце XIX-начале XX века.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом можно признать научным с элементами описательности, что делает текст легким для чтения и восприятия. Структура работы логично выстроена и направлена на достижение цели и задач исследования. В начале статьи автор раскрывает актуальность темы, цель и задачи. Автор перечисляет работы исследователей. Которые в разное время изучали народные промыслы и выставки достижений народных промыслов и ремесел и отмечает, что «с конца XIX в. до сегодняшнего дня внимание ряда авторов направлено на кустарную игрушку и ее место в выставочном пространстве» и в библиографии дает список этих работ. В тексте статьи показано какое внимание земства уделяли кустарным промыслам и автор подчеркивает, что многое в этом вопросе зависело «от умения распределять финансы и вести кустарный бизнес, развивать отдельные кустарные направления, от наличия мастеров и педагогов, предпринимателей и центров сбыта продукции, отмечает в начале XX века важное место в развитии промыслов и ремесел играли музеи, мастерские и выставки, поддерживаемые земскими органами самоуправления, губернскими и императорскими властями. В статье называются имена мастеров, которые делали оригинальные игрушки, показано как шла подготовка мастеров, в каких регионах страны проводились выставки и многое другое. В заключении статьи автор приводит свои выводы и пишет, что «с середины 80-х гг. XIX в. до прихода к власти большевиков, ...земства поддерживали кустарные промыслы... ..В работах кустарей-игрушечников земства поддерживали особенно создание тех изделий, в основе которых лежало собственное национальное направление. Земство содействовало игрушечному промыслу, что выражалось: в заботах об организации улучшения техники и наращивания объёмов производства игрушки; в организации сбыта товара и поставки сырья мастерам; в создании кооперативных товариществ и артелей мастеров-игрушечников».

Библиография работы состоит из 18 источников, посвященных в той или иной мере исследуемой теме (это работы исследователей начала XX века и работы, вышедшие из печати в последние два десятилетия) и эти работы автором грамотно использованы в статье.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации в ходе работы над статьей, а также в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Вишнякова И.А. Социально-демографический состав иранского революционного подполья в Сирии и Ливане в 1970-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.4.70380 EDN:

OLEIGU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70380

Социально-демографический состав иранского революционного подполья в Сирии и Ливане в 1970-х гг.

Вишнякова Ирина Андреевна

ORCID: 0009-0008-7219-113X

аспирант, кафедра Истории стран Ближнего Востока, Санкт-Петербургский Государственный Университет

199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7-9

✉ iranvishnyakova@gmail.com

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.4.70380

EDN:

OLEIGU

Дата направления статьи в редакцию:

01-04-2024

Дата публикации:

08-04-2024

Аннотация: В рамках данного исследования производится попытка проанализировать социально-демографический состав иранской исламской оппозиции, действовавшей на территории Сирии и Ливана в преддверии Исламской революции 1978-1979 гг. Целью данного исследования выступает анализ биографических данных членов иранского революционного движения и создание на их основе социально-демографического портрета революционеров. Изучение состава представителей иранского Исламского движения, живших и работавших в Сирии и Ливане, является важным шагом на пути изучения деятельности иранской оппозиции в данном регионе в предреволюционный период, которая практически не привлекала внимания иранских, западных и отечественных исследователей. Источниковую базу исследования составили воспоминания активных участников иранского революционного движения,

действовавших в Сирии и Ливане на протяжении 1970-х гг. Систематизация данных производилась с использованием методики, предлагаемой в работах по истории российских подпольных организаций второй половины XIX – начала XX вв. Этот выбор был обусловлен наличием определенного типологического сходства между иранскими революционными группами и российскими подпольными организациями второй половины XIX – начала XX вв. В результате данного исследования на основе анализа мемуаров и воспоминаний иранских оппозиционных деятелей было определено примерное количество представителей иранского Исламского движения, действовавших в Сирии и Ливане на протяжении 1970-х гг. Для части из них удалось установить биографические данные, благодаря чему стало возможно проанализировать социальный и демографический состав революционного подполья. В частности, была проанализирована поколенческая идентичность и сословная принадлежность революционеров, уровень их светского и религиозного образования, сфера занятости и семейный статус. Как представляется, полученные сведения могут стать важным шагом на пути воссоздания процессов, происходивших в Иране накануне Исламской революции, а также внести вклад в изучение новейшей истории ближневосточного региона в целом.

Ключевые слова:

Иран, Исламская революция, Новейшая история, Ливан, Сирия, Ближний Восток, Исламское движение, XX век, Палестина, Социально-демографический анализ

Благодаря активной деятельности в в регионе Леванта палестинских военизированных группировок, входивших в состав «Организации освобождения Палестины» (сокр. «ООП»), в том числе возглавляемого Я. Арафатом (1929-2004) «Движения за освобождение Палестины», более известного по перевернутой аббревиатуре «ФАТХ», в 1960-х I 1970-х гг. Ливан (и в меньшей степени Сирия) являлись объектом притяжения для революционных сил со всего мира. В палестинских лагерях проходили военное обучение сторонники самых разных политических течений из различных стран Европы, Ближнего и Дальнего востока и Латинской Америки. Постепенно к мысли о необходимости сотрудничества с палестинцами пришла и иранская исламская оппозиция, в частности, представители возникшего в первой половине 1960-х гг. Исламского движения под руководством аятоллы Р. Хомейни (1902-1989).

Период активной деятельности иранской исламской оппозиции в Сирии и Ливане продлился около 8 лет, со второй половины 1970 г. по февраль 1979 г. За это время сиро-ливанский регион превратился в один из основных зарубежных центров иранского оппозиционного движения. Тем не менее, деятельность иранской оппозиции в Ливане никогда не становилась предметом отдельного научного исследования. В работах по истории Исламской революции и внешней политики Ирана второй половины XX в. содержатся лишь фрагментарные сведения о деятельности иранских оппозиционных сил в ближневосточном регионе, в частности на территории Ливана [\[1-5\]](#). Однако, как представляется, изучение истории создания и функционирования иранского революционного подполья в Леванте, в частности, изучение социально-демографического состава революционеров, может стать важным шагом на пути воссоздания процессов, происходивших в Иране накануне Исламской революции, а также внести вклад в изучение новейшей истории ближневосточного региона в целом.

Целью данного исследования выступает анализ биографических данных членов

иранского революционного движения и создание на их основе социально-демографического портрета революционеров. Источниковую базу исследования составили воспоминания активных участников иранского революционного движения, действовавших на территории Ливана. Необходимо отметить, что за последние три десятилетия иранскими исследователями и специалистами по устной истории было издано множество автобиографий и воспоминаний деятелей Исламской революции. Большой популярностью пользуется также жанр «мемуаров-биографий» (воспоминаний об ушедших товарищах) и беллетризованных биографий, написанных на основе интервью с участниками и очевидцами революционных событий. В рамках данного исследования были проанализированы мемуары и интервью Асгара Джаммалифарда (род. 1945) [\[6\]](#), Али Джаннати (род. 1949) [\[7\]](#), Ибрахима Йезди (1939-2017) [\[8, 9\]](#), Джалаладдина Фарси (род. 1934) [\[10\]](#), Марзийе Хадидчи-Даббаг (1939-2016) [\[11\]](#) и других участников Исламского движения, действовавших в Ливане в 1970-е гг.

В ходе данного исследования было установлено, что в 1970-х гг. на территории Сирии и Ливана действовало от нескольких сотен до нескольких тысяч иранских революционеров-нелегалов. Столь широкий разброс данных о численности членов революционного подполья объясняется самим характером их деятельности, при осуществлении которой делом первостепенной важности являлась конспирация. В результате, единственным источником информации о примерном количестве действовавших в Сирии и Ливане революционеров выступают воспоминания членов оппозиционного движения.

В результате анализа источников удалось установить имена 52 революционера, действовавшего в 1970-х гг. в Сирии и Ливане. Для 38 человек (четверо из которых – женщины) стало возможным восстановить и проанализировать общие биографические сведения и составить их социальный портрет. Систематизация полученных данных производилась с использованием методики, предлагаемой в работах по истории народнического движения в Российской империи и деятельности партии социалистов-революционеров [\[12-14\]](#). Данный выбор был обусловлен, в первую очередь, наличием определенного типологического сходства между иранскими революционными группами и российскими подпольными организациями второй половины XIX – начала XX вв. Представляется, что данное сходство выражается в конспиративно-элитарном характере данных организаций, их установке на вооруженную борьбу, ведении масштабной деятельности за рубежом и ряде других признаков.

Исходя из анализа данных о возрасте революционеров, можно сделать вывод о том, что костяк революционного подполья в Сирии и Ливане составляли люди, рожденные во второй половине 1940-х (7 из 38, или 18%) и первой половине 1950-х гг. (14 из 38, или 37%), то есть представители так называемого «второго поколения революции» – молодежи 1970-х гг.. Британо-американский исследователь Э. Абрахамян, занимавшийся, в том числе, вопросом о возрастном и социальном составе иранской оппозиции, отмечал, что в отличие от «первого поколения революции», для которого основной причиной недовольства властями являлись государственный переворот 1953 г. и последующий курс шахского правительства на сближение с США, молодежь 1970-х гг. главным образом испытывала недовольство социально-экономическим развитием страны, установлением еще более тесного сотрудничества с Соединенными Штатами и Израилем, а также повсеместным проникновением западных ценностей и западной культуры [\[15, с. 17\]](#).

Нижний порог возраста революционеров из указанной выборки на момент отъезда в Сирию и Ливан составлял 17 лет (2 человека из 38), верхний – 36 лет (1 человек). Большая часть из них, а именно 22 человека из 38, то есть 58%, на момент поездки в сиро-ливанский регион находилась в возрасте от 20 до 30 лет.

Значительное число революционеров из указанного списка, а именно 22 человека (60%), родились в провинциях Тегеран и Исфаган – крупнейших экономических и промышленных регионах страны. Анализируя данные о месте рождения в совокупности, можно сделать вывод о том, что по большей части участники рассматриваемой выборки являлись уроженцами городов – столичного Тегерана, провинциальных и уездных центров (10, 9 и 11 человек, или 27%, 24% и 29%, соответственно). Лишь 4 человека из 38 (11%) родились в деревнях. Тем не менее, к моменту своего присоединения к оппозиционному движению все 34 человека, место жительства которых удалось установить, проживали в городах.

Говоря о социальном составе иранского революционного подполья в Сирии и Ливане, стоит отметить, что социально-классовая структура стремительно модернизирующегося иранского общества в 1970-х гг. (в особенности, городских его слоев) отличалась нечеткостью и расплывчатостью границ, поэтому распределение революционеров по сословиям и сословным группам представляется весьма затруднительной задачей. За образец были взяты критерии, предложенные Э. Абрахамяном в работе «Radical Islam. The Iranian Mojahedin» [\[15, с. 17\]](#).

Большая часть революционеров, сословную принадлежность которых удалось установить, а именно, 20 человек из 38 (53%), принадлежала к «современному среднему классу», основу которого составляли служащие, специалисты, студенты высших образовательных учреждений – то есть, в большинстве своем, выходцы из других сословий и сословных групп. Примечательно, что согласно данным государственной переписи 1976 г. «современный средний класс» составлял лишь 10% взрослого населения Ирана, что разительным образом контрастирует с данными выборки [\[15, с. 16\]](#).

Напротив, представители низших городских слоев (рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, работники магазинов и лавок, мелкие торговцы, слуги, сезонные рабочие, безработные), к которым относилось 32% взрослого населения Ирана, в анализируемой выборке составили лишь 10% (4 человека из 38). Крестьян, доля которых среди населения страны равнялась 45% [\[15, с. 17\]](#), среди рассматриваемой группы революционеров не оказалось вовсе. Примерная корреляция между данными переписи и данными выборки наблюдается лишь в случае представителей «традиционного среднего класса» из числа владельцев малого и среднего бизнеса – ремесленных мастерских, базарных лавок и т.д. (10% по данным переписи [\[15, с. 16\]](#) и 8%, то есть 3 человека из 38, по данным выборки).

Значительную долю полученной выборки, а именно, 24%, или 9 человек из 38, составили представители духовенства. По данным переписи 1976 г., число представителей духовного сословия из 23 млн. иранцев в возрасте от 10 лет и старше составляло всего несколько десятков тысяч человек [\[16, с. 14\]](#). Примечательно, что большинство представителей духовенства из анализируемого списка, а именно 6 человек из 9, являлись учениками исламских духовных академий-медресе. Их доля среди общего числа революционеров составила 16% (6 человек из 38). Всего же в Иране к 1975 г. насчитывалось около 10 тыс. студентов духовных академий (туллябов) в возрасте от 15 до 31 года, причем около 6,5 тыс. из них обучалось в крупнейшем

религиозно-образовательном центре страны – хаузе (традиционной шиитской духовной академии) города Кум, состоявшей из нескольких богословских академий-медресе [\[17, с. 47\]](#).

Непропорционально высокая доля представителей духовного сословия, в частности, обучающихся медресе в полученной выборке может послужить еще одним свидетельством высокой степени политизированности иранского исламского духовенства 1970-х гг. Помимо собственно исламских учебных дисциплин туллябы 1960-х--1970-х гг. активно интересовались светским знанием. Многие ученики старались после занятий в медресе посещать уроки в обычной средней или старшей школе, а в медресе Хаггани, в котором обучалось 4 революционера-тулляба из анализируемого списка, был введен особый учебный план, включавший в себя историю и философию, основы психологии и международных отношений, иностранные языки и т.д. Кроме того, среди туллябов возрос интерес к чтению газет и прослушиванию радиопередач, что до этого считалось недопустимым занятием для представителя духовенства. Радиоприемник считался в то время предметом роскоши, в связи с чем распространению радио среди учеников медресе за ними занимались отдельные активисты [\[7, с. 57\]](#).

Еще одной большой группой революционеров в составе полученной выборки стали студенты высших учебных заведений. В абсолютной величине их доля составила 39%, или 15 человек из 38. Относительно общего количества представителей «современного среднего класса» студенты составили 75%, или 15 человек из 20.

Высокий уровень политической активности студенческой молодежи объяснялся, главным образом, тем, что на протяжении 1960-х – 1970-х гг. произошли стремительные изменения в ее качественном и количественном составе. Благодаря увеличению числа государственных стипендий и утверждению новых правил обучения в высших учебных заведениях произошло расширение социальной базы студенчества [\[15, с. 85\]](#). Если ранее в университетах преимущественно обучались дети крупных землевладельцев, высокопоставленных государственных служащих и богатых предпринимателей, то начиная с 1960-х гг. основную массу студенчества составляли выходцы из семей младших государственных служащих, мелких торговцев и ремесленников, священнослужителей и даже крестьян. Эта тенденция прослеживается и в данных полученной выборки. Поскольку во многих из этих семей религия была неотъемлемой частью повседневной жизни, социальная трансформация университетов способствовала значительной исламизации студенческой среды [\[17, с. 48\]](#).

Еще одним закономерным следствием расширения социального состава студенчества стало увеличение общего числа студентов в стране. В период с 1960 по 1976 г. оно возросло практически в 8 раз, с 24 до 190 тыс. человек. Вместе с тем увеличилась территориальная концентрация студенчества. К середине 70-х годов более 40% всех обучающихся высших учебных заведений были сосредоточены в восьми крупнейших университетах Тегерана и провинциальных центров [\[17, с. 48\]](#). В частности, из 15 студентов, фигурирующих в полученном списке, 2 человека обучались в вузах Тегерана, 3 – в Исфаганском университете и еще 3 – в университете Табриза. Кроме того, в 1970-е гг. произошел стремительный рост числа иранцев, получавших образование за границей. В 1975 г. их численность составила 38 тыс. человек, то есть более 20% всех иранских студентов [\[17, с. 48\]](#). Около половины (7 человек из 15) революционеро-студентов из полученной выборки обучались за рубежом – в США (5 человек), Франции и ФРГ (по одному человеку, соответственно). Благодаря увеличению численности и

концентрации студенчества в крупных городах Ирана, а также в иностранных образовательных центрах выросла и консолидация студенческой молодежи, что, в свою очередь, также способствовало радикализации студенческой среды.

Несмотря на большое количество студентов в выборке, 8 революционеров (21%) получили лишь среднее образование (что также достаточно высоко котирировалось в иранском обществе), а еще 3 человека (8%) по разным причинам смогли окончить только первые 6 классов (ступень основного общего образования) [\[18, с. 3\]](#). Тем не менее, вне зависимости от уровня полученного светского образования, всех революционеров из полученной выборки объединял интерес к исламу. Большинство из них родились в традиционных и религиозных семьях и с детства были знакомы с азами веры и Кораном. Для революционеров ислам был не просто религией или идеологией, а образом жизни и средством спасения не только в будущей, посмертной жизни, но и в жизни земной. Вполне закономерно, что и ответы на вопросы о принципах справедливого мироустройства они пытались найти в религии [\[11, с. 73\]](#).

Согласно полученным данным, 12 человек из 38, чей уровень светского и религиозного образования удалось установить, в разное время прослушали курс лекций в медресе. Еще 21 человек посещал занятия по толкованию Корана и публичные лекции богословов в мечетях и различных исламских обществах и культурных центрах. Происламски настроенные студенты из Тегерана слушали лекции и религиозные диспуты в знаменитом культурно-просветительском центре «Хосейнийе-йе эршад» (перс. حسینیه ارشاد, «место собраний [для] наставления»), в котором с 1967 по 1973 г. регулярно выступал философ Али Шариати [\[7, с. 68-71\]](#). Жители торгово-ремесленных кварталов столицы и провинциальных городов посещали занятия в местных мечетях и залах собраний [\[19, с. 75\]](#). На подобных занятиях зачастую обсуждались не только религиозные, но и насущные политические и экономические вопросы. Так, например, описывал свой опыт М. Боруджерди, приступивший к изучению ислама в очень раннем возрасте – около 7-8 лет:

«Когда я ходил на эти занятия, читал Коран и понимал смысл его аятов, мои глаза и уши открылись на многие вопросы... Я понял, кто такой имам [Хомейни] и почему его изгнали из страны» [\[20, с. 3\]](#).

Анализируя вопрос о месте жительства участников полученной выборки к моменту их поездки в Сирию или Ливан, удалось установить, что большая часть из них – а именно, 14 человек из 38 (37%), проживали в Тегеране. Еще 13 человек (34%) проживало в крупных провинциальных и уездных центрах Ирана (в частности, в Исфагане, Куме и Табризе). За границей проживало 10 революционеров, причем 6 из них – в США.

Говоря о семейном положении действовавших в Сирии и Ливане революционеров, стоит отметить, что в полученной выборке количество женатых мужчин превышает количество холостых (14 и 13 человек, соответственно). У 10 из женатых мужчин к моменту отъезда за границу уже были дети. Каждая из четырех женщин из анализируемого списка на момент поездки также состояла в браке, и у трех из них также были дети. Революционерка М. Хадидчи Даббаг, у которой в Иране остались муж, восемь детей и внуки, выехала в Сирию в одиночку, тогда как три оставшиеся девушки, на момент поездки в Сирию и Ливан являвшиеся студентками, в этом путешествии сопровождали своих мужей [\[11, с. 109\]](#).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большую часть из действовавших в Сирии и Ливане на протяжении 1970-х гг. революционеров, чьи биографические данные

удалось установить в ходе данного исследования, составляли люди, рожденные во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. На момент поездки в сиро-ливанский регион им было от 20 до 30 лет. Большая часть революционеров обоих полов на момент отъезда состояли в браке, причем у значительного числа из них к моменту отъезда были дети. Большинство из них на момент отъезда проживали в крупных иранских городах или за границей, главным образом, в США. По роду занятий они являлись студентами, учениками медресе, безработными, представителями сферы торговли и работниками мелких ремесленных мастерских. У значительной части революционеров было высшее или полное среднее образование, а также опыт получения духовного образования или самообразования. Абсолютное большинство из них принимало участие в деятельности полулегальных организаций по исламскому просвещению.

Следует отметить, что история иранского революционного подполья в Сирии и Ливане оставляет простор для дальнейших изысканий. В частности, большой интерес представляют сведения о деятельности в сиро-ливанском регионе представителей иных течений иранской оппозиции, в особенности, прокоммунистических сил, и сравнительный анализ данных представителей Исламского движения и «левого» крыла иранской политической мысли.

Библиография

1. Chehabi H.E. The Anti-Shah Opposition and Lebanon // Distant Relations: Iran and Lebanon in the Last 500 Years / ed. H.E. Chehabi. The Center of Lebanese Studies, Oxford, 2006. P. 162-198.
2. Samii A.W. The Shah's Lebanon Policy: The Role of SAVAK // Middle Eastern Studies. 1997. Vol. 33. No. 1. P. 66-91.
3. Abrahamian E. Iran Between Two Revolutions. Princeton University Press, 1982.
4. Алиев С.М. История Ирана. XX век. М., 2004.
5. Иранская революция 1978-1979 гг.: Причины и уроки / отв. ред. А.З. Арабаджян. М., 1989.
6. Джаммалифард А. Джарйāншэнāси-йе хамкārāн-э мобārэзāти-йе шаһид моһаммад-э монтазери [К вопросу о товарищах Мохаммада Монтазери] // Шāһэд-э йārāн. 2009. №48. С. 77-85.
7. Фахрзаде С. Хātэрāt-э али-йе джаннати [Воспоминания Али Джаннати] / сост. С. Фахрзаде. Тегеран: Марказ-э аснād-э энгэлāб-э эслāми, 2014.
8. Йезди И. Йāднāмэ-йе шаһид-э бозоргвār доктор мостафā чамрāн [Книга памяти великого мученика доктора Мостафы Чамрана] / ред. и сост. И. Йезди. Тегеран: Г□алам, 2004.
9. Йезди И. Шаст сāl-э сабури ва шокури: Хātэрāt-е доктор эбрāһим-э йазди. [Шестьдесят лет терпеливости и благодарности. Воспоминания доктора Ибрахима Йезди]. Т. 2. Тегеран: Кавир, 2015.
10. Фарси Дж. Завāйā-йе тāрик [Потаенные уголки]. Тегеран: Хадис, 1994.
11. Шафии А. Парвāз бā нур: Хātэрāt ва мобārэзāt (До рэвāйат аз зэндэги-йе хāном-э марзийе-йе һадидчи даббāг) [Полет в лучах света: Воспоминания и борьба (Две повести о жизни госпожи Марзийе Хахидчи Даббаг)] / сост. А. Шафии. Тегеран: Орудж, 2006.
12. Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998;
13. Калинин С.В. Психологический фактор в деятельности «Земли и воли» 1870-х гг. //

- Вопросы истории. 1999. № 3. С. 46-58;
14. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1917 гг. М., 1998.
 15. Abrahamian E. Radical Islam. The Iranian Mojahedin. London: I.B. Tauris, 1989.
 16. Арабаджян З.А. Сдвиги в социально-классовой структуре иранского общества в канун революции // Иранская революция 1978-1979 гг.: Причины и уроки / отв. ред. А.З. Арабаджян. М.: Наука, 1989. С. 6-15.
 17. Юртаев В.И. Участие студенчества в общественном движении в 60–70-е годы // Иранская революция 1978-1979 гг.: Причины и уроки / отв. ред. А.З. Арабаджян. М.: Наука, 1989. С. 46-55.
 18. Сэйфпур В. Остурэ-йе танһа: Нимнэгāһ-и бэ кārнāмэ-йе мобārэзāти-йе шаһид сэйед 'али-йе андарзгу [Взгляд на боевое прошлое сейида Али Андарзгу] // Шāһэд-э йārāн. 2007. №24. С. 3.
 19. Карими М. Аһл-э донйā ва дараджэ ва мағам набуд. Бāзхāни-йе мобārэзāт-э хастэгинāпазир-э шаһид һāдж давуд карими дар гофтогу бā моһаммад-э карими барāдар-э шаһид [Он не был привязан к материальным ценностям. Еще раз о неустанной борьбе хаджи Давуда Карими в интервью с его братом Мохаммадом Карими] // Шāһэд-э йārāн. 2016. №130. С. 75-77.
 20. Ширази Ф. Энгэлāби-йе āрāм ва шоджā': Нэгāһ-и бэ зэндэги-йе сардār-э рашид-э эслām шаһид моһаммад-э боруджәрди [Спокойный и смелый революционер. Взгляд на жизнь смелого полководца ислама шахида Мохаммада Боруджерди] // Шāһэд-э йārāн. 2011. №67. С. 3

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В современном мире на наших глазах происходят резкие перемены в системе международных отношений: на смену уставшему североамериканскому колоссу приходят такие акторы, как Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. Говоря о роли современного Ирана на Ближнем и Среднем Востоке нельзя обойти внимание годы, предшествовавшие исламской революции, ведь падение режима шаха произошло в результате многолетней оппозиционной борьбы. Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является социально-демографический состав иранского революционного подполья в Сирии и Ливане в 1970-х гг. Автор ставит своими задачами проанализировать биографические данные членов иранского революционного движения и создать на их основе социально-демографический портрет революционеров.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, методологический базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор отмечает, что "изучение истории создания и функционирования иранского революционного подполья в Леванте, в частности, изучение социально-демографического состава революционеров, может стать важным шагом на пути воссоздания процессов, происходивших в Иране накануне Исламской революции, а также внести вклад в изучение новейшей истории ближневосточного региона в целом".

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует

отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на английском и персидском языке, что определяется самой постановкой темы. Из используемых автором источников укажем на "мемуары и интервью Асгара Джаммалифарда, Али Джаннати, Ибрахима Йезди, Джалаладдина Фарси, Марзийе Хадидчи-Даббаги других участников Исламского движения, действовавших в Ливане в 1970-е гг."

Из привлекаемых автором исследований укажем на труды З.А. Арабаджяна и В.И. Юртаева, в центре внимания которых находятся различные аспекты иранской истории 1970-х гг., а также биографические исследования Ф. Ширази и М. Карими. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей современного Ирана, в целом, так и Ираном 1970-х гг., в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "единственным источником информации о примерном количестве действовавших в Сирии и Ливане революционеров выступают воспоминания членов оппозиционного движения". В работе показано, что из 52 имен у "38 человек (четверо из которых – женщины) стало возможным восстановить и проанализировать общие биографические сведения и составить их социальный портрет". Автор обращает внимание на то, что для изученных "революционеров ислам был не просто религией или идеологией, а образом жизни и средством спасения не только в будущей, посмертной жизни, но и в жизни земной". Что касается возраста, то "22 человека из 38, то есть 58%, на момент поездки в сиро-ливанский регион находилась в возрасте от 20 до 30 лет".

Главным выводом статьи является то, что "история иранского революционного подполья в Сирии и Ливане оставляет простор для дальнейших изысканий".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ильясов Л.М. Отражение сакральной символики в фольклоре и танцевальной культуре чеченцев // Genesis: исторические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.4.70446 EDN: GEJSIE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70446

Отражение сакральной символики в фольклоре и танцевальной культуре чеченцев

Ильясов Леча Махмудович

ORCID: 0000-0002-8824-4303

кандидат филологических наук

докторант Института этнологии и антропологии РАН

117335, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 42, оф. 4

✉ lechailyasov@gmail.com

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.4.70446

EDN:

GEJSIE

Дата направления статьи в редакцию:

09-04-2024

Дата публикации:

16-04-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию сакральной символики, представленной в петроглифике Чечни и получившей широкое распространение в материальной культуре местного населения древней и позднесредневековой эпохи: в декоре металлических изделий, орнаменте ковров и керамики. Автор полагает, что сакральная символика получила отражение и в духовной культуре. Круг, крест, спираль и другие сакральные символы воплотились в самых разных формах в устном народном творчестве, танцевальной культуре, обрядовых традициях, нартском эпосе, определяя тем самым стилистические особенности культуры Северного Кавказа. Сакральные смыслы запечатлелись не только в изображениях танцующих антропоморфных фигур на стенах жилых и боевых башен, но и рисунок их движений и жестов повторяет очертания

древних символов, свидетельствуя тем самым о ритуальном характере зарождения народного танца и многих жанров устного народного творчества. Методологической основой исследования является совокупность общеисторических, этнографических и археологических методов исследования, использование которых определяется характером изучаемого материала. Таким образом, внутреннее пространство и структура явлений духовной культуры соответствуют формам основных сакральных символов, существовавших в культуре народов региона в древности, создавая тем самым особую стилистику северокавказской культуры, которой свойственна внутренняя сакральность. Отражение мифологических сюжетов и символов в петроглифике и бронзовой пластике кобанской культуры поздней бронзы и раннего железа свидетельствует о глубокой древности народного танца и многих жанров устного народного творчества населения Северного Кавказа и говорит о тесном переплетении феноменов материальной и духовной культуры в тот период, о сакральности бытия в его представлениях. Ритуальность проникает во все сферы жизни (труд, погребальный обряд, свадебный обряд), оберегая древнего человека от всего плохого.

Ключевые слова:

Северный Кавказ, кобанская археологическая культура, сакральная символика, тотем, средневековое народное зодчество, петроглифы архитектурных сооружений, устное народное творчество, миф, обряд вызывания дождя, танцевальная культура

Научный интерес к петроглифам средневековых сооружений Чечни появляется во второй половине XIX в. и связан с деятельностью археологической экспедиции В.Ф. Миллера, основной целью которой были поиски следов христианства на Северном Кавказе. Исследователь обнаружил две каменные плиты с петроглифами на башне в чеченском селении Хайбах, в окрестностях озера Галанчож. Одна из них представляла собой арочный камень входного проема, в центре которого нарисован крест, а под ним орнамент, оканчивающийся с обеих сторон спиральями. На другой были изображены три креста: большой - в центре и два поменьше - по бокам. Эта плита, как предположил ученый, «была взята с христианского памятника и употреблена как простой камень при построении башни». К следам бывшего христианства он также отнес почитание креста в самых разных формах, бытовавшее у вайнахов еще в начале XVIII в. [\[1\]](#).

В советское время изучением петроглифов архитектурных сооружений Чечни занимались А.А. Исламов, И.Д. Магомадов, В.П. Кобычев, В.И. Марковин [\[2; 3; 4; 5\]](#), труды которых были посвящены, в основном, исследованию их семантики и функционального назначения.

Однако сакральные символы использовались не только в материальной культуре (орудия труда, оружие, украшения, керамика) в качестве декора и орнамента, но и в мифологических сказаниях, легендах, волшебных сказках, нартском эпосе в качестве схем, создающих их внешние очертания, свидетельствуя о их первоначальном ритуальном значении и культовом содержании. Сельскохозяйственный календарь, различные жанры фольклора, народный танец несут в себе закодированную информацию о древнейших религиозных культах, бытовавших на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы, отголоски которых дошли до нашего времени, зафиксированные древними «художниками» в отдельных петроглифах и их композициях.

В этом отношении почти вся средневековая петроглифика Чечни имеет параллели в

системе символов кобанской культуры, среди которых встречаются лабиринт, двойные спирали, солярные и астральные символы различного типа, в том числе свастика с закругленными и прямоугольными концами, человеческая ладонь, змеевидные изображения, фигуры людей и животных. Более того, стиль изображения оленей в наскальных рисунках в верховьях реки Аргун абсолютно идентичен бронзовым скульптурам кобанцев, что дает возможность отнести эти петроглифы к I тыс. до н.э. [6]. Исследователи отмечают наличие у племен кобанской культуры развитой сложной мировоззренческой системы, с которой связана предметная структурированная символика с понятным для населения значением [7, с.70].

Древний художник выбирал из изобразительного багажа наскального искусства наиболее емкие, универсальные символы, способные на маленькой поверхности строительного камня запечатлеть очень важную для коллектива сакральную информацию, способную защитить постройку от всего дурного, или обращенную к языческим божествам молитву о благополучии и процветании, живущих в ней людей, или имеющий культовое значение космогонический миф. Поэтому мы встречаем на стенах башен сакральные символы, которые относятся к базовым архетипам и сохраняют свою сакральную актуальность в течение тысячелетий.

На камни архитектурных сооружений наносились и композиции с изображениями магических обрядов, «так как магия ограничена строгими условиями своей эффективности: точное воспроизведение колдовской формулы, безукоризненное совершенство ритуала, неукоснительное соблюдение табу и церемоний обряда» [8, с.91-95].

Кроме того, можно предположить, что петроглифы использовались и для сохранения и передачи важной сакральной или социальной информации членам сообщества с помощью специальной символики (кода), которая имела древние традиции в этой географической и культурной зоне [9, с.37-46].

Миф «О том, как произошли солнце, луна и звезды» запечатлен на камне циклопической постройки в местечке Колхад, к югу от селения Ведучи [10, с.295]. На огромном камне (1м х 0,7 м) изображены символы луны и солнца, рядом с ними антропоморфные фигуры, одна из которых чуть поменьше, по всей видимости, является изображением девушки [11, с.71]. Кроме того, на камень нанесены знаки, связанные с сельскохозяйственным календарем, что указывает и на практическое использование композиции древними земледельцами.

В петроглифике Чечни зафиксированы и другие сюжеты, отражающие мифы о происхождении планет Солнечной системы и созвездий, календарные циклы и обращения к Богу с молитвой о благодати. Тема благодати проходит через многие сказки, мифы и сказания чеченцев. Миф «О возникновении благодати земной» связывает ее происхождение с огромной белой птицей [12]. Отражением этого мифа можно считать композицию на камне в селении Харкарой, в которой водоплавающая птица изображена как существо, представляющее Верхний, Божественный мир. Интерес в этой композиции представляет и изображение злака, который здесь является и олицетворением растительного мира как части мироздания, и символом небесной благодати.

Широко представлен в петроглифике Чечни, Ингушетии и Северной Осетии миф о похищении героем огня для людей, который был очень популярен на Кавказе. В

чеченской версии нарт Пхармат украл огонь у божества грома и молнии Селы и отдал его людям. В этом подвиге ему помогает конь, который уносит своего хозяина от гнева разъяренного божества и помогает ему добыть огонь, но не спасает от жестокого наказания. Изображения всадника рядом с солярными символами на камнях средневековых башен могут быть связаны с древним сюжетом о похищении огня.

В Чечне еще в XVIII в. отмечали праздник, связанный с одиннадцатилетним календарным циклом, который может быть отголоском мифа о золотом руне. Во время празднования на дубовую раму, выполненную в виде креста, натягивали шкуру белого барана, и это изделие, которое сохраняло свою сакральную силу в течение одиннадцати лет называлось «дашо эртал – золотое руно» [\[13\]](#).

Отголоски древних верований сохранились и в произведениях устного народного творчества, в том числе и в волшебных сказках, герои которых обладают магическими способностями и пользуются волшебными предметами, которые помогают им побеждать чудовищ и путешествовать во Вселенной. В селении Гамхи на камне боевой башни сохранилась композиция, в центре которой изображен предмет, напоминающий летательный аппарат, внутри которого отпечаток руки, на крыльях – крест и маленькая антропоморфная фигура. Аппарат окружен кругами и квадратами, внутри которых нарисованы группы точек, напоминающие созвездия Зодиака.

Бронзовые статуэтки кобанской культуры поздней бронзы и раннего железа, в которых запечатлены различные элементы народного танца, обнаружены в различных районах Северного Кавказа, что свидетельствует о его древности [\[14\]](#). Это подтверждается и рисунками на каменных башнях, зафиксировавших танцующие антропоморфные фигуры.

В чеченской танцевальной культуре сохранились различные движения и фигуры, которые свидетельствуют о ритуальном, тотемистическом происхождении народного танца и связи его с сакральными для народов Кавказа животными: медведем, бараном, оленем, которые, вероятно, были тотемными в древнейшее время. Баран в представлениях чеченцев был олицетворением твердости, мужества и стойкости, медведь – физической силы в сочетании с человеческой мудростью, олень – благородства и скорости.

Рисунок коллективных и парных танцев чеченцев свидетельствует о их связи с культом солнца, так как они имеют аналогии в таких солярных символах, как круг, двойная спираль и свастика. Солярная символика на поясных пряжках кобанской археологической культуры VI в. до н.э. является отражением мифа о солнце, которое вечером покидает мир живых и погружается в море, а утром опять возвращается и, достигнув апогея, опять уходит в мир мертвых. Этот миф распространен во многих регионах мира, в том числе у скандинавских народов [\[15, с.127-138\]](#). В петроглифике Чечни этот миф часто воспроизводится в сюжетах «космической охоты».

Танец мужчины и женщины олицетворяет собой миф о вечной погоне солнца за луной, а их движения образуют рисунок в виде двойной спирали. Парный танец изображен на камне жилой постройки в селении Макажой, при этом пол двух антропоморфных фигур обозначен при помощи специальных символов (женский – треугольником, мужской – вытянутым прямоугольником), что также проливает свет на их возможную семантику, связанную с культом плодородия.

Магия круга, который является одним из самых распространенных солярных символов в петроглифике и орнаментике Северного Кавказа, представлена в коллективном круговом

воинском танце «Чагаран хелхар», который должен был внушить воинам уверенность в бою, дать им возможность ощутить сплоченность и единство.

Женщина должна была выразить свои эмоции в танце через движения рук, головы, плеч, а мужчина должен был быть максимально сдержанным и мог дать волю своим чувствам лишь в середине танца, которая соответствовала положению солнца в зените. Этот эпизод танцевального действия назывался у чеченцев «бухь богIар», и завершая его, танцор вставал на носки. Это движение зафиксировано в композиции на арочном камне в селении Ошни, в которой запечатлен обряд охотничьей магии. В этом контексте оно могло обозначать выражение благодарности языческому божеству за удачу в охоте.

Реликты тотемических воззрений отразились в волшебных сказках, в которых в виде главных персонажей выступают медведь, волк, олень, заяц, дикий козел. Довольно частым в фольклоре является мотив происхождения главного героя от медведя. С этим могучим зверем связаны многие суеверия вайнахов. Г.Ф. Чурсин пишет: «Части тела медведя – когти, зубы, шерсть часто употребляются у народов Кавказа в качестве амулетов, прибавают их к косяку дома, чтобы злые духи не могли войти в дом». Народы Дагестана вешали медвежью лапу в помещениях, где размещался домашний скот, чтобы увеличить приплод, а также применяли медвежий коготь для защиты от дурного глаза. Осетины когти и зубы вешали на колыбель, чтобы защитить младенца от злых духов и дурного глаза [\[16, с.203-210\]](#).

Согласно чеченским поверьям, если сосчитать до тысячи звезд, можно превратиться в медведя [\[17, с.120-121\]](#). Бронзовая подвеска в виде головы медведя была обнаружена в кобанском погребении у села Верхний Куркужин в Кабардино-Балкарии, что свидетельствует о древности почитания медведя у северокавказских народов [\[18, с.228\]](#).

Огромным почетом и уважением пользовался у чеченцев и ингушей волк, который считался зверем, обладающим сверхъестественным могуществом. У чеченцев сохранилась легенда, согласно которой, перед концом света подует такой сильный ветер, что горы сравняются и земля будет гладкой, как скорлупа куриного яйца. Даже звери и люди, зарывшиеся глубоко в землю, будут выброшены из своих убежищ и разметаны по ровной глади земли. И только волк, повернувшись навстречу ветру, не сойдет с места, хотя страшная сила земли сорвет с него шкуру, как овчинную шубу. Только в этот миг волк узнает о своей силе [\[19, с.189\]](#).

В народной песне о происхождении чеченцев поется: «Мы родились в ту ночь, когда щенилась волчица, нам имена давали под рев барса ранним утром», тем самым подчеркивается родство чеченцев с волком и барсом. В I тыс. до н.э. изображение волка было излюбленным мотивом в кобанском искусстве: на поясных пряжках, рукоятках боевых ножей, ножнах мечей, лезвиях боевых топоров [\[20, с.52\]](#). Волк нарисован на квадратном камне фасада прямо над лазом склепа у селения Васеркел. Петроглиф указывает на то, что в этом склепе погребены представители фамилии, которая ведет свое происхождение от волка. С волком связаны многочисленные народные суеверия, которые живут среди народов Кавказа до сих пор. Согласно поверьям грузин, кто носит волчий зуб, тому можно не бояться стаи волков, а если привесить его к лошади, то она начнет скакать гораздо быстрее. Абхазы зашивали волчий зуб в кожу и носили в качестве талисмана. Также в качестве оберега использовали разные части волка аварцы: волчью шкуру вешали на пасеках; альчик из ноги волка привешивали к овце, чтобы она не страдала ревматизмом. Также они верили, что если носить с собой волчий глаз, то он помогает бодрствовать и быстро просыпаться

от сна [\[16, с.209-210\]](#).

Чеченцы верили в магические свойства волчьей шкуры, хвоста, жил. Для поимки вора, согласно поверьям, нужно было сжечь волчью жилу, после чего у человека, который совершил кражу, должны были отсохнуть конечности. О проведении этого ритуала публично сообщалось заранее в надежде на то, что вор сам признается в краже, испугавшись его последствий. Волчий хвост считался средством приворота: для того, чтобы вызвать симпатии женщины, нужно было коснуться ее волчьим хвостом.

Олень является одним из самых почитаемых животных в мире, воплощением солнца. В чеченской мифологии олень олицетворял мир предков, что подтверждается композициями петроглифов в селениях Талкали и Харкарой. У вайнахов считалось, что дом, на воротах которого прибит череп оленя с рогами никогда не постигнет несчастье – его будут всегда наполнять счастье и удача [\[19\]](#). В народном экологическом сознании чеченцев и ингушей олень занимал особое место – если охотник не соблюдал чувства меры в охоте, его ожидало страшное наказание. Языческие божества часто принимали облик оленя при встрече с людьми. Изображение оленя в петроглифике Чечни является самым распространенным – оно представлено как в простых композициях, так и многосоставных, в том числе и тех, где запечатлены обряды охотничьей магии.

Козел воспринимался чеченцами и ингушами как сакральное животное, наиболее предпочитаемое ими для жертвоприношения во время различных религиозных праздников, особенно, связанных с погребальным обрядом и поминками. Во многих районах Северного Кавказа над могилой убитого молнией резали черного козла, а шкуру его вывешивали на вилообразном шесте, что должно было, согласно поверьям, вызвать дождь [\[4, с.155\]](#). С этими традициями, возможно, связан петроглиф в виде перевернутого вверх ногами козла на боевой башне в селении ДЕРЕ, который в данном случае может представлять и имитацию жертвоприношения, и магический обряд, который должен способствовать выпадению осадков.

Композиция петроглифов, в которой запечатлен обряд вызывания дождя, был обнаружен на окраине селения Балансу, на южной стороне скального массива: валяные сапоги с длинными голенищами, кожаные чупаки носками вверх, человеческая рука, пальцы которой свернуты в форме спирали, стилизованные антропоморфные и зооморфные фигуры, четыре кумгана и две чаши с округлыми днищами. Согласно преданию, рисунки были сделаны в XVIII в. с целью вызвать дождь во время сильной засухи [\[5, с.102-123\]](#).

Если связи сакральной символики с орнаментально-декоративными элементами прикладного искусства и культовыми основами мифологии достаточно наглядны, то отношение нартского эпоса к петроглифике определяется наличием в ней композиций, отражающих ключевые события религиозно-мифологического содержания (посещение мира мертвых, исчезновение благодати, смерть нарттов).

Таким образом, сакральные символы, которые составляют основу петроглифики средневековых архитектурных сооружений, получили широкое распространение не только в материальной культуре чеченцев (орудиях труда, оружии, украшениях, керамике) в качестве декора и орнамента, но и в фольклоре, танцевальной культуре, выполняя функции структурных форм, организующих их внутреннее пространство, и тем самым придающих их содержанию сакральный характер.

Библиография

1. Миллер В.Ф. Терская область. Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып.1. С. 1 – 42.
2. Исламов А.А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанти-Аргуна // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы при Совете министров Чечено-Ингушской АССР. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1965.Т.VI.Вып.1. С.128– 154.
3. Магомадов И.Д. Петроглифы общества Шарой // III Крупновские чтения: материалы международной научной конференции. Грозный, 1973. С.12-13.
4. Кобычев В.П. Язык есть нем // Советская этнография. 1973. №4 (июль – август). С.149-159.
5. Марковин В.И. К методике изучения смыслового содержания средневековых петроглифов Северного Кавказа // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С.102-123.
6. Смирнова Г.Р. Кобанские аналогии некоторых петроглифов Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С.131 – 135.
7. Козенкова В.И. Специфика духовного мира кобанских племен. М., 2017. 114 с.
8. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Академический проект, 2024. 330 с.
9. Bradley Richard. Mixed media, mixed religious transmission in Bronze Age Scandinavia // Picturing the Bronze Age. Oxford: Oxbow books, 2015. pp. 37 – 46.
10. Сказки и легенды ингушей и чеченцев. М.: Наука, 1983. 384 с.
11. Ильясов, Л.М. Тени вечности. Чеченцы: материальная культура, история, духовные традиции. М.: ИЭА РАН, 2021. 456 с.
12. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып.VIII. 132 с.
13. Хасиев С.А. Календарный год у вайнахов // Новое в антропологических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии АН СССР в 1972 г. Ч 1. М., 1974. С. 197-205.
14. Козенкова, В.И. Кобанская культура. Восточный вариант. М.: Наука, 1977. 87 с.
15. Skoglund Peter. Cosmology and Performance: narrative perspectives on Scandinavian rock art // Changing Pictures. Rock Art Traditions and Visions in Northern Europe. Oxford and Oakvill: Oxbow Books. 2010. pp. 127-138.
16. Чурсин Г. Очерки по этнологии Кавказа //Кавказ. Культы. Легенды. Предания. Нальчик: изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 203-245.
17. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1963. 160 с.
18. Марченко Ю. В., Котин М.А. Новый памятник кобанской культуры у села Верхний Куркужин Кабардино-Балкарской Республики // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С.227-229.
19. Хасиев С.А. О некоторых древних оберегах (к вопросу о пережитках первобытных культов у вайнахов) // Археолого-этнографический сборник. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1969. Том 3. С.183-193.
20. Халаева К.Д. Култ волка у предков чеченцев и ингушей, и его изживание // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С.51-53

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Начиная со второй половины XVI в. начинается постепенный процесс трансформации моноэтничного Московского государства в полиэтничное государство Российское, в котором на бескрайних евразийских пространствах совместно проживают народы, отличающиеся языком, культурой, конфессиональной принадлежностью и темпераментом. Как отмечает Президент Российской Федерации В.В. Путин, "наши предки из поколения в поколение трудились на благо родной общей Родины". И действительно, различные внешние вызовы только сплочают народы России. В этой связи вызывает важность изучение различных аспектов духовной культуры этносов, населяющих нашу страну.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является сакральная символика в фольклоре и танцевальной культуре чеченцев. Автор ставит своими задачами рассмотреть исследования по теме петроглифов в Чечне, показать основные сюжеты в петроглифике региона, а также раскрыть связи сакральной символики с орнаментально-декоративными элементами прикладного искусства и культовыми основами мифологии.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать

отражение сакральной символики в фольклоре и танцевальной культуре чеченцев.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Из используемых автором источников укажем на сказки и мифы чеченцев, а также на ставший классическим труд В.Ф. Миллера по археологии Кавказа. Из используемых исследований отметим труды А.А. Исламовой, Г.Р. Смирновой, В.И. Марковина, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения петроглифов Чечено-Ингушетии. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистов, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как культурой народов России, в целом, так культурой чеченского народа, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "интерес к петроглифам средневековых сооружений Чечни появляется во второй половине XIX в. и связан с деятельностью археологической экспедиции В.Ф. Миллера, основной целью которой были поиски следов христианства на Северном Кавказе". Автор отмечает, что "петроглифы использовались и для сохранения и передачи важной сакральной или социальной информации членам сообщества с помощью специальной символики (кода), которая имела древние традиции в этой географической и культурной зоне". Автор обращает внимание на то, что в петроглифике Чечни зафиксированы сюжеты, "отражающие мифы о происхождении планет Солнечной системы и созвездий, календарные циклы и обращения к Богу с

молитвой о благодати". Примечательно, что как отмечает автор, "если связи сакральной символики с орнаментально-декоративными элементами прикладного искусства и культовыми основами мифологии достаточно наглядны, то отношение нартского эпоса к петроглифике определяется наличием в ней композиций, отражающих ключевые события религиозно-мифологического содержания (посещение мира мертвых, исчезновение благодати, смерть)".

Главным выводом статьи является то, что "сакральные символы, которые составляют основу петроглифики средневековых архитектурных сооружений, получили широкое распространение не только в материальной культуре чеченцев (орудиях труда, оружии, украшениях, керамике) в качестве декора и орнамента, но и в фольклоре, танцевальной культуре, выполняя функции структурных форм, организующих их внутреннее пространство, и тем самым придающих их содержанию сакральный характер".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Катагощина М.В., Панаев Н.С. Возрождение традиционной культуры как элемент политики национальной безопасности стран Центральной Азии в 1991-2010-е гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.4.70464 EDN: TFOOQL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70464

Возрождение традиционной культуры как элемент политики национальной безопасности стран Центральной Азии в 1991-2010-е гг.

Катагощина Мария Всеволодовна

кандидат исторических наук

ведущий аналитик Российской академии образования, старший научный сотрудник Института евразийских и межрегиональных исследований РГГУ

119121, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Погодинская, 8

✉ marya.katagoshina.@yandex.ru

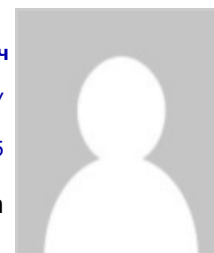

Панаев Никита Сергеевич

магистрант, Институт евразийских и межрегиональных исследований РГГУ

125047, Россия, Московская область, г. Москва, Мусская площадь, 6, корпус 5

✉ nicksivan@icloud.com

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.4.70464

EDN:

TFOOQL

Дата направления статьи в редакцию:

15-04-2024

Дата публикации:

24-04-2024

Аннотация: Предметом исследования является становление одного из идеологических компонентов политики национальной безопасности в странах Центрально-Азиатского региона (ЦАР) – концепции сохранения историко-культурных и религиозных традиций

как базиса общественной стабильности и безопасности. В центре внимания авторов находится процесс включения данного концепта в теорию и практику обеспечения национальной безопасности стран ЦАР на разных исторических этапах их развития после 1991 г. Объектами исследования выступают отражающие взаимосвязь культуры и безопасности в государствах Центральной Азии научные теории и правовые акты, официальные заявления и труды первого президента Казахстана Нурсултана Назарбаева и других политических лидеров Центральной Азии. В статье затрагиваются проблемы противодействия со стороны государств ЦАР радикальным религиозным движениям и иным идеологическим влияниям извне, показан дискуссионный характер мер, принятых в данной сфере властями Кыргызстана и Туркменистана.

Методологически исследование базируется на цивилизационном подходе к пониманию исторического процесса, а также на представлении о влиянии геополитических тенденций на внутреннюю жизнь стран и народов современного мира, включая регион Центральной Азии. Работа выполнена на основе принципов историзма и системности, с использованием хронологического, синхронного, дихронного, компаративного и других методов исторического исследования. Новизна исследования заключается в обобщении данных, раскрывающих роль традиционных ценностей в системах безопасности стран ЦАР. Результаты работы включают комплекс фактов и теоретических положений об эволюции идеологии безопасности стран ЦАР и могут быть использованы в научных проектах в области всеобщей истории и политологии. Авторы приходят к выводу о том, что возрождение традиционной культуры и местной версии ислама (ханафизма) в 1991-2010-х гг. неизменно рассматривались лидерами стран ЦАР как один из важнейших факторов укрепления государства, его независимости и международного авторитета. Наиболее полно и последовательно эта линия проводилась в Казахстане и Узбекистане, что нашло отражение в программах развития, законодательстве, научной и публицистической литературе данных стран. В Казахстане прослеживается тенденция интеграции культурной политики с опорой на традиционные цивилизационные ценности с политикой национальной безопасности.

Ключевые слова:

Центрально-Азиатский регион, история постсоветских государств, новейшая история, национальная безопасность, общественная безопасность, исламизация, ханафизм, цивилизационные ценности, традиционная культура, неправительственные организации

Идея о взаимосвязанности задач обеспечения национальной безопасности не только с экономикой, научно-технологическим развитием и других стратегическими условиями существования любого независимого государства, но и со сферой культуры, получила обоснование в международной политологической и философской литературе и прочно вошла в практическую политику во всем мире. Данная тема приобрела особую актуальность во второй половине 2010-е гг. в условиях гибридных войн, развивающихся, в том числе в культурно-информационном пространстве [\[1, с.95\]](#).

Актуальность работы обусловлена также возрастанием роли культурных и цивилизационных ценностей в государственной политике и общественной жизни стран Евразии на рубеже XX–XXI в. При этом тема возрождения традиционных культур в контексте построения систем национальной безопасности стран Центральной Азии до настоящего момента почти не изучалась. Концепции национальной безопасности всех современных государств «непременно учитывают безопасность культуры, которая

выступает в качестве основной социальной реальности, определяющей развитие и экономики, и политики, и финансовой, и военной сферы» [2, с.16]. О проблемах размывания отечественной культуры в контексте фактора национальной безопасности России в разные годы писали В.А. Сапрыкин, Р.П. Кошкин, А.В. Костина [3; 4; 5] и другие авторы. При этом восприятие и сохранение российским обществом традиционных культурных ценностей рассматривается как залог сохранения российской цивилизационной идентичности. Данный подход был сформулирован, в частности, президентом России В.В. Путиным в ходе пленарного заседания Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 24 ноября 2023 г.

Значительное внимание в современной научной литературе уделяется вопросам сохранения и взаимодействия этнических культур и языков народов России, мирного сосуществованию религий и другим аспектам феномена многонациональной российской культуры, проблемам международного диалога культур в современных условиях [6; 7]. Можно говорить и о таких самостоятельных тематических ракурсах как изучение моделей сохранения национальной идентичности стран Евразии [8; 9] и поиск основ евразийской цивилизационной идентичности, в том числе в соотнесении с практической политикой евразийской интеграции [10; 11]. Сложился также дискурс, связанный с проблематикой культурной и цивилизационной идентичности россиян в исторической ретроспективе [12; 13; 14]. Так, значение исторического опыта общей государственности, включая развитие культуры и образования народов бывшего СССР, в формировании на постсоветском пространстве интеграционных институтов отмечается в трудах Е.И. Пивовара, А.В. Гущина, А.С. Левченкова и других специалистов Института евразийских и межрегиональных исследований РГГУ [15; 16]. Одним из малоизученных аспектов данной темы является включение представлений о ценностях традиционной культуры и традиций в концепции национальной безопасности в странах Центральной Азии.

Целью настоящей статьи является изучение особенностей становления и практики реализации культурной составляющей политики национальной безопасности стран ЦАР в 1991-2010-х гг., т.е. в период от построения ими независимой государственности до современного этапа общественно-политического, экономического и культурного развития.

Необходимо отметить, что на всем постсоветском пространстве 1990-е гг. явились, с одной стороны, периодом кризиса в социально-культурной сфере, крайне сложного в финансовом отношении положения большинства институтов культуры. С другой стороны, масштабные трансформации общества и государства, начало новой исторической эпохи выступали мощным стимулом развития культурной жизни молодых независимых государств. В странах Центральной Азии обращение к истокам национальных культур и традиций изначально рассматривалось как один из важнейших компонентов государственной идеологии и общественного развития. Позиционирование самостоятельной культурной политики стран ЦАР осуществлялось на международном уровне, в том числе на площадках ЮНЕСКО, куда в течение 1990-х гг. вступили все государства региона, стремившиеся использовать свое древнее историко-культурное наследие для продвижения на мировой арене, установление связей с зарубежными партнерами и спонсорами. При этом через представительства ЮНЕСКО и разнообразные иностранные неправительственные организации (НПО) в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и других странах ЦАР, наряду с программами охраны памятников истории и культуры, поддержки традиционных искусств и ремесел, продвигались также

либеральная западная философия и эстетика, далеко не в полной мере созвучные мировосприятию местного населения. Другими векторами духовно-культурного развития стран ЦАР стали возрождение ислама и внедрение в сферы образования и культуры идеи этнокультурного единства тюркских народов, которая при активной поддержке Турции приобрела популярность в странах Центральной Азии (за исключением Таджикистана) и Азербайджане. Все эти компоненты общественно-культурного развития ЦАР создавали достаточно сложную и противоречивую картину. Деятельность в регионе американских и европейских гуманитарных НКО, которая в 1990-е гг. получала на всем постсоветском пространстве поддержку властей, заинтересованных в укреплении финансово-экономических и технологических связей с ведущими странами Запада, вместе с тем, нередко вступала в противоречие с консервативными ценностными установками, доминировавшими в обществах ЦАР, а также подпитывала политическую оппозицию [\[17\]](#). (Неслучайно, в 2010-х гг. ряд постсоветских стран ограничили работу Фонда Сороса и других западных НКО на своей территории [\[18\]](#)). При этом государственные и общественные институты стран ЦАР продолжают активно использовать ресурсы Фонда Евразия, действующего в регионе с 2005 г. под эгидой небезызвестного Агентства США по международному развитию (USAID) и других иностранных гуманитарных организаций в силу нехватки бюджетных средств на развитие культуры и сохранение национальных традиций [\[19, с.132\]](#). Особенно широко эта практика распространена в Киргизии и Туркменистане (несмотря на его закрытость и жесткий контроль за третьим сектором) [\[18, с.7-8\]](#). Насаждение под прикрытием различных социально-гуманитарных программ, работы по поддержке народных искусств и ремесел и т.п. антироссийских настроений (на что неоднократно указывали государственные деятели, дипломаты, ученые России и других стран [\[19\]](#)), безусловно, противоречит интересам национальной безопасности государств ЦАР и Евразии в целом, учитывая роль России, СНГ и ШОС как гарантов международной стабильности в евразийском регионе.

Исламские и пантюркистские движения, в силу присутствия в их составе радикальных и экстремистских элементов, также создавали определенные риски в сфере безопасности государства. Осознание данных угроз определило внимание политического руководства и большинства представителей интеллектуальных элит стран Центральной Азии к необходимости сохранения светского характера образования и культуры при поддержке традиционного ислама. Показательна в этом отношении статья Е. Берикбаева, преподавателя Казахского национального университета им. Эль Фараби «Духовная суверенность – основа национальной независимости и безопасности Казахстана», опубликованная в «Казахстанской правде» от 20 марта 2024 г. В сфере массовой народной культуры общей тенденцией для стран Центральной Азии стало возрождение традиционного музыкального и прикладного искусства, а также создание новых форм его международного продвижения, таких как Всемирные игры кочевников. В странах ЦАР проводится политика государственной поддержки празднования Навруз и других древних народных традиций, восходящих к доисламской эпохе.

В Казахстане и Кыргызстане поиск исторических корней национальной идеи актуализировал тему кочевой цивилизации Великой Степи, которая популяризировалась в том числе в трудах и выступлениях первого президента Казахстана Н.А. Назарбаева [\[20; 21\]](#). Концепт Великой Степи как исторической колыбели казахского народа и переосмысление роли Золотой Орды в истории Евразии, утвердившиеся в информационном пространстве независимого Казахстана, во многом были навеяны трудами Л.Н. Гумилева, которые приобрели популярность в академических и

литературных кругах стран Центральной Азии еще в советские годы. Некоторые его работы и рецензии на них в 1970 – 1980-е гг. были опубликованы в столицах Казахской и Киргизской ССР – Алма-Ате, в том числе на казахском языке [\[22; 23\]](#), и во Фрунзе [\[24\]](#). Позднее идеи Л.Н. Гумилева стали основой для формирования собственных версий евразийской теории. О своем особом отношении к трудам Л.Н. Гумилева неоднократно упоминал и президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Сохранение цивилизационной самобытности и национально-культурного многообразия было обозначено Назарбаевым в качестве одной из стратегических задач развития страны в работе 1993 г. «Идейная консолидация общества как условие прогресса Казахстана» [\[25\]](#). В 1995 г. в Республике Казахстан была принята Концепция формирования исторического сознания, позднее разработаны государственные программы, направленные на внедрение в общественное сознание ценностей отечественной культуры как основы формирования единства нации, «Мәдени мұра – Культурное наследие» (2004–2011 гг.), «Рухани жанғыру – Духовное возрождение» (с 2017 г.) и др. Эти же задачи нашли отражение в девизах годов, которым были объявлены в Казахстане: 1998-й – Год национального согласия и истории, 1999 – Год единства и преемственности поколений, 2000 – Год культуры, мира благодарения. Высказывание Нурсултана Назарбаева «Традиции и культура – это генетический код нации» стало эпиграфом к Концепции культурной политики Республики Казахстан (2014-2023 гг.). Следует отметить, что культурная политика Казахстана направлена, прежде всего, на развитие современной, конкурентоспособной в глобальном информационном пространстве культуры, укоренной в то же время в историко-культурной традиции. При этом состояние защищенности духовно-нравственных ценностей, согласно Закону о национальной безопасности Республики Казахстан (ст.4) является компонентом общественной безопасности страны. Данный подход получает отражение в современной государственной политике Казахстана. Так, президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев, в своем выступлении на заседании Национального Курултая 15 марта 2024 г., призвал осознать во всей полноте масштаб национальной истории Казахстана, оберегать и продвигать культурное наследие страны. Казахский лидер также отметил, что ориентиром в религиозной политике государства должна стать поддержка традиционного для большинства тюркских народов суннизма ханафитского толка, которому свойственны интеллектуальное восприятие мира и свободомыслие. Опора на ханафизм рассматривается как важный фактор национальной безопасности и в других странах ЦАР. Так, о «внесении разлада в вероучительные основы ислама ханафитского направления», со стороны чуждых большинству мусульман Центральной Азии исламских движений как об угрозе национальной безопасности пишет узбекский ученый-политолог Ш. Акмалов [\[26, с.2-3\]](#).

В Кыргызстане вопросы сохранения и развития традиционной культуры в контексте национальной безопасности не нашли столь же широкого отражения в законодательных и программных документах, как в Казахстане. Высокая степень социально-политической и этнической нестабильности, пограничные конфликты с соседями выдвигали на первый план задачи укрепления правопорядка и обороны. Приоритетом гуманитарной политики Кыргызстана в течение всего постсоветского периода остается восстановление и модернизация образования. В то же время, в первой редакции 1993 г. и позднейших версиях Конституции Кыргызской Республики говорилось о приверженности Кыргызстана идее национальной государственности и нравственным ценностям национальных традиций. «Мы не должны забывать об уроках своей Истории! Пусть будет верным и неизблемым путь Кыргызского Кочевья!» – призывала в 2010 г. президент Кыргызстана Роза Отунбаева [\[27, с.63\]](#). В Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики 2012 г. в перечень существующих угроз внесены такие явления как

«ухудшение образовательного, нравственного и культурного потенциала населения, усиление влияния нетрадиционных религиозных течений в жизни общества». В этом же документе в числе основных направлений предупреждения и нейтрализации внешних и внутренних угроз безопасности Кыргызстана было названо «признание первостепенной роли культуры в возрождении и сохранении традиций народа, его культурно-нравственных единства многонационального Кыргызстана». Важный компонент обеспечения национальной безопасности кыргызстанские авторы видят государственной поддержке традиционных религий и исторических духовно-культурных ценностей [\[28\]](#).

На новый уровень роль историко-культурной традиции в системе общественно-государственных отношений в Кыргызстане вышла после появления президентского указа «О национальной традиции» от 20 мая 2022 г. и утверждения Национальной программы о сохранении и развитии национальных традиций на 2022-2027 годы. В этих документах национальные традиции, как «великий закон воина-кочевника, который, несмотря на глобализацию, цифровизацию, остался носителем достоинства и чести, великодушия и справедливости, совести, доброты и неустанного труда», и рассматривались как противовес влияниям, чуждым народу Кыргызстана. Следует отметить, что выдвинутая руководством Кыргызстана в «Национальной программе» идея приоритетности киргизских национальных традиций над региональными, материальными и этническими интересами кыргызстанцев вызвала резкую критику со стороны либеральных журналистов, а также ряда политологов и правоведов [\[27\]](#).

В Республике Таджикистан многолетняя гражданская война (1992 – 1997) и сохранявшаяся в последующий период социальная нестабильность отодвигали вопросы культурной политики на второй план. Противостояние угрозам со стороны религиозного экстремизма в Таджикистане направлено, прежде всего, против физического проникновения на территорию страны представителей радикальных религиозных движений через Афганистан и другие сопредельные области [\[29, с.108-109\]](#). В то же время, в 2000-е гг. руководство Таджикистана начинает принимать меры против тенденции вытеснения национальных обычаев и костюма, в особенности, женского, влиянием радикального ислама. В 2007 г. был принят Закон «Об упорядочении народных традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан», одной из целей которого было «возрождение и уважительное отношение к забытым обычаям и нравам, достойное представление высших культурных ценностей таджикской нации всему миру». Критика черных одежд и хиджабов, чуждых таджикской культуре, прозвучала в 2017 г. в выступлении президента страны Эмомали Рахмона в связи с 10-летием принятия данного Закона. Лидер Таджикистана неоднократно выступал с призывами к сохранению древней истории и культуры таджиков.

Лидеры независимого Туркменистана изначально уделяли большое внимание формированию идеологии, построенной на апологетике древней истории, эпоса и традиций туркмен, что, в частности, нашло отражение в известном трактате о нравственности «Рухнама» (2002-2006) первого президента Туркменистана Сапармурата Ниязова. Вторым президентом Туркменистана, возглавлявшим страну в 2006–2022 гг. Гурбангулы Бердымухамедовым было опубликовано большое число книг, посвященных истории и культуре туркменского народа, среди которых «Источник мудрости» (2016), «Духовный мир туркмен» (2020) и др. Внутренняя политика Туркменистана включает внедрение в повседневную жизнь исторических традиций, что проявляется, в частности, в утверждении женского национального костюма в качестве фактически обязательной нормы, а также целого ряда ограничений во внешности и социальном поведении женщин. Эти действия властей, которые критикуются и высмеиваются в зарубежных СМИ,

в самом Туркменистане подаются как забота о духовно-нравственном облике населения.

Соотнесение традиционных ценностей с национальными интересами и безопасностью присутствует в правовых актах, в том числе в Конституции Республики Узбекистан в редакции 2023 г., согласно которой развитие страны опирается на «более чем трехтысячелетний исторический опыт развития нашей государственности, а также научное, культурное и духовное наследие великих предков, внесших бесценный вклад в мировую цивилизацию». Теме духовности, лежащей в основе национального бытия и развития страны были посвящены выступления и статьи президента Узбекистана Ислама Каримова разных лет [\[30; 31\]](#). Политика формирования исторического сознания граждан Узбекистана строится на обращении к духовному и культурному наследию эпохи Центральноазиатского ренессанса IX–XII в., произведениям суфийских мыслителей и поэтов, к именам Амира Темура, Мирзо Улугбека и других выдающихся правителей средневекового Востока. В период с 1991 до начала 2000-х г. в стране активно проводились различные мероприятия, направленные на увековечение памяти о государственных деятелях, ученых, поэтах, воплощавших вклад Узбекистана в мировую историю и культуру. В последующие годы программа возрождения цивилизационного наследия Узбекистана была свернута и возобновилась только во второй половине 2010-х гг. во многом по инициативе президента страны Шавката Мирзиёева в рамках Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан. В публицистической и научной литературе Узбекистана выдвигается также концепция духовной безопасности, которая рассматривается как «один из видов национальной безопасности, защиты духовных ценностей, обеспечивающий формирование системы национальной безопасности духовной сферы современного национального общества» [\[32, с.251\]](#), как «энергия независимости» [\[33\]](#).

Таким образом, в странах Центральной Азии тема сохранения и продвижения традиционной культуры неизменно находилась и находится в орбите интересов высших руководителей страны, что привлекает к ней внимание научного сообщества и СМИ, в том числе в ракурсе проблем национальной безопасности. В Республике Казахстан, как и в современной России, наблюдается политика непосредственной интеграции культурно-исторической политики и политики в сфере национальной безопасности в целях противодействия вытеснению собственных культурных, а в более широком смысле цивилизационных ценностей, привнесенными извне. Аналогичные тенденции наметились, по-видимому, и в Кыргызстане.

В целом, можно говорить о том, что на всех этапах истории независимой государственности стран Центральной Азии прослеживается тенденция включения традиционных для народов этого региона обычаев, культурных и духовных ценностей в инструментарий государственной политики в сфере формирования общенациональной идеологии, общественного единения. Эта тенденция заметно усиливается в 2010-х – начале 2020-х гг., смыкаясь с поиском государствами ЦАР своего места в нестабильной геополитической архитектуре XXI века.

Библиография

1. Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 4(40). С. 93-99.
2. Костина А.В. Культура в системе национальной безопасности современной России: к идеям академика Н. Н. Моисеева // II Моисеевские чтения: культура как фактор н безопасности России. Москва, 26 июня 2019 г. / под ред. А. В. Костиной, В. А. Лукова. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2019. С.9-18.

3. Сапрыкин В.А. Культура – фундамент национальной безопасности России // Обозреватель – Observer. 1997. № 7 (90). С. 45-55.
4. Кошкин Р.П. Влияние культуры, образования и воспитания на национальную безопасность // Стратегические приоритеты. 2016. № 4. С. 19-26.
5. Костина, А. В. Обеспечение национальной безопасности как основная функция культуры // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 109-119.
6. Власова Н.В., Петренко Д.А. Трансформация современной идентичности в социокультурном измерении: Европа и Россия // Studia Culturae. 2020. № 45. С. 35-50.
7. Беляева Л.А. Цивилизационная идентичность населения в современной России: поиск исследовательских инструментов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 754-769.
8. Balich N. L., Mukha V. N. The ethnic identity in the social identity structure of the residents of Belarus and Russia // Asian Social Science. 2015. Vol. 11, No. 3. P. 327-334.
9. Пан Ч. В., Посадский С. В. Цивилизационные стратегии России и Китая как ответ на вызовы однополярной глобализации // Закон. Право. Государство. 2020. № 4-1(28). С. 204-208.
10. Меншиков В. В. Евразийство в контексте национальной и цивилизационной идентичности России // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 7. С. 69-72.
11. Лю Ц. Цивилизационная идентичность России: евразийская идея // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13, № 1-2-1. С. 195-201.
12. Харитоновна, Е. В. Проблемы цивилизационной идентичности России в исторической ретроспективе: вызовы времени и поиски ответов // Звенья: Исторический альманах. 2016. № 1(18). С. 82-112.
13. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.
14. Ионов И. Н. Имперские, цивилизационные и формационные образы России XIX-XXI вв.: память и идентичность в имперской России // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. – Москва: Аквилон, 2020. С. 37-71.
15. Пивовар Е. И. Евразийский интеграционный проект на постсоветском пространстве: 1991-2015 (предпосылки, становление, развитие) / 2-е изд. – Санкт-Петербург: Издательство Алетей, 2017. 719 с.
16. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на пространстве СНГ. Содружество как фактор стабильности и устойчивого развития / Е. И. Пивовар, А.В. Гущин, Е.А. Косован [и др.] // Интеграционные процессы на пространстве СНГ: итоги и перспективы 30 лет развития. Москва: Алетей, 2022. С. 5-77.
17. Наумов А. О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М. Аргамак-Медиа, 2016. 274 с.
18. Комлева В.В. Международные НКО на территории стран Центральной Азии // Обозреватель. – 2021. – № 12 (383). – С.5-18.
19. Октябрьская И.В., Алымкулова С.К., Назаров И.И., Самушкина Е.В. Кыргызская Республика: концепция, стратегии и практики сохранения национального культурного наследия // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50, № 2. С. 128–139.
20. Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы: Атамұра, 1999. 292 с.
21. Назарбаев Н. А. Семь граней Великой степи // Казахстанская правда. – 21 декабря 2018 г. – С. 1.
22. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и кипчакская степь в 945-1225 гг. // Проблемы изучения

и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 38-71.

23. Гумилев Л.Н. 1380 жылы дуниге келген... [История: год рождения 1380... Пер. на казах. яз.] // Жұлдыз. Алма-Ата, 1980. № 9.

24. Соковкин В. Слово о великой степи // Советская Киргизия. 1971. 9 января.

25. Назарбаев Н. А. Идейная консолидация общества как условие прогресса Казахстана. Алматы: ФПИ «Казахстан XXI век», 1993. 32 с

26. Акмалов Ш. О некоторых аспектах религиозной ситуации в странах Центральной Азии: доклад участников Международной конференции «Мир и религия в Центральной Азии». 12 ноября 2014 г. [Электронный ресурс] // Государственная комиссия по делам религии Кыргызской Республики. URL: <http://religion.gov.kg/ru/post/26> (Дата обращения: 28.03.2024)

27. Хопёрская Л.Л. Ресурсы неотрадиционализма в конституционно-правовых процессах в Кыргызской Республике // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С.60-67.

28. Жунушова С. О. Религиозная культура молодежи Кыргызстана как фактор обеспечения национальной безопасности // Alatoo Academic Studies. 2020. № 3. С. 298-307.

29. Шарипова К.С. Национальная безопасность Республики Таджикистан в контексте региональных и международных вызовов: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Душанбе, 2017. 250 с.

30. Каримов И.А. Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология // Собр. соч. Кн.1. Ташкент: Узбекистан. С.77-78.

31. Каримов И.А. Высокая духовность-непобедимая сила. Ташкент: Узбекистан, 2008. 98 с.

32. Ерназаров Д. Роль и значение духовной безопасности в контексте национальной безопасности Республики Узбекистан // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов VIII Международной научно-исследовательской конференции (г. Грозный, 10-11 декабря 2021 г.) – Махачкала: АЛЕФ, 2021. С.251.

33. Эркаев А. Духовность – энергия независимости. Ташкент: Маънавият, 2001. 273 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Первая четверть XXI в. оказалась ознаменована целой чередой бурных потрясений на международной арене. Сегодня не только аналитики – философы, политологи, социологи, – но и различные наблюдатели говорят о тех драматичных переменах, которые сопровождают трансформацию монополярного мира в мир многополярный. Однако, временно, на волне трансформации происходит расширение зон «горячих точек», увеличение масштабов деятельности экстремистских и радикальных групп, что в совокупности усиливает внимание к проблемам национальной безопасности.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является традиционная культура как элемент политики национальной безопасности стран Центральной Азии. Автор ставит своими задачами проследить основные векторы духовно-культурного развития стран Центральной Азии, рассмотреть тему кочевой цивилизации Великой Степи, определить соотношение традиционных ценностей с национальными интересами и безопасностью в правовых актах.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности,

методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать особенности становления и практики реализации культурной составляющей политики национальной безопасности стран ЦАР в 1991-2010-х гг., «т.е. в период от построения ими независимой государственности до современного этапа общественно-политического, экономического и культурного развития».

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена сочинениями Л.Н. Гумилева, Н.А. Назарбаева, И.А. Каримова, обращающихся к различным аспектам переосмысления евразийского пространства. Из используемых исследований отметим труды В.М. Родачина, А.В. Костиной, Р.П. Кошкина, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения национальной безопасности. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как Центральной Азией, в целом, так и традиционной культурой этого региона, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «в странах Центральной Азии обращение к истокам национальных культур и традиций изначально рассматривалось как один из важнейших компонентов государственной идеологии и общественного развития». В работе показано, что «в Республике Казахстан, как и в современной России, наблюдается политика непосредственной интеграции культурно-исторической политики и политики в сфере национальной безопасности в целях противодействия вытеснению собственных культурных, а в более широком смысле цивилизационных ценностей, привнесенными извне». Автор обращает внимание и на то, что угроза радикального исламизма обращает «внимание политического руководства и большинства представителей интеллектуальных элит стран Центральной Азии к необходимости сохранения светского характера образования и культуры при поддержке традиционного ислама». Особое внимание в работе уделяется переосмыслению политиками Казахстана и Кыргызстана евразийской концепции Л.Н. Гумилева.

Главным выводом статьи является то, что «на всех этапах истории независимой государственности стран Центральной Азии прослеживается тенденция включения традиционных для народов этого региона обычаев, культурных и духовных ценностей в инструментарий государственной политики в сфере формирования общенациональной идеологии, общественного единения».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках формирования стратегий взаимоотношений России со странами Центральной Азии.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Гурин Г.Г. Внешняя политика Соединенных Штатов Америки в отношении Ирана в период 1953 - 1974 гг. //

Genesis: исторические исследования. 2024. № 4. С. 43-52. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.4.70372 EDN: ZBSLEO

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70372

Внешняя политика Соединенных Штатов Америки в отношении Ирана в период 1953 - 1974 гг.

Гурин Григорий Геннадьевич

ORCID: 0000-0002-4070-4905

аспирант, Департамент истории, ГАОУ ВО МГПУ

129226, Россия, Москва, г. Москва, пр-д 2-Ой сельскохозяйственный, д. 4, к. 1

✉ dmx836@gmail.com

[Статья из рубрики "Мировая история: эпохи и периоды"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.4.70372

EDN:

ZBSLEO

Дата направления статьи в редакцию:

05-04-2024

Аннотация: В статье рассматривается внешняя политика Соединенных Штатов Америки в регионе Большого Ближнего Востока, который после окончания Второй Мировой войны и начала "холодной" войны с Советским Союзом приобрел стратегическое значение. Предметом исследования выступают американо-иранские отношения 1953-1974 годов, в рамках которых иранский шах Мухаммед Реза Пехлеви последовательно выстраивал сотрудничество с Д. Эйзенхауэром, Дж. Кеннеди, Л. Джонсоном и р. Никсоном. Несмотря на то, что их подходы к реализации американской внешней политики на Большом Ближнем Востоке претерпевали существенные изменения, стремление сохранить влияние в стране, закрепить контроль над дешевыми иранскими энергоресурсами и не допустить возвращения советского влияния на Иран оставались основными направлениями американской деятельности. Методологическая база исследования опирается на принципы историзма, объективности и системности. В работе были использованы следующие методы: историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный методы. Рассмотренные дипломатические документы Соединённых Штатов Америки «Внешние отношения Соединенных Штатов» позволяют установить, что

влияние нефтяного фактора на американо-иранские отношения в 1953-1974 годах оставалось высоким, несмотря на изменения в подходах президентов к реализации внешней политики в регионе. Возвращение иранской нефти на глобальный рынок позволило шаху Мухаммеду Реза Пехлеви инициировать старт "белой революции", поддержанной в том числе и Соединенными Штатами. Огромные нефтяные доходы позволили Ирану в короткие сроки не только реализовать свои претензии в регионе, но и стать важным союзником США, ответственным за региональную безопасность в период президентства Р. Никсона. Работа иллюстрирует изменение роли Соединённых Штатов Америки и Ирана на Большом Ближнем Востоке, обусловленное в том числе и влиянием нефтяного фактора.

Ключевые слова:

США, Иран, Эйзенхауэр, Кеннеди, Джонсон, Никсон, внешняя политика, нефть, нефтяной фактор, Мухаммед Реза Пехлеви

В период кризиса вокруг иранской нефти 1947–1953 гг. Соединенные Штаты Америки последовательно выступали против силового вмешательства в дела Ирана, предлагая различные варианты разрешения противоречий. Администрация президента Г. Трумэна (1945–1953) рассматривала возможность привлечения к переговорному процессу международные финансовые организации, на которые имелось влияние, в том числе и Международный банк развития и реконструкции [\[4\]](#). Однако иранское правительство, возглавляемое М. Мосаддыком, ни при каких условиях не могло остановить процесс национализации нефтяной промышленности. Это движение приняло общенародный характер. В нем принимали активное участие самые широкие слои населения, в том числе и духовенство, традиционно имеющее сильное влияние на иранское общество [\[8\]](#). Кроме того, эмбарго на иранскую нефть, которую Великобритания однозначно определяла как «краденую», усиливало ненависть иранцев к англичанам [\[18\]](#).

Сменивший на посту президента Г. Трумэна Д. Эйзенхауэр инициировал значительное изменение американской политики в отношении Ирана. К весне 1953 года иранская сторона стала получать четкие сигналы, что без разрешения нефтяного кризиса, дальнейшая помощь со стороны США будет невозможна. На М. Мосаддыка начинает оказываться давление и скрытые угрозы. В письме иранскому премьер-министру Д. Эйзенхауэр отмечает, что экономическая поддержка Ирана не отвечает американским национальным интересам. Подобное заявление в условиях эмбарго на «краденую» иранскую нефть означало резкое обострение внутривнутриполитической обстановки в стране. Кроме того, в этом же письме впервые сформулированы угрозы в отношении правительства М. Мосаддыка: «что (Д. Эйзенхауэр - прим. Г.Г.) (надеется) прежде, чем станет слишком поздно, правительство Ирана предпримет такие шаги, которые находятся в его силах, чтобы предотвратить дальнейшее ухудшение этой ситуации» [\[1\]](#).

Необходимо отметить, что к моменту вступления Д. Эйзенхауэра в должность президента США, советское влияние в Иране было значительно слабее, чем после окончания Второй мировой войны. Ликвидация советско-иранского акционерного общества «Кевир-Хуриан» одновременно с принятием декрета о национализации иранской нефтяной промышленности, открыли перед Соединенными Штатами широкие возможности влияния на внутренние дела Ирана [\[16\]](#).

Таким образом, уже в первые месяцы президентства Д. Эйзенхауэра кризис вокруг иранской нефти стал одним из приоритетных направлений американской внешней политики, поэтому для его разрешения Соединенные Штаты были готовы к применению силовых методов (в этот же период американские спецслужбы начинают обсуждение возможности проведения силовой операции по свержению иранского правительства, которая войдет в историю под названием «Аякс» - прим. Г.Г.). К неизбежности свержения недоговороспособного М. Мосаддыка пришли и правящие круги США, в которых, по этому вопросу сложился консенсус. Администрация 34-го президента Соединенных Штатов делала ставку на шаха Мухаммеда Реза Пехлеви, который в тот момент не имел реальной власти в стране. В контексте вышесказанного необходимо отметить, что публичные заявления главы ЦРУ А. Даллеса о том, что именно шах организовал и осуществил смещение М. Мосаддыка с должности премьер-министра, выглядят несостоятельными [\[23\]](#). Спецслужбы Великобритании и Соединенных Штатов приняли в перевороте непосредственное участие.

После свержения правительства М. Мосаддыка в Иран был направлен советник госсекретаря США Г. Гувер-младший, который должен был найти оптимальный вариант возвращения иранской нефти на глобальный рынок. Согласно его предложению разработку иранских месторождений планировалось предложить Международному нефтяному консорциуму (МНК), в который бы входили крупнейшие западные нефтяные компании. При этом американские нефтяные компании после резонансного расследования Минюста США, проведенного в последний год нахождения на посту президента Г. Трумэна, не стремились начать свою деятельность в Иране [\[9\]](#). Американское правительство еще со времен разделения Standard Oil на несколько независимых компаний в 1911 году активно боролось с бизнесом, основанном на принципе «вертикальной интеграции производства (объединение всех сегментов отрасли вверх и вниз по технологической цепочке – от разведки и добычи до переработки и розничной продажи)» [\[17\]](#). В Иране планировался именно такой формат работы.

Решение данного противоречия было найдено на самом высоком государственном уровне: американские компании, входящие в МНК, не должны были подпадать под действие американского антимонопольного законодательства [\[4\]](#). В сложившихся условиях западные нефтяные компании достаточно быстро наладили добычу и реализацию иранской нефти [\[10\]](#).

Примечательно, что учреждение МНК не в последнюю очередь позволило крупным международными нефтяным компаниям контролировать глобальный рынок нефти вплоть до 1973 года. До этого момента он контролировался группой компаний, вошедших в историю под названием «Семь сестер» [\[15\]](#).

Таким образом, в период президентства Д. Эйзенхауэра иранская нефть становится стратегическим интересом США и отношения с Ираном строятся вокруг закрепления контроля над иранской нефтяной промышленностью со стороны Соединенных Штатов.

Параллельно с наращиванием активности американских нефтяных компаний в Иране администрация Д. Эйзенхауэра последовательно проводила политику усиления зависимости шаха от Соединенных Штатов. Одобрение иранским правительством «доктрины Эйзенхауэра» в 1957 году «еще больше усилило военную и политическую зависимость Ирана от США» [\[13\]](#). По сути, в этот период Соединенные Штаты не жалели средств на реализацию своей внешней политики в отношении Ирана, который рассматривался как своеобразный форпост сдерживания Советского Союза в регионе.

В целом именно при президенте Эйзенхауэре Иран был введен в новые контуры американской зоны влияния на Большом Ближнем Востоке. Этот тезис также подтверждается подписанием Ираном Багдадского пакта осенью 1955 года [\[20\]](#). Кроме того, согласно американо-иранскому договору от 1959 года, Соединенные Штаты получили право размещать на иранской территории и свои войска [\[7\]](#). Необходимо напомнить, что именно США стояли во главе процесса давления на СССР по вопросу вывода Красной армии с территории Южного Азербайджана.

Период президенства Д. Эйзенхауэра также характеризуется ростом не только американских инвестиций в Иран, но существенным повышением количества кредитов. В сложившейся обстановке шах был вынужден вести обдуманную политику в отношении Соединенных Штатов Америки, так как американский капитал являлся дополнительным рычагом влияния на Иран, где к этому моменту так и не сложилась ненефтяная экономика [\[12\]](#).

Приход в Белый дом Д. Кеннеди в 1961 году дал старт трансформации американской политики в отношении Ирана и других региональных государств: США отказывались от покровительства в пользу сотрудничества. В рамках подобной конструкции к партнерам Соединенных Штатов стали предъявляться высокие требования, в том числе в части прав и свобод граждан, а также экономического регулирования. Именно в этот период шах при поддержке США инициирует начало масштабных внутривнутриполитических преобразований, вошедших в историю как «белая революция». Примечательно, что Мухаммед Реза Пехлеви во время визита в Вашингтон получил от Д. Кеннеди указание, что американская поддержка не будет передаваться Ирану в случае отказа шаха проводить социально-экономические и политические преобразования [\[22\]](#). При этом вопросы, связанные тем, какими средствами будут проводиться реформы не были предметом отдельного внимания. Но к этому моменту иранская спецслужба САВАК становилась главным оружием правительства против любой оппозиции [\[11\]](#).

Рассекреченные дипломатические документы США раскрывают принципы американской внешней политики в отношении Ирана, сформулированные сотрудником Совета национальной безопасности Робертом У. Комером: «одним из невероятных достижений Джона Кеннеди было обмануть нашего нервного Шаха, чтобы он начал реформы и модернизацию дома, вместо того, чтобы постоянно говорить нам о его потребности в большем количестве оружия, чтобы сдерживать Советы и даже Насера. Каждый раз, когда шах говорил «больше оружия», президент отвечал «больше реформ». Теперь у нас есть Шах, который думает, что он реформатор 20-го века (что, по сути, не плохо)». [\[2\]](#) Таким образом, иранский шах во второй раз столкнулся с открытым давлением с американской стороны, ирано-американские отношения по-прежнему оставались неравноправными, а непосредственно шах в глазах американского руководства не воспринимался как равный политик.

Сменивший после убийства Д. Кеннеди на посту президента США Л. Джонсон в своем письме шаху декларировал продолжение политики своего предшественника, направленной в том числе и на защиту иранского суверенитета [\[3\]](#). При этом уже с начала 1960-х годов в Иране отмечается значительный рост количества американских советников и квалифицированных специалистов, занятых не только в нефтяной промышленности, но и в других секторах экономики, а также в сфере государственного управления. Кроме того, растущие доходы Ирана от продажи нефти делали его

привлекательным рынком сбыта продукции западных компаний. Выдающийся отечественный исследователь А.З. Арабаджян подчеркивает, что несмотря на то, что иранская нефтяная промышленность была одной из самых современных отраслей, ее интеграция в национальную экономику до 1960-х годов была слабой [\[5\]](#). Таким образом, можно отметить, что в период нахождения на посту президента Л. Джонсона американская политика в отношении Ирана не претерпела существенных изменений, американо-иранские отношения, несмотря на декларируемый паритет, не являлись такими.

Ежегодный рост доходов от нефти позволил шаху Мухаммеду Реза Пехлеви в определенный момент начать проводить более самостоятельную политику в отношениях с нефтяными компаниями – участниками МНК. Подобное изменение все же могло произойти только при молчаливом согласии правительства Соединенных Штатов, традиционно стоявших за нефтяными компаниями, которые являлись проводниками американской внешней политики.

Объединение нефтедобывающих стран в Организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК) открыло перед ними возможность объединенного выступления против крупнейших нефтяных компаний, лишившихся поддержки национальных правительств. Как справедливо отмечает американский исследователь Д. Ергин: «правительства стран потребителей особенно и не хотели поддерживать и поощрять компании в их конфронтации с экспортерами» [\[9\]](#). Интересно видение сложившейся ситуации, сформулировано Г. Киссинджером, который отмечал, что «до революции аятолл Запад и Иран поддерживали взаимовыгодное сотрудничество на основе одинаково трактуемой концепции национальных интересов» [\[14\]](#). Нежелание американского правительства вмешиваться в отношения иранского правительства и руководство нефтяных компаний можно объяснить также и опасением нарушить сложившийся баланс сил в регионе.

К началу 1970-х годов Соединенные Штаты, увязшие в тяжелой вьетнамской войне, не имели возможности сохранять свое присутствие на Большом Ближнем Востоке в объеме, характерном для периода президентства Д. Эйзенхауэра, Д. Кеннеди и Л. Джонсона. В сложившейся обстановке 37-й президент США Р. Никсон был вынужден сформулировать обновленные подходы Соединенных Штатов к реализации национальной внешней политики. Так называемая «доктрина Никсона» не только закрепляла принцип сотрудничества с региональными державами, сформулированный в период президентства Д. Кеннеди, но и ставила перед союзниками задачу самостоятельного обеспечения безопасности в регионе. В регионе Персидского залива было три претендента на лидерство: Саудовская Аравия, Иран и Ирак, которые «достаточно сильны, чтобы защитить себя, но слишком слабы, чтобы подать заявку на региональную гегемонию» [\[21\]](#). Более того, капиталистические страны, в том числе и США, зависимые от дешевых ближневосточных ресурсов, не смогли противостоять консолидированному выступлению государств-членов ОПЕК в период топливного кризиса 1973–1974 гг. В этот период Иран, по сути, достиг максимального господства в регионе и смог выстроить с Соединенными Штатами максимально равноправные отношения за всю историю [\[19\]](#).

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что Соединенные Штаты Америки сыграли ключевую в процессе создания Международного нефтяного консорциума и возвращения иранской нефти на мировой рынок. На годы вперед американские нефтяные компании, которые на первоначальном этапе поддерживались правительством США, стали проводниками американской внешней политики в регионе.

При этом вплоть до вступления в должность президента США Р. Никсона зависимость шаха Мухаммеда Реза Пехлеви от Соединенных Штатов не позволяла проводить суверенную политику в Иране – стратегическое значение иранской нефти и необходимость сохранения контроля над ней определяли принципы американо-иранского взаимодействия.

Ежегодный рост доходов от нефти в купе с объединением нефтедобывающих стран в ОПЕК позволили шаху Мухаммеду Реза Пехлеви закрепить за собой роль регионального лидера. Подобной трансформации Ирана также способствовала «доктрина Никсона», передававшая союзным государствам ответственность за региональную безопасность. Таким образом, изменения основных принципов американо-иранских отношений позволили Ирану к середине 1970-х годов добиться максимально субъектной позиции за весь период правления шаха Мухаммеда Реза Пехлеви. Вплоть до Исламской революции за страной сохранился статус ключевого регионального актора.

Библиография

1. Exchange of Messages Between the President and Prime Minister Mossadegh on the Oil Situation and the Problem of Aid to Iran. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/exchange-messages-between-the-president-and-prime-minister-mossadegh-the-oil-situation-and> (дата обращения: 25.03.2024). – Текст: электронный.
2. Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Volume XXII, Iran – Office of the Historian. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v22/d1> (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.
3. Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Volume XXII, Iran – Office of the Historian. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v22/d1> (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.
4. Алиев С.М. История Ирана. XX век / Алиев Салех Мамедоглы; Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. 644 с.
5. Арабаджян А.З. Иран. Изменение в отраслевой структуре экономики в 60-70-х годах: К проблеме ломки колониальной структуры экономики / отв. Ред. Л.И. Рейснер. Изд. 2-е, стереотип. – М.: ЛЕНАЛЕНД, 2021. 310 с.
6. Болотов Г.Б. Институциональная эволюция мирового нефтяного рынка // Геология и полезные ископаемые Западного Урала. – 2022. – № 5(42). – С. 110-116. – EDN XPJLDT.
7. Громов. А. Б. Иран. От Кира Великого до аятоллы Хомейни. М.: ООО «Сандра», 2022. 536 с.
8. Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905-1911 и 1978-1979 гг. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998. – 240 с.
9. Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2022. 944 с.
10. Жуков С., Резникова О. Иран на мировом рынке нефти. Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 11, сс. 26-37.
11. Ильина Ю. Разведывательные и специальные службы Ирана // Защита и безопасность. – 2016. – № 1(76). – С. 36-40. – EDN WGWRRF.
12. Искандарян Г.М. Инструментарий влияния США в Иране в 1950–1960-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, No 1. С. 116–129. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-116-129>
13. История Ирана [Текст] / [Канд. ист. наук Э.А. Грантовский, д-р ист. наук М.А. Дандамаев, канд. ист. наук Г.А. Кошеленко и др. ; Отв. ред. проф. М.С. Иванов]. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 488 с.

14. Киссинджер Г. Мировой порядок / Генри Киссинджер; [пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова]. – Москва : Издательство АСТ, 2023. С. 216.
15. Ключнева И.Н. Генезис мирового рынка нефтепродуктов и некоторые аспекты его политизации (конец XIX – вторая половина XX вв.) / И. Н. Ключнева, Е. А. Чорный // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2021. – № 8(50). – С. 43-48. – EDN YSOBBL.
16. Кочешков А. А. Североиранская нефть: из истории дипломатических баталий // Международная жизнь. – 2010. – № 14. – С. 149-160. – EDN TNYMKВ.
17. Сергеева З.Х. Ключевые этапы в истории освоения ресурсов углеводородного сырья // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 2. – С. 237-246. – EDN NCTPTL.
18. Сериков П. Нефтяные эмбарго и кризисы прошлого: уроки истории // ЭП. 2022. №9 (175).
19. Скороходова О.Н. Эпоха великих потрясений. Энергетический фактор в последние десятилетия холодной войны. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 352 с.
20. Уразов А.М. Время перемен. Эволюция внешней политики США и Великобритании на Большом Ближнем Востоке в первые десятилетия холодной войны. – Москва: Издательство АСТ, 2019. С. 68.
21. Ladwig W. C. A Neo-Nixon Doctrine for the Indian Ocean: Helping States Help Themselves // Strategic Analysis. – 2012. – Vol. 36. – A Neo-Nixon Doctrine for the Indian Ocean. – № 3. – P. 384-399.
22. Rahnema A. The Rise of Modern Despotism in Iran: The Shah, the Opposition, and the US, 1953–1968. The Rise of Modern Despotism in Iran. – Oneworld Academic, 2021.
23. Stewart S. The Gilded Age: Allen W. Dulles and the CIA // Vanderbilt Historical Review. 2016. Т. 2016. С. 54-61.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня не только различные аналитики - культурологи, социологи, философы, политологи, - но и многочисленные наблюдатели констатируют происходящие на наших глазах перемены в системе международных отношений. И действительно, на смену североамериканскому полюсу в настоящее время приходят такие акторы, как Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. Что касается последнего, то роль Ирана в радикальных переменах мироустройства весьма интересна: начиная с Исламской революции Тегеран не просто занял антиамериканскую позицию, но и стремился к формированию антивашигтонской коалиции. В этой связи вызывает интерес проследить характер американо-иранских отношений в 1950-1970-е гг.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является политика Соединенных Штатов Америки в отношении Ирана в период с 1953 - 1974 гг. Автор ставит своими задачами проследить изменения американской политики в отношении Ирана, а также проанализировать обстоятельства создания Международного нефтяного консорциума и возвращения иранской нефти на мировой рынок.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится

охарактеризовать внешнеполитический курс Вашингтона по отношению к Ирану в период с 1953 по 1974 гг.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежных англоязычных материалов, что определяется самой постановкой темы. Источниковая база статьи представлена прежде всего опубликованными внешнеполитическими документами Белого дома. Из используемых исследований отметим труды А.З. Арабаджяна, С.М. Алиева, Е.М. Дорошенко, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории Ирана. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме.

В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем кто интересуется как Ближним и Средним Востоком, в целом, так и американо-иранскими отношениями, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "уже в первые месяцы президентства Д. Эйзенхауэра кризис вокруг иранской нефти стал одним из приоритетных направлений американской внешней политики, поэтому для его разрешения Соединенные Штаты были готовы к применению силовых методов". В работе показано, что "в период президентства Д. Эйзенхауэра иранская нефть становится стратегическим интересом США и отношения с Ираном строятся вокруг закрепления контроля над иранской нефтяной промышленностью со стороны Соединенных Штатов". Автор обращает внимание на то, что "Соединенные Штаты Америки сыграли ключевую в процессе создания Международного нефтяного консорциума и возвращения иранской нефти на мировой рынок".

Главным выводом статьи является то, что

"изменения основных принципов американо-иранских отношений позволили Ирану к середине 1970-х годов добиться максимально субъектной позиции за весь период правления шаха Мухаммеда Реза Пехлеви".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательской интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В то же время к статье есть замечания:

1) Необходимо вычитать текст, устраивает несогласованности

("Внешняя политика Соединенных Штатов Америки в отношении Ирана в период с 1953 - 1974 гг.", "Вплоть до Исламской революции за страной сохраниться статус ключевого регионального актора").

2) Желательно перенести источники в библиографический список.

После устранения указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования - внешняя политика Соединенных Штатов Америки в отношении Ирана в период 1953 - 1974 гг.

Методология исследования. Автор в тексте не раскрыл методологию и методы исследования, но из текста статьи вытекает, что работа базируется на принципах научности, системности и историзма. Автор опирался на историко-хронологический, историко-сравнительные и др. методы.

Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием со стороны научного сообщества и общественности к современной геополитической ситуации, политикой США на Ближнем Востоке, особенно в отношении Ирана и санкциями против Ирана.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна обусловлена также тем, что в статье системно и всесторонне исследуется внешняя политика Соединенных Штатов Америки в отношении Ирана в с 1953 по 1974 год.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом можно отнести к научному, язык ясный и четкий. Структура работы в целом отвечает цели статьи и ее задачам. В начале статьи автор дает характеристику политики США по отношению к Ирану в 1947-1953 годы, когда наблюдался кризис вокруг иранской нефти и пишет, что в тот период США выступали против силового вмешательства в дела Ирана, искали разные варианты разрешения противоречий, в том числе возможность привлечения различных международных организаций, в их числе Международный банк развития и реконструкции к переговорному процессу. Ситуация же в Иране не дала таких шансов, и администрация президента Эйзенхауэра была готова применить силовые структуры. Автор отмечает, что в тот период советское влияние в Иране стало намного слабее, чем в послевоенный период. Премьер –министра Ирана М.Мосаддык не устраивал американскую сторону, которая сделала ставку на шаха Мухаммеда Реза Пехлеви. Смещении Моссадыка с поста и в устройстве переворота приняли участие спецслужбы Великобритании и США, но устроителем переворота был назван шах. В статье показано как выстраивалась политика США по отношению к Ирану в последующие годы и какие факторы влияли на внешнюю политику Соединенных Штатов Америки в этом вопросе. Авто отмечает, что в период президентства Эйзенхауэра «иранская нефть становится стратегическим интересом США и отношения с Ираном строятся вокруг закрепления контроля над иранской нефтяной отраслью» и проводила политику усиления зависимости шаха от Соединенных Штатов. А после прихода к власти Д. Кеннеди США декларируют, что переходят от политики покровительства к политике партнерства, а на деле политика проводилась в интересах США, а шаху внушалась мысль, что он должен проводить реформы в Иране, направленные на регулирование экономики и расширения прав и свобод и т.д. Проводимая шахом якобы самостоятельная политика с нефтяными компаниями –участниками Международного нефтяного консорциума (МНК), не могла бы проводиться без молчаливого согласия США. В статье приводятся интересные материалы и факты о том, как США усиливало свое влияние в Иране, а внешняя политика проводилась с учетом своих экономических интересов. Отмечается, что затяжная вьетнамская война несколько ослабила влияние США в Иране, но вплоть до президентства Р. Никсона зависимость шаха Мухаммеда Реза Пехлеви от Соединенных Штатов «не позволяла проводить суверенную политику в Иране – стратегическое значение иранской нефти и необходимость сохранения контроля над ней определяли принципы американо-иранского взаимодействия». Автор в выводах отмечает, что ежегодный рост доходов от нефти и «доктрина Никсона», передававшая союзным

государствам ответственность за региональную безопасность способствовали становлению Ирана как региональной державы и вплоть « до Исламской революции за страной сохраниться статус ключевого регионального актора».

Библиография статьи состоит из 23 работ на русском и английском языках, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне информации полученной в ходе работы над статьей и в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную научную тему и будет интересна читателям журнала «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тушканов И.В. Вопросы правосудия в политико-правовом учении И.А. Ильина // Genesis: исторические исследования. 2024. № 4. С. 53-60. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.4.70544 EDN: RSUWWI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70544

Вопросы правосудия в политико-правовом учении И.А. Ильина

Тушканов Игорь Валентинович

ORCID: 0000-0001-8398-5025

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук

доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО "Российский государственный университет правосудия"

350020, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234, каб. 305

✉ tushkanovi@rambler.ru

[Статья из рубрики "История политических и правовых учений"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.4.70544

EDN:

RSUWWI

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2024

Аннотация: Творчество выдающегося русского юриста и философа И.А. Ильина привлекает внимание исследователей из различных отраслей гуманитарного знания. При этом особый интерес для современной юридической науки имеют его политико-правовые идеи, что является объектом представленного исследования. Предметом исследования выступают взгляды Ивана Александровича на правосудие и справедливость, изложенные в его трудах, как российского («Общее учение о праве и государстве»), так и эмигрантского («Государственный строй будущей России» и другие) периодов его жизни. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как связь справедливости и правосудия в учении И.А. Ильина; его идеи об ответственности и правосознании. Особое внимание уделяется представлениям Ильина о правосудии в постсоветской России. Целью представленной статьи является рассмотрение идей И.А. Ильина с помощью диалектического, системного и сравнительно-правового методов, объединенных принципами историзма и объективности. Основным выводом

проведенного исследования стало аргументированное утверждение, что в политико-правовом учении И.А. Ильина вопросы обеспечения правосудия и справедливости в правоприменительной деятельности занимают важное место. Особым вкладом автора в исследование темы являются обоснованные выводы об актуальности взглядов И.А. Ильина о независимом, хорошо организованном судоустройстве, равном, объективном и состязательном судопроизводстве, а также о развитом правосознании и чувстве личной ответственности правоприменителя как факторах обеспечения справедливого правосудия. Новизна исследования заключается в обобщении взглядов И.А. Ильина на правосудие, как государственной деятельности для обеспечения справедливости в обществе. Автором выдвинуто практическое предложение о формировании судебных округов, не совпадающих с административно-территориальным делением.

Ключевые слова:

Ильин, политико-правовое учение, правосознание, правосудие, русские мыслители, справедливость, судебная власть, судопроизводство, судоустройство, эмиграция первой волны

Введение. Научное наследие выдающегося русского юриста и философа И.А. Ильина (1883 – 1954) обширно и многогранно. Его работы анализируют философы, политологи, юристы, историки и другие ученые-обществоведы; на него ссылаются действующие политики, например Президент В.В. Путин в своих Посланиях Федеральному Собранию в 2005, 2006 и 2014 гг. Как справедливо отметил Ю.Т. Лисица, «ценность всех исследований Ильина состоит не только в глубоких теоретических исследованиях русского национального мыслителя, но и в их практической значимости» [\[1, с. 481\]](#). Среди публикаций последнего времени, посвященных политико-правовым воззрениям Ивана Александровича, можно выделить статьи А.П. Герасименко [\[2\]](#), В.С. Гусева [\[3\]](#), Р.К. Дианова [\[4\]](#), А.А. Егорова [\[5\]](#), В.С. Кузыченко [\[6\]](#), Ю.Т. Лисицы [\[1\]](#), А.В. Савченко и Г.С. Працко [\[7\]](#). В то же время взгляды И.А. Ильина на роль правосудия и судебной системы в развитии общества и государственного механизма часто остаются «за скобками» трудов исследователей. Между тем, они занимают важное место в учении мыслителя о государстве вообще, и о государственном устройстве постсоветской России в частности.

Теоретические основы. Методы. Объектом настоящего исследования являются политико-правовые идеи Ивана Александровича Ильина, как выдающегося представителя отечественной юридической и философской мысли. Предметом выступают взгляды И.А. Ильина на правосудие и его основные элементы, изложенные в статьях ученого. Таким образом, целью представленного исследования является рассмотрение эволюции идей Ильина о проблемах обеспечения правосудия. Для достижения цели работы на основе принципов историзма и объективности комплексно применялись диалектический, системный и сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования. Рассматривая труды И.А. Ильина, опубликованные им на различных этапах его жизни, можно увидеть как эволюцию ряда его политико-правовых воззрений, так и идеи, которые, возникнув на ранних этапах его творчества, впоследствии, повторялись неоднократно, лишь получая дополнительную аргументацию. К числу последних, несомненно, относится мысль о неразрывной связи правосудия и справедливости. По его мнению, правосудие – это прежде всего справедливость, олицетворенная в решениях и приговорах судов, в деятельности других

правоприменителей. «Справедливость требует, – писал Иван Александрович, – чтобы право не применялось без оглядки, в слепом равнодушии и без всякого снисхождения к человеческой слабости и невежеству; она требует, наоборот, чтобы всюду, где только возможно, учитывались личные свойства субъектов и их намерения; она требует далее, чтобы всюду, где только право может выступить на поддержку морали и добрых нравов, применение нормы служило бы этой высшей цели, она требует, наконец, чтобы тот, кто применяет право, имел в виду только одно – правое и верное решение и не поддавался никаким соображениям постороннего свойства: пристрастию, лицепритию или, тем более, корысти. Такое применение права приучает людей ценить его и уважать; оно созидает в стране правосудие и мудрое правление» [8, с. 58]. И.А. Ильин таким образом выделял три составляющие правосудия: правильное применение норм права, благожелательный учет при этом намерений и личных качеств лиц – сторон судебного процесса, а также беспристрастность самих судей, прежде всего, отсутствие корыстного интереса.

Практическая реализация этих элементов в деятельности органов правосудия, по мнению Ивана Александровича, опирается прежде всего на хорошо организованное судоустройство и судопроизводство. В качестве образца он рассматривал судебную систему Российской Империи, созданную реформой 1864 г. и считал необходимым, чтобы в постсоветской России были установлены аналогичные принципы организации правосудия. В этой связи следует заметить, что создание судебных округов несовпадающих по территории с административным делением, несомненно приведет к еще большей независимости и беспристрастности судей. «Русский суд, – писал И.А. Ильин в статье «Об основных законах будущей России», – призван быть правым, справедливым, милостивым, скорым и равным. Русский судья, всегда укрепляя себя в законе Божиим, ведает в решениях своих два источника: закон Российского Государства и свое совестное правосознание. Он не может ни кривить душою, ни угождать предрешающим властям» [9, с. 337]. Естественно, что при этом должны быть обеспечены основные процессуальные права граждан. Поэтому мыслитель предлагал внести в конституцию постсоветской России статьи о том, что «никто не может подлежать преследованию, суду и наказанию иначе как на точном основании закона, изданного и обнародованного до совершения поступка, и лишь в порядке, в законе определенном», «никто не может быть задержан, взят под стражу или иным образом лишен свободы иначе как в случаях, в законе определенных, и с соблюдением правил, им предписанных», «всякое задержанное лицо в городах и других местах пребывания судебной власти должно быть в течение двадцати четырех часов, а в прочих местностях Государства не позднее чем в течение трех суток со времени задержания – или освобождено, или представлено судебной власти, судебная же власть, по рассмотрении обвинения, или освобождает задержанного, или постановляет, с изложением оснований, о дальнейшем содержании его под стражей», «никто не может быть судим иным судом, кроме того, к кому дело его по закону подлежит» [9, с. 341]. Данные положения являются базовыми для реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Они были закреплены в первой отечественной конституции [см. об этом: 10, 11, 12, 13] – Основных Государственных Законах Российской Империи 1906 г. [Основные Государственные Законы // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. 26. Ч. 1. № 27805. Статьи 30, 31, 32, 33. // https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php Дата обращения 27.03.2024.], получили должное место и в Конституции современной России [Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. Статьи 18, 20, 22 и др. // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>.

Дата обращения 27.03.2024.].

Несмотря на аристократическое происхождение, мыслитель был сторонником равенства граждан (подданных) перед законом и государством. В постсоветской России правовые нормы, по мнению Ивана Александровича, должны быть такими, чтобы «они не устанавливали несправедливых привилегий – послаблений, ограждений, бесправия, угнетения, а также несправедливых уравниваний. ... все устанавливаемые ими неравенства заведомо не попирали справедливости. ... они вводили такие способы применения права (в управлении, самоуправлении и суде), которые, с одной стороны, гарантировали бы от произвольного и непредметного применения закона, а с другой стороны, требовали бы от чиновников, научали бы их и представляли бы им возможность вводить повсюду поправки на справедливость» [\[14, с. 312\]](#). Следует признать, что данные положения его политико-правовой доктрины очень важны и актуальны в настоящее время, поскольку наглядно воплощают принцип «закон для человека, а не человек для закона». Их практическая реализация позволила бы многим государственным органам освободиться от мелочных проблем и сосредоточиться на решении стратегических задач.

Также И.А. Ильин считал, что для обеспечения правосудия важна независимость судей, причем как от администрации, так и от «общественного» давления. «Судебная власть, – писал он, – отправляет свое дело независимо, и, хотя судьи и назначаются правительством, однако сменить их возможно только в случае злоупотреблений» [\[8, с. 88\]](#). Независимость судей от администрации обеспечивается, прежде всего, их несменяемостью, то есть прямым запретом увольнять или перемещать на другую должность судей без их согласия. Однако, помимо административных органов, судьи могут оказаться в определенной степени зависимости от так называемого «общественного мнения», от сложившихся в конкретном социуме стереотипов. В этом случае, по мнению Ивана Александровича, давлению средств массовой информации и всякого рода «общественных деятелей» судьи всех уровней должны уметь противостоять просто как личности. Ведь «человек есть самостоятельный волевой центр, субъект права Он должен строить себя сам, владеть собою, управлять собою и отвечать за себя» [\[14, с. 306\]](#). Только независимый во всех отношениях судья сможет принимать действительно справедливые решения, обеспечивающие реальное правосудие. Помимо личных качеств правоприменителя, одним из способов обеспечения независимости судейского мнения может стать отказ судьи обсуждать с кем бы то ни было, в том числе «заочно» (читая, слушая или просматривая СМИ) текущие судебные процессы.

В своем политико-правовом учении И.А. Ильин особое значение придавал правосознанию, как гарантии правосудия, ибо «если в стране нет живого и справедливого правосознания, то ей не помогут никакие и даже самые совершенные законы» [\[14, с. 312\]](#). В этом отношении в дореволюционной России, по мнению Ивана Александровича, все было в порядке: «он (русский народ – И.Т.) выработал на протяжении веков свое особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды российского Сената, русская юриспруденция, сочетающая в себе христианский дух с утонченным чувством справедливости и неформальным созерцанием права)» [\[15, с. 18\]](#). Отечественное правосознание сформировалось, прежде всего, искренней верой в Бога. Как отмечал И.А. Ильин, «Россия держалась и строилась памятью о Боге и пребыванием в Его живом и благодатном дуновении» [\[15, с. 16\]](#). В результате закреплялось тройное чувство личной ответственности каждого правоприменителя: перед Богом, перед государством и перед обществом.

Отсутствие этого чувства ответственности, по мнению Ивана Александровича, ведет к попранию правосудия. «Чего можно ждать от безответственного судьи, – писал он в статье «О чувстве ответственности», – не требующего верного правосознания от себя самого, ни очевидности в изучении факта, ни прозрения в душу подсудимого, ни точного знания, закона? Такой судья, не ведающий ни предстояния, ни призвания, ни желания осуществить «наилучше наилучшее» создаст режим произвола, коррупции и кумовства» [16, с. 149]. Поэтому, как отмечает А.А. Егоров, «идея качественного обновления российской государственности Ильин придавал принципиальное значение, будучи убежденным в том, что восстановление и возрождение страны напрямую зависит от обновления кадрового состава государственной власти» [5, 113]. Действительно, практика показывает, что ни самый строгий контроль и надзор, ни риск наказания не помогают, если нет личного чувства ответственности, правильного правосознания и стремления обеспечить справедливость в обществе.

В связи с этим вопросы правосудия в учении И.А. Ильина тесно связаны со справедливостью и правосознанием. Причем, как указывают А.В. Савченко и Г.С. Працко, правовое сознание у Ильина – это «неотъемлемый атрибут гражданского общества и правового государства», основа «правопонимания и правомерного поведения в обществе» [7, 71]. Действительно, с одной стороны, «справедливость невозможно ни найти, ни водворить на основании формальных правил, ибо она требует живого созерцания разнообразной жизни. ... Всякий закон есть отвлеченное правило. Никакой закон не может уловить и предусмотреть всю полноту и все разнообразие жизни» [14, 312]. С другой, по мнению Ивана Александровича, – «между законом и живым человеком стоит еще применение закона (административное или судебное), т. е. подведение конкретного жизненного случая под отвлеченное правило. И вот здесь-то и должно разворачиваться истинное царство справедливости» [14, 312]. Следовательно, в правоохранительных, и, конкретно, судебных органах нужны правоприменители с высоким уровнем ответственности и правосознания, с волей к обеспечению правосудия.

Выводы. В целом, можно отметить, что в политико-правовом учении И.А. Ильина важное место занимают вопросы обеспечения правосудия и справедливости в правоприменительной деятельности. Для этого, по его мнению, необходимо хорошо организованное судоустройство, гарантирующее независимость судей от постороннего влияния; демократическое судопроизводство, основанное на приоритете прав и свобод человека. Представляется, что создание судебных округов несовпадающих по территории с административным делением, несомненно приведет к еще большей независимости и объективности судей. Но главным скрепляющим элементом механизма правосудия должно быть, по мнению Ивана Александровича, развитое правосознание и чувство личной ответственности. Вполне очевидно, что высказанные идеи И.А. Ильина являются вполне актуальными и важными для современной России.

Библиография

1. Лисица Ю.Т. Иван Ильин о проблеме различных конфессий и народностей Российской Империи // Гуманитарное пространство. 2020. Т. 9. № 4. С. 479-500.
2. Герасименко А.П. О философии права И.А. Ильина // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 90. С. 3-10.
3. Гусев В.С. И.А. Ильин о роли России в славянском мире // Дамаскин. 2023. № 1 (61). С. 4-7.
4. Дианов Р.К. И.А. Ильин о монархиях и республиках // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2022. Т. 2 № 5 (88). С. 15-19.

5. Егоров А.А. Духовная природа государства в политико-правовых воззрениях Ивана Ильина // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 3 (29). С. 107-115.
6. Кузыченко В.С. Идея национального государства в политико-правовой концепции Ивана Ильина // Право и практика. 2021. № 4. С. 20-24.
7. Савченко А.В., Працко Г.С. Концепция правового сознания в юридическом наследии Ивана Александровича Ильина // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 1 (164). С. 70-73.
8. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Основы законоведения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. Общедоступные очерки И.А. Ильина, В.М. Устинова, И.Б. Новицкого и М.Н. Гернета. Издание 4-е, исправленное и значительно дополненное. М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1915. С. 1-106.
9. Ильин И.А. Об Основных Законах будущей России // Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. С. 335-354.
10. Виноградов В.В. Император и Совет Министров по Основным Государственным Законам от 23 апреля 1906 г.: историко-правовой аспект // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (99). С. 172-179.
11. Гатауллин А.Г., Зайнутдинов Д.Р. Основные Государственные Законы Российской Империи: попытка конституционного строительства // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 53-80.
12. Меликовский А.А. Конституционная природа Основных Государственных Законов Российской Империи // Эпомен. 2020. № 43. С. 89-100.
13. Смирнов С.Н., Любина Т.И. Свод Основных Государственных Законов Российской Империи (редакция 1906 г.) как первая отечественная конституция: взгляд через призму правового статуса человека // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 15. С. 156-160.
14. Ильин И.А. Государственный строй будущей России // Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. С. 270-334.
15. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию // Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. С. 14-19.
16. Ильин И.А. О чувстве ответственности // Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. С. 140-150.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Вопросы правосудия в политико-правовом учении И.А. Ильина».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам понимания и обсуждения политико-правового учения И.А. Ильина. Автором делаются выводы на основе его работ, а также иных трудов других ученых. Как указано в самой статье, «Объектом настоящего исследования являются политико-правовые идеи Ивана Александровича Ильина, как выдающегося представителя отечественной юридической и философской мысли. Предметом выступают взгляды И.А. Ильина на правосудие и его основные элементы, изложенные в статьях ученого».

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена. Как пишет сам автор в самой статье, «целью представленного исследования является рассмотрение эволюции идей Ильина о проблемах обеспечения правосудия. Для достижения цели работы на основе принципов историзма и объективности комплексно применялись диалектический, системный и сравнительно-правовой методы».

Основной метод исследования связан с анализом текстов работ, написанных И.А. Ильиным. В частности, делается следующий вывод: «Несмотря на аристократическое происхождение, мыслитель был сторонником равенства граждан (подданных) перед законом и государством. В постсоветской России правовые нормы, по мнению Ивана Александровича, должны быть такими, чтобы «они не устанавливали несправедливых привилегий – послаблений, ограждений, бесправия, угнетения, а также несправедливых уравниваний. ... все устанавливаемые ими неравенства заведомо не попирали справедливости. ... они вводили такие способы применения права (в управлении, самоуправлении и суде), которые, с одной стороны, гарантировали бы от произвольного и непредметного применения закона, а с другой стороны, требовали бы от чиновников, научали бы их и представляли бы им возможность вводить повсюду поправки на справедливость» [14, с. 312]. Следует признать, что данные положения его политико-правовой доктрины очень важны и актуальны в настоящее время, поскольку наглядно воплощают принцип «закон для человека, а не человек для закона». Их практическая реализация позволила бы многим государственным органам освободиться от мелких проблем и сосредоточиться на решении стратегических задач».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема правосудия в политико-правовом учении И.А. Ильина сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «Научное наследие выдающегося русского юриста и философа И.А. Ильина (1883 – 1954) обширно и многогранно. Его работы анализируют философы, политологи, юристы, историки и другие ученые-обществоведы; на него ссылаются действующие политики, например Президент В.В. Путин в своих Посланиях Федеральному Собранию в 2005, 2006 и 2014 гг. Как справедливо отметил Ю.Т. Лисица, «ценность всех исследований Ильина состоит не только в глубоких теоретических исследованиях русского национального мыслителя, но и в их практической значимости» [1, с. 481]. Среди публикаций последнего времени, посвященных политико-правовым воззрениям Ивана Александровича, можно выделить статьи А.П. Герасименко [2], В.С. Гусева [3], Р.К. Дианова [4], А.А. Егорова [5], В.С. Кузыченко [6], Ю.Т. Лисицы [1], А.В. Савченко и Г.С. Працко [7]. В то же время взгляды И.А. Ильина на роль правосудия и судебной системы в развитии общества и государственного механизма часто остаются «за скобками» трудов исследователей. Между тем, они занимают важное место в учении мыслителя о государстве вообще, и о государственном устройстве постсоветской России в частности».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«В целом, можно отметить, что в политико-правовом учении И.А. Ильина важное место занимают вопросы обеспечения правосудия и справедливости в правоприменительной деятельности. Для этого, по его мнению, необходимо хорошо организованное судоустройство, гарантирующее независимость судей от постороннего влияния;

демократическое судопроизводство, основанное на приоритете прав и свобод человека. Представляется, что создание судебных округов несовпадающих по территории с административным делением, несомненно приведет к еще большей независимости и объективности судей. Но главным скрепляющим элементом механизма правосудия должно быть, по мнению Ивана Александровича, развитое правосознание и чувство личной ответственности. Вполне очевидно, что высказанные идеи И.А. Ильина являются вполне актуальными и важными для современной России».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по толкованию трудов И.А. Ильина, что может быть полезно специалистам по истории политических и правовых учений.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Genesis: исторические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с анализом учений И.А. Ильина.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Гусев В.С., Дианов Р.К., Егоров А.А., Лисица Ю.Т., Савченко А.В., Працко Г.С. и другие).

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье вопросам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Аветисян А.А. История формирования ресурсов «мягкой силы» во внешней культурной политике Итальянской Республики // Genesis: исторические исследования. 2024. № 4. С. 61-70. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.4.69826
EDN: RUOYRK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69826

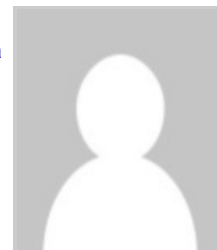
История формирования ресурсов «мягкой силы» во внешней культурной политике Итальянской Республики

Аветисян Альвина Александровна

аспирант, кафедра итальянского языка ФИЯР, Московский Государственный Университет

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ alvinaavetisyan@yandex.ru

[Статья из рубрики "История и идеология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.4.69826

EDN:

RUOYRK

Дата направления статьи в редакцию:

12-02-2024

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является история формирования и отбора ресурсов «мягкой силы» Итальянской Республики. Объектом исследования в настоящей статье можно считать деятельность и опыт Итальянской Республики в XX веке в рамках внешней культурной политики по продвижению позитивного образа страны на базе собственной национальной культуры и ее составляющих. Статья нацелена на представление обзора развития понятия «мягкой силы», истории его формирования, а также изучение опыта Италии в использовании своего культурного наследия в качестве инструментов для формирования за рубежом позитивного образа своей национальной культуры. Изучение данного вопроса по нескольким направлениям в зависимости от целей государства позволили в динамике рассмотреть, что являлось основой для современного состояния и функционирования внешней культурной политики, в итальянской практике базирующейся главным образом на элементах национальной культуры. Одним из ключевых аспектов формирования ресурсов мягкой силы Италии является ее богатое культурное наследие. При использовании общенаучных методов анализа и синтеза информации, наблюдения, систематизации, классификации,

интерпретации и прогнозирования детальному рассмотрению подвергаются основные вехи развития «мягкой силы» в Итальянской Республике, что позволяет проследить, на каких именно ресурсах базируется популяризация национальной культуры и какие направления были выделены государством с течением времени для повышения престижа страны. Новизна исследования заключается в том, что сегодня связь между национальной культурой и мягкой силой является важным аспектом внешней политики государства, что вызывает определенный интерес к теме. Заинтересованность в изучении данного аспекта объясняется еще и тем, что сегодня на первый план в культурной дипломатии выходит умелое применение политики «мягкой силы», что показывает способность страны достигать своих целей через привлекательность своего образа жизни, ценностей и культуры, а не через военную силу, подразумевающую возникновение определенных угроз. В связи с полученными выводами представляется возможным выявить, как складывалось развитие современных направлений в трансляции образа национальной культуры, которые сегодня активно продвигаются Итальянской Республикой с помощью политики «мягкой силы», способствуя установлению дружественных отношений, повышению престижа и увеличению влияния на международной арене.

Ключевые слова:

внешняя культурная политика, национальная культура, продвижение национальной культуры, образ национальной культуры, мягкая сила, культурно-историческое наследие, культура Италии, ресурсы мягкой силы, история мягкой силы, итальянская культурная политика

Итальянская Республика сегодня активно использует мягкую силу в своей внешней культурной политике, при этом история формирования ресурсов достаточно богата и разнообразна. В настоящее время в культурологии в контексте мировой политики наблюдается расширение понятия культуры и ее составляющих, есть тенденция более частого обращения к такому термину, как национальная культура, которая рассматривается уже как ключевой элемент формирования имиджа страны за рубежом, способствующий укреплению ее мягкой силы, начинает играть важную роль во внешней политике государства. Внешнеполитическая деятельность, направленная на продвижение и популяризацию национальной культуры, может иметь несколько важных аспектов, среди которых можно выделить культурную дипломатию, популяризацию языка и литературы, проведение культурных обменов и развития туризма, а также осуществление знакомства целевой аудитории с доминантами национальной культуры, которые в свою очередь могут варьироваться в зависимости от страны, которая занимается созданием ее образа. В зависимости от поставленных целей и выделенных ценностей национальной культуры, которые могут транслироваться целевой аудитории, отдельными странами выбирается собственный набор механизмов реализации поставленных задач.

Говоря о механизмах, используемых различными странами для осуществления целей внешней культурной политики, многие исследователи отмечают такой инструмент, как применение «мягкой силы», причем в рамках разговора о культурной сфере, а не, как это принято понимать, в экономической или политической областях [\[1\]](#). В период своего развития понятие «мягкая сила» получило ряд определённых особенностей и характеристик. Термин «мягкая сила» или же «soft power» впервые был использован

американским политологом Джозефом Наем в 1990 году и получил свою популярность уже на пороге новой эпохи – на рубеже XX-XXI веков [2]. Именно он и ввел это понятие, которое в самом начале был применим к политике США, однако сейчас используется в более широком смысле и в разных областях, таких как мировая политика, экономика и дипломатия. Изначально Дж. Най анализировал мощь государства и разделил ее на две крупных составляющих – «жесткую» и «мягкую» силы. Если в рамках понятия «hard power» политолог рассматривает в первую очередь политическую, финансовую и экономическую мощь страны, то «мягкую силу» он характеризует культурным и внешнеполитическим компонентами и политической идеологией [3, 1990]. Анализ тематической литературы позволил сделать вывод о том, что по Наю, «мягкую силу» следует понимать еще и как «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек» [4, 2004, с. 45]. Наумов А. О., рассматривая составляющие политики «мягкой силы» замечает, что «к «мягкой силе» можно отнести культурную притягательность государства, привлекательные особенности ее идеологии, традиций, истории, а также конкретные достижения — от продуктов массовой поп-культуры и побед на международных спортивных площадках до научно-технических прорывов» [2, с.15]. М. В. Братеркий и А. С. Скриба, анализируя политику «мягкой силы» как части внешнеполитической стратегии в контексте внешней политики США и рассматривая ее отличие от жесткой силы, замечают, что «жесткая сила» характеризуется прямым влиянием на объект, «мягкая сила» — скорее косвенным. При этом «мягкая сила» ориентирована на постепенное и долговременное вовлечение объекта в зону своего влияния; она генерируется и проецируется годами и десятилетиями, но в случае успеха дивиденды от ее применения носят и более долгосрочный характер» [5, с. 133].

При изучении «мягкой силы» государства особое внимание уделяется уникальным достижениям государства. Джозеф Най в своих работах выделял три главных ресурса «мягкой силы»: культура страны, ее политические ценности и внешняя политика [6, 2011]. Некоторые исследователи отмечают несколько отличный набор составляющих «мягкой силы», среди которых называются инновации, культура, дипломатия, образование и правительство [7]. Долгое время на основе этих показателей создавались международные рейтинги успешности применения государствами механизма «мягкой силы». Дальнейшие исследования позволили выделить новые составляющие механизма, расширяющие предыдущий список. Среди этих показателей упоминаются экспорт медиапродукции, популяризация национального языка, наличие всемирно известных бизнес-компаний, наличие влиятельных личностей, входящих в международные рейтинги, мировой университетский рейтинг, уровень владения английским языком как условие интеграции в глобальную среду и уровень туристического сектора [8].

Выше были рассмотрены основные характеристики такого понятия как «мягкая сила» и теперь, дополнительно учитывая тот факт, что во многих источниках, посвященных внешней культурной политике Итальянского государства, акцентируется особое внимание на механизме «мягкой силы» и новом, итальянском способе его применения, представляется возможность рассмотреть историю развития инструмента «мягкой силы» непосредственно в рамках внешней культурной политики Италии.

До середины XX века Италия успешно предлагала иностранным гражданам всё то, что было создано в эпоху античности и эпоху Возрождения, говоря более конкретным языком, – достопримечательности, культуру, многовековую историю, искусство, которое получило огромное развитие в течение XIV-XV веков. С этой целью сразу после

окончания первой мировой войны, в 1919 году, было основано Национальное итальянское агентство по туризму (ENIT). В основные его задачи входило развитие и продвижение культуры и туризма в Италии и за рубежом после военного времени, создание туристических офисов, а также оказание поддержки в развитии гостиничного бизнеса [\[1\]](#). Уже в середине 60-х годов XX века, в период восстановления экономики страны после окончания Второй мировой войны, в туристической Италии стал формироваться новый сектор – пляжный вид туризма. В 1962 году итальянским правительством было принято решение об экономическом обновлении региона Сардиния и превращении его в центр пляжного отдыха для всех приезжающих в страну [\[2\]](#). Новый вид туризма, который позволил стране привлечь также дополнительный доход за счёт покупки вилл и поместий иностранными гражданами, послужил также толчком к развитию курортного туризма в других регионах Италии, таких, например, как побережье Адриатического моря, острова Капри и Искья [\[9\]](#).

Развитие массового туризма в Италии продолжалось и в семидесятых годах прошлого века. Важно отметить, что этот период в итальянской историографии ознаменовался как время резкого экономического подъема и стремительного развития индустрии. В туристическом секторе Италии также появилось новое явление – агротуризм, или как его ещё принято называть, экотуризм. Агротуризм начал свое зарождение ещё в то время, когда большинство итальянских древних городов, не успев окрепнуть после окончания Второй мировой войны, продолжали переживать кризис и не были полностью готовы принимать у себя потоки новых туристов [\[10\]](#). Тогда новой привлекательной стороной послевоенной Италии стали независимые от состояния экономики ресурсы – природа и климат этой страны. Официально агротуризм стал частью экономики Итальянского государства благодаря закону «О дисциплине агротуризма», изданному в 1985 году. Данным документом государство обязывало принимающую сторону, то есть итальянских фермеров, обеспечивать гостей всем необходимым, а также ставило следующие условия: ферма, которая оказывала услуги агротуризма, не должна была прекращать сельскохозяйственное производство [\[3\]](#). Важно также отметить, что законом регулировался и тот факт, что государством создавались специальные курсы по реализации агротуристических услуг, следовательно, туристов имели право принимать только те хозяйства, которые успешно прошли эти курсы [\[11\]](#).

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что туристический сектор в Италии, несмотря на то что долгое время основывался главным образом на предоставлении туристам культурного и исторического наследия, во второй половине XX века приобрёл также и новые тенденции. На примере развития агротуризма можно убедиться, что туристическая привлекательность Италии к концу XX века состояла не только из исторического прошлого страны как главного ресурса «мягкой силы», но и касалась теперь и того, чем страна обладала и обладает в настоящее время, – природы, климата и сельскохозяйственного производства.

Однако одно из самых первых направлений популяризации национальной культуры было связано с распространением итальянского языка и зародилась ещё в конце XIX века. Об этом факте можно судить по истории открытия Общества имени Данте Алигьери в Италии. Данный центр является старейшей организацией, которая, начиная с 1889 года, видит своей целью сохранение и распространение итальянского языка [\[12\]](#). Декретом от 1893 года более подробно были прописаны функции центра, например, такие как восстановление духовной связи итальянцев, проживающих вне Италии, со своей исторической родиной и вызов внимания и проникновения к итальянской культуре среди

иностранцев [\[12\]](#). Новые функции позволили заняться учреждением центров Данте Алигьери и за рубежом; впервые такие филиалы появились в странах Средиземноморья и в северной Европе.

В первой половине XX века Общество имени Данте Алигьери получило широкое распространение посредством формирования центров по всему миру. В силу того, что данный центр в тот период не являлся государственным, отделения по всему миру создавались благодаря финансовой поддержке итальянской элиты [\[13\]](#). Так, например, первый российский центр был открыт в Москве в 1908 году по инициативе и при финансировании итальянских предпринимателей, проживающих в тот период времени на территории России.

Несмотря на то, что Министерство иностранных дел Италии и Общество имели сотрудничество в рамках взаимных интересов [\[14\]](#), связать деятельность Общества с государственными органами удалось лишь во второй половине XX века, уже в послевоенное время. В 1985 году был учрежден Комитет межминистерского координирования между Обществом имени Данте Алигьери, Министерством государственного образования и Министерством иностранных дел. С этого периода у отделений «Данте Алигьери» официально появилась возможность получать государственные средства для развития у Министерства иностранных дел Италии [\[13\]](#). В 1993 году Общество стало уполномоченным по проведению совместно с Министерством иностранных дел Италии и Римским Университетом Ла Сапиенца сертификации PLIDA, удостоверяющую знания по итальянскому языку как иностранному [\[13\]](#). Это способствовало открытию новых отделений по всему миру. Таким образом, к началу XXI века отделения общества имени Данте Алигьери существовали уже на всех континентах, например, в таких странах, как США Аргентина, Австралия и ЮАР.

Говоря о внешней культурной политике Италии, нельзя не заметить, что большую долю ответственности за мероприятия «мягкой силы» в области формирования позитивного культурного имиджа страны, особенно на международной арене, сегодня ложатся также и на посольства Италии по всему миру [\[15\]](#). Мысль российского политолога А. Г. Сахарова продолжает в своих статьях и Е. В. Василенко, говоря о том, что посольства являются, во-первых, официальными и непосредственными представительствами Итальянского государства за рубежом, а во-вторых, основными и зачастую самыми крупными организаторами различных событий. На базе итальянских посольств в разных государствах за рубежом государством были созданы Итальянские Институты культуры, которые зачастую определяются как «культурный рупор итальянской внешней политики» [\[16\]](#).

Решение о формировании первых Итальянских Институты культуры за рубежом появилось с выходом Декрета в 1926 году с указанием почти той же цели, что и при формировании Общества имени Данте Алигьери – распространение за рубежом итальянских культуры и языка [\[17\]](#). В законе об Итальянских Институтах культуры от 19 декабря 1926 года прописывается, что целью их деятельности является также развитие интеллектуальных отношений с другими странами, при этом замечается, что реализация поставленных целей будет проходить не только посредством публикаций и распространения материалов об истории, искусстве и философии Италии, но и путём организации различных курсов, лекций и конференций. Первыми Итальянскими Институтами культуры, которые были основаны за рубежом, являются Итальянский Институт культуры в Брюсселе, появившийся в 1932 году, и второй – в Мадриде,

открытый в 1939. В 1943 году был открыт культурный центр в Токио, однако позднее, после начала Второй мировой войны, по понятным причинам, действие Институтов культуры было приостановлено; они продолжили свою активную деятельность уже в пятидесятые годы [\[17\]](#) после окончания военных действий.

В середине XX века был выработан «Устав Итальянского Института культуры за рубежом», в котором прописывалось, что данная организация имеет полное право на осуществление своей деятельности и представляет также государство [\[17\]](#). В 1955 году было официально заявлено, что отделения данной организации находятся под контролем Министерства иностранных дел Италии. В этот период активно продолжала расширяться сеть Институтов по всему миру: появляются отделения в странах Южной Америки (Колумбия, Бразилия) и Великобритании. Ближе к концу XX века рядом указов были прописаны обязанности, которыми должен обладать персонал данных культурных институтов, и с помощью каких критериев и процедур будут выбираться соответствующие сотрудники. В это время Итальянские Институты культуры получили широкое распространение в Северной Америке (представительства в Канаде и США), а также в странах Восточной Европы (Польша, Россия). Так, первый Итальянский Институт культуры в России был открыт в Москве 1986 году [\[17\]](#). К 1990 году, когда сеть организации была достаточно широкой и появилась необходимость в унификации стандартов ее деятельности, был создан и опубликован специальный закон, регламентирующий работу Институтов уже по всему миру. Согласно Закону № 401 от 1990 года Итальянской Республики, государством прописывались уже четко сформированные основные функции Итальянского Института Культуры [\[18\]](#):

- Предоставление актуальной информации о культурной жизни Италии;
- Организация и проведение инициатив, культурных мероприятий и выставок;
- Установление контактов с различными организациями и частными лицами, осуществляющими деятельность в области культуры с целью привлечения их к участию в проектах, направленных на продвижение итальянской культуры;
- Обеспечение взаимоотношений между итальянскими учеными и студентами для работы по вопросам, связанным с их исследованиями за рубежом;
- Поддержка инициатив по работе с итальянцами, которые на данный момент проживают не на территории Италии;
- Организация мероприятий, направленных на популяризацию итальянского языка.

При анализе многих источников, освещающих тему «мягкой силы» Италии в контексте внешней культурной политики, было также выявлена следующая тенденция, берущая свое начало также в XX веке: стране недостаточно только лишь показывать себя с одной стороны – культурной, важно еще доказать миру, что государство и сейчас способно создавать что-то новое. Достаточно долгий период времени в рамках двадцатого столетия этим новым веянием, которое захватило весь мир, была мода. Как только речь заходит об итальянской моде, политологами в теме об итальянской «мягкой силе» упоминается такой созданный итальянцами бренд как «Made in Italy» [\[19\]](#).

Развитие данного бренда пришлось на вторую половину XX века, когда в стране был так называемый экономический бум, проходивший в 60-е и 70-е годы. Оно происходило параллельно с развитием и ростом экономики и промышленности, когда получила свой расцвет также и индустрия итальянской моды. В дальнейшем, настоящее явление распространилось ещё и на развитие дизайна интерьеров и мебельное производство. До этого периода лидирующей нацией в данном секторе считались французы, однако уже в конце XX века итальянская мода и дизайн смогли превзойти своих конкурентов как по

количеству модельеров и дизайнеров, работающих в данной сфере, так и по разнообразию предложений. В этот временной период и сложились благоприятные условия для развития и распространения бренда «Made in Italy» и экспорта различных итальянских товаров в другие страны [\[20\]](#).

Стоит отметить, что история бренда «Made in Italy» началась ещё раньше, в итальянских источниках, например, датой его основания считают 1951 год, когда в Италии был организован закрытый показ мод для представителей американских универмагов с целью заявить о себе как о стране, способной предоставить новые идеи в мире моды [\[21\]](#). Так, впервые итальянские марки одежды вышли на американский рынок, что потом с процессом американизации также повлияло на причины распространения «Made in Italy» в остальном мире [\[22\]](#).

В 70-е годы XX века, с целью продвинуть Италию как страну ещё и индустриальную, итальянские предприятия стали выпускать свою продукцию и под этикеткой «Made in Italy». Итальянская экономика, основной отличительной особенностью которой являлся принцип преобладания малых частных предприятий, производящих национальную продукцию, позволила Италии являться страной, наряду с моделью конвейерного производства Г. Форда, предлагающей миру уже новую схему развития. В период между 1971 и 1981 годами в северных регионах страны на базе малых предприятий стали основываться уже большие по размеру компании. В эти же года, итальянские предприятия, выпускающие продукцию, предназначенную для экспорта стали подразделяется на четыре категории, в Италии известные как «Четыре А»: Abbigliamento (Одежда), Arredamento (Мебельная продукция), Automobili (Автомобили) и Agroalimentare (Продукты питания) [\[20\]](#). Укрепить бренду на своих позициях удалось также и в последние десятилетия XX века, и этому поспособствовал тот факт, что большинство остальных европейских предприятий, работающих в тех же секторах, в этот период демонстрировали только спад своей деловой активности.

К началу XXI века бренд «Made in Italy» являлся уже самостоятельно сформированным комплексным явлением, а вокруг отмечался рост контрафактной продукции, как в Италии, так и за ее пределами, на которой тоже помещалась этикетка «Made in Italy». Такого рода явление говорило о престижности созданного бренда: помещение на одежду или обувь лейбла с указанием того, что продукция сделана в Италии, или аналогичная приписка являлись отметкой о более высоком качестве изделия. Это повлекло за собой регламентацию использования знака бренда, а его деятельность обязалось контролировать государство. На пороге нового столетия, в 1999 году, в Италии был образован Институт по защите итальянской продукции, который в своих задачах видел защиту, оценку и продвижение настоящих оригинальных товаров, производящихся на территории Итальянского государства.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены основные вехи развития и особенности формирования внешней культурной политики Италии на примере сформированных в итальянской традиции механизмов, проанализированы основные характеристики такого понятия, как «мягкая сила» и то, как она проявляется в контексте итальянского политического курса. Говоря об общем развитии понятия «мягкой силы», можно сделать вывод о том, что механизм «мягкой силы» на современном этапе своего проявления является достаточно многогранным аспектом, а за процесс своего развития получил ряд особенностей. «Мягкая сила» так же, как и внешняя культурная политика, видит одним из своих главных инструментов культуру в широком ее понимании, которая, в свою очередь, опирается на историческую подложку конкретной нации, основывается

на достижениях уже прошедшего периода развития определённого общества и продвигается параллельно с развитием туристической привлекательности. Отдельно в списке составляющих «мягкой силы» выделяются также туризм и национальный язык, которые являются элементами, на которые на практике опираются страны для создания позитивного образа страны на международной арене.

При изучении внешней культурной политики Италии по распространению знаний о стране в мире, было выявлено, что особое внимание уделялось продвижению итальянского языка, литературы и искусства, созданных на итальянской территории. Эти элементы были выделены как ключевые ресурсы "мягкой силы", способные успешно использоваться для укрепления влияния страны за рубежом и формирования образа культурно богатого государства. Культурная дипломатия Италии играет значительную роль в достижении этих целей, помогая создавать положительное восприятие страны за ее пределами через деятельность официальных представителей: институтов культуры и различных подведомственных организаций, действующих с целью развития полноценной картины о стране. Такая цель позволила стране выработать направления развития брендов. Так, за XX век сложился такой повсеместно известный мегабренд, как «Made in Italy», в рамках которого Италия и по сегодняшний день продвигается материальная составляющая национальной культуры Италии. Наблюдаются также и попытки расширять этот бренд и продвигать через материальную культуру и произведенные товары так называемый итальянский образ жизни, под которым подаются также и духовные ценности итальянской культуры. Можно также заключить, что во второй половине XX века новые направления развития приобрела и туристическая индустрия Италии, не ограничиваясь только культурным и историческим наследием. Развитие агротуризма стало одним из примеров изменений, показывающих, что привлекательность Италии для туристов не только в прошлом основывалась на истории, но также на природе, климате и сельском хозяйстве.

Библиография

1. Астафьева О.Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность: лекции. М.: Изд-во РАГС, 2010. 69 с.
2. Наумов А. О. Мягкая сила, «Цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 276 с.
3. Nye Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 307 p.
4. Nye Joseph S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. 191 p.
5. Братерский М. В., Скриба А. С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США. // Вестник международных организаций. Т. 9. 2014. № 2. С. 130-144.
6. Nye Joseph S. The future of power. New York: Public Affairs Group, 2011. 300 p.
7. McClory J. The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power. London: Institute of Government, 2011, 13 p.
8. Русакова О.Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2013. № 3. С. 52-61.
9. Berrino A. Storia del turismo in Italia. Bologna: Il Mulino, 2011. 344 p.
10. Bianchi O. L'impresa agro-industriale. Una economia urbana e rurale tra XIX e XX secolo. Bari: Dedalo, 2000. 177 p.
11. Legge 5 dicembre 1985, n. 730. Disciplina dell'agriturismo. Gazzetta Ufficiale n. 295 del 16 dicembre 1985. // ISTITUTO POLIGRAFICO E ZECCA DELLO STATO S.p.A. Рим, 1985. [Электронный ресурс] URL: https://www.tuttocamere.it/files/agricol/1985_730.pdf

12. Murlane S. Emigrazione e italianità: il comitato nizzardo della Società Dante Alighieri dal 1900 1 agli anni Trenta // Archivio storico dell'emigrazione italiana, №11. 2015. P. 48-56.
13. Sanfilippo M. Emigrazione e storia d'Italia. Cosenza: Pellegrini Editore, 2003. 307 p.
14. Salvetti P., Immagine nazionale ed emigrazione nella Società "Dante Alighieri", Roma: Bonacci, 1995. 295 p.
15. Сахаров А. Г. «Мягкая сила» Италии. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 9. 2014. № 2. С. 59-71.
16. Василенко Е. В. «Мягкая сила» имиджевой политики Италии. // Мир и политика. 2013. № 10. С. 222-232.
17. Martina M. Gli Istituti italiani di cultura all'estero: uno strumento di relazioni pubbliche per il governo. // Udine: Università degli Studi di Udine, 2002. 233 p.
18. Legge 22 dicembre 1990, n. 401. Riforma degli istituti italiani di cultura e interventi per la promozione della cultura e della lingua italiane all'estero. // Рим, 1990. [Электронный ресурс] URL: <https://www.esteri.it/MAE/normative/leg22.12.90.pdf>
19. Клейменова Т. Н. Роль культурной политики Италии в формировании имиджа страны за рубежом. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2012. С. 68-74.
20. Cappelli F. Il made in Italy: dalle origini alle nuove sfide. // Roma: LUISS Guido Carli, 2015. 77 p.
21. Belfanti C. M. Renaissance and 'Made in Italy': marketing Italian fashion through history (1949-1952). // Journal of modern Italian studies, Vol. 20 (1), 2015. P. 53-66.
22. Becattini G. Distretti industriali e made in Italy. Le basi reali del rinnovamento italiano // Torino: Bollati Boringhieri, 1998. 200 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История и культура Италии насыщена невероятными достижениями: чего стоит только античный период, когда Римская республика и затем Римская империя вышли далеко за пределы средиземноморской цивилизации, а имена Цицерона и Мецената стали нарицательными. Средние века оказались ознаменованы величием Генуи и Венеции, Флоренции и Лукки, в конечном итоге именно Италия стала родиной Возрождения. Однако в Новое время начался серьезный упадок Италии, общество которой достаточно больно принимало резкое снижение влияния своей страны. Неудивительно, что идея национального единства охватила умы молодежи, породив таких лидеров, как Д. Гарибальди, что не могло не привести к созданию единого государства. Сегодня Италия является одним из активных членов Евросоюза, а в условиях становления многополярного мира представляется важным обратиться к изучению механизмов «мягкой силы» Рима.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются ресурсы «мягкой силы» во внешней культурной политике Итальянской Республики. Автор ставит своими задачами определить дефиницию «мягкая сила», проанализировать перемены в туристическом секторе Италии, рассмотреть деятельность Общества имени Данте Алигьери.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать историю формирования ресурсов «мягкой силы» во внешней культурной политике Итальянской Республики.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежных материалов, в том числе на английском и итальянском языках, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором трудов отметим работы Т.Н. Клейменовой, Е.В. Василенко, А.Г. Сахарова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения «мягкой силы» Италии. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как внешней политикой Италии, в целом, так и «мягкой силы» этой страны, в частности. Аппелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «внешнеполитическая деятельность, направленная на продвижение и популяризацию национальной культуры, может иметь несколько важных аспектов, среди которых можно выделить культурную дипломатию, популяризацию языка и литературы, проведение культурных обменов и развития туризма, а также осуществление знакомства целевой аудитории с доминантами национальной культуры, которые в свою очередь могут варьироваться в зависимости от страны, которая занимается созданием ее образа». Автор обращает внимание на то, что «туристический сектор в Италии, несмотря на то что долгое время основывался главным образом на предоставлении туристам культурного и исторического наследия, во второй половине XX века приобрёл также и новые тенденции», в частности, агротуризм. В работе показано, что «за XX век сложился такой повсеместно известный мегабренд, как «Made in Italy», в рамках которого Италия и по сегодняшний день продвигается материальная составляющая национальной культуры Италии». Большое внимание в рецензируемой статье автор уделяет также деятельности Общества имени Данте Алигьери и Итальянскому Институту культуры за рубежом.

Главным выводом статьи является то, что ключевыми элементами «мягкой силы» Италии выступают итальянский язык, литература и искусство», при этом обращает внимание на то, что «культурная дипломатия Италии играет значительную роль в достижении этих целей, помогая создавать положительное восприятие страны за ее пределами через деятельность официальных представителей: институтов культуры и различных подведомственных организаций, действующих с целью развития полноценной картины о стране».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий формирования «мягкой силы».

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тесаев З.А. К вопросу каталогизации орденов чеченских мудиров, наибов и муртазеев времен Имамата (1840–1859 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2024. № 4. С. 71–85. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.4.70548
EDN: SEFDTV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70548

К вопросу каталогизации орденов чеченских мудиров, наибов и муртазеев времен Имамата (1840–1859 гг.)

Тесаев Зелимхан Адамович

научный сотрудник, Архивное управление Правительства Чеченской Республики

364013, Россия, г. Грозный, ул. Лермонтова, 95

✉ amin.tesaev@gmail.com

[Статья из рубрики "Исторические источники и артефакты"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.4.70548

EDN:

SEFDTV

Дата направления статьи в редакцию:

23-04-2024

Аннотация: В статье рассматривается ряд наградных и должностных знаков (орденов) времен Имамата (1840–1859 гг.), врученных как самим Шамилем, так и его подчиненными чеченским мудирам, наибам и муртазеевкам. Описываются не только собственно сохранившиеся медали, но и источники, иллюстрации, а также материальные памятники, сохранившие информацию по предмету исследования. В частности, впервые в научный оборот вводятся награды наибов Байсангура Беноевского, Гази-Хаджи Зандакского, Тюрши Цикаройского, предполагаемые медали наибов Эски и Умы, а также эпиграфические памятники (надмогильные стелы), на которых запечатлены прижизненные награды погребенных. Предпринимается попытка каталогизации впервые выявленных и ранее известных знаков, связанных с Чеченским вилайатом (регионом) Имамата. Проводится анализ зафиксированных на эпиграфических памятниках графических изображений знаков. Применяются методы сравнительного и типологического исследования в целях атрибуции знаков с помощью источников и имеющихся каталогов. Отмечается дефицит работ по теме статьи, что обуславливает актуальность проблематики и указывает на длительный характер поставленной автором

задачи (составление каталога наград Имамата, врученных чеченцам). Ранее попытки каталогизации наград Имамата в разрезе чеченского региона не предпринимались. Важным результатом проведенной работы является введение в научный оборот пяти наградных знаков Имамата, на двух из которых написаны имена владельцев, и еще один знак – датирован; атрибуция не менее пяти знаков, изображенных на погребальных стелах; атрибуция медалей, изображенных на иллюстрациях, а также фотографии 1885 года. Кроме того, на данный момент установлено, что на 19 рассмотренных в статье личностей приходится 28 знаков наградной и 4 – должностной категорий, при этом рекордсменами выступают Атаби Атаев (4 награды) и Эски Хулхулинский (3 награды).

Ключевые слова:

Имамат, знаки отличия Имамата, медали Имамата, чеченцы, Чечня, Кавказская война, наибы, награды Имамата, погребальные стелы, чурты

УДК 737.22+94(470.6)

В свете большого внимания, уделяемого в последние годы вопросам истории России, в целом, и ее регионов, в частности, а также объявления 2024 года в Чеченской Республике «Годом истории, исторических памятников, архитектуры и культурного наследия чеченского народа», актуализируется тема материальных памятников периода Имамата в истории республики. В числе последних, помимо различного огнестрельного и холодного оружия, следует выделить наградные знаки Имамата.

Имамат как государственное образование возник 7 марта 1840 года вследствие провозглашения в Урус-Мартане (город в ЧР) имамом Чечни покинувшего Аварию после падения Ахульго Шамиля Гимринского [\[1, с. 245, 247; 2, с. 191; 3, с. 86–87\]](#). В скором времени масштаб деятельности вновь избранного имама распространился далеко за пределы собственно Чечни; как итог, Шамиль стал известен современникам как «Имам Чечни и Дагестана» [\[4, с. 102; 5, с. 53; 6; 7, с. 101; 8, с. 530; 9, с. 101\]](#), хотя его влияние проникло и в пределы черкесских владений [\[10; 11\]](#). На раннем этапе деятельности в Чечне Шамиля окружили такие выдающиеся чеченские предводители, как Шуаиб Цонтароевский, известный как «маршал лесной войны»; Талхиг Бациев-Шалинский, разработчик артиллерийской тактики «кочующих батарей»; Байсангур Баршкиев-Беноевский, прозванный современниками и самим Шамилем «Биргез» и «Таш-адам» (Человек-камень); Юсуф-Хаджи Сафаров, получивший академическое военное образование в османской Турции, и многие другие. Что касается Юсуфа Сафарова, то именно ему принадлежит заслуга введения в Имамате нормированного законодательства («Низама»), системы «муртазеков» (военная структура, введенная в Чечне как альтернатива регулярной армии; при этом остальные горцы выступали в походах как ополченцы) [\[1, с. 358–359, 381–385; 12, с. 178; 13, с. 6–7; 14, с. 214–215; 15, с. 1424, 1447, 1454, 1456, 1459–1462; 16, с. 17; 17, с. 21–22; 18, с. 68\]](#), возведения ряда укреплений и разработки наградной системы, которая возникла не позднее 1841 года и угасла с падением столицы Имамата – Ведено (село и административный центр одноименного района в ЧР) – в 1859 году [\[1, с. 358; 13, с. 5; 16, с. 17; 19, с. 404\]](#).

При ознакомлении с трудами, целиком или частично посвященными теме орденов Имамата [\[13, с. 5–23; 18, с. 59–63; 20; 21, с. 187–197, табл. XLI, XLII; 22–24\]](#), стало очевидным, что существует необходимость создания каталога известных на сегодняшний день наград,

врученных чеченцам. При этом, отметим, что правом награждения обладал не только Шамиль, но и некоторые личности, наделенные им соответствующими полномочиями. Например, таковыми правами пользовались чеченцы Шуаиб-мулла, Уллуби-мулла, Талхиг [12, с. 178; 13, с. 9; 24, с. 146] и др. Ценные, но, зачастую, противоречивые данные по особенностям наградной системы обнаруживаются в офицерских рапортах царского времени, мемуарах, записках и т. д. [1, с. 358-359, 383-384; 12, с. 178; 13, с. 8, 21; 14, с. 214-215; 19, с. 404; 25, с. 200; 26, с. 30-31; 27, с. 52; 28, с. 293-294]. Особенно привлекает внимание свидетельство самого Шамиля, зафиксированное М. Казем-Беком в своем очерке [29, с. 57-58]. Впрочем, разнящиеся данные, приведенные в источниках, свидетельствуют о слабом понимании рассматриваемой наградной системы современниками [13, с. 9; 20, с. 13; 29, с. 57-58].

При составлении нижеприведенного перечня наград были использованы сравнительный и типологический методы исследования имеющихся в источниках и литературе данных; кроме того, помимо уже известных экспонатов нами впервые вводятся в оборот экземпляры, обнаруженные в частных собраниях либо зафиксированные нами на эпиграфических памятниках. К сожалению, не все экспонаты иллюстрированы; часть из них вносится в данный каталог на основе текстовых описаний в документах и очерках. Задача также усложняется тем, что некоторые экспонаты, хранившиеся в региональном музее в советский период, утрачены вследствие известных событий в ЧР. К примеру, на 1991 год в фондах Чечено-Ингушского государственного объединенного музея имелось пять экспонатов, о которых теперь ничего неизвестно [30, с. 15]. Отметим, что работа представляет собой лишь первый этап исследования, подразумевающего дальнейшее пополнение нижеприводимого перечня.

Далее – каталог наград и их описание.

Хаджи-Мухаммад. Медаль, врученная выходцу из аула Герменчук, Хаджи Мухаммаду – первому наибу Черкесии в 1842–1844 годах. Хаджи-Мухаммад умер в мае 1844 года [11, с. 21; 31, с. 405, 409-410]. В числе экспонатов Государственного исторического музея (ГИМ, № 105072) имеется именной серебряный орден (штамповка, чернение) Хаджи-Мухаммада диаметром 50 мм (рис. 1) со следующей надписью: *«Это юноша, превосходство которого осуществлялось при встрече в войне и который в битве неустрасим. Это высокостепенный орден. Хаджа Магомед...»* или *«Это отличие из отличий Хаджи Мухаммада. (Это) герой, совершенен на войне натиск его, а в бою он бросается вперед»* [13, с. 15; 20, с. 36]. В перечне А. З. Муцаева медаль приведена в списке наград, пожалованных наибами [13, с. 15; 24, с. 145-146].

Талхиг. Наиб Талхиг, он же – Талгик Бациев – выходец из города Шали. Занимал должности наиба села и области Шали, а также наиба Большой Чечни. Разработчик конно-горной артиллерии и тактики «кочующих батарей» [18, с. 53; 27, с. 75; 32, л. 2-2 об.].

На фотографии 1885 года запечатлены три артиллериста из числа бывших подчиненных наиба Талхига, а также его потомки и другие личности. В частности, на груди заявленного инициатора снимка – Борщика Хамбулатова – обнаруживаются ордена (рис. 2) Талхига Бациева времен Имамата [13, с. 23; 30, с. 15].

Медаль на правом плече по внешним параметрам соответствует медали за храбрость, вероятно, с текстом типа *«Кто думает о последствиях, тот не герой»* [13, с. 19; 20, с. 36, 41].

Вторая медаль с многочисленными полукругами по окружности и полусферой на центре также имеет полные или частичные внешние аналоги [\[13, с. 14; 20, с. 42\]](#).

Судя по известным экземплярам подобного оформления, рассматриваемый экземпляр является наградным, а не должностным знаком отличия. Экспонаты (рис. 3, 4) приведены в качестве примеров аналогов (12-й и 23-й по счету экспонаты, представленные у А. З. Муцаева) [\[13, с. 14, 19\]](#).

Байсангур. Байсангур Баршкиев (Беноевский) – наиб Имамата [\[31, с. 101-114\]](#). В 1860-м году, возглавив сопротивление царским властям, временно принял на себя звание имама, пока не передал его почетному старейшине, ученому-богослову Гази-Хаджи Зандакскому [\[33, с. 49\]](#). Капитан Руновский со слов Шамиля записал следующие сведения о Байсангуре: «В награду необыкновенной храбрости и преданности делу Газавата, Байсангур получил от Шамиля две медали. Когда Гуниб пал, Байсангур поклялся всенародно не снимать своих медалей и не прекращать войны с Русскими до тех пор, пока не слетит с него голова» [\[15, с. 1447\]](#). Данный экспонат (рис. 5) из частной коллекции имеет экспертное заключение ГИМ, впервые вводится в научный оборот. В тексте экспертизы приведено описание: «...восьмигранный серебряный орден наградной системы Шамиля с чернью, размером 74x74 мм, весом 24,0 гр.» [\[34, с. 1\]](#). Далее делается экспертное заключение: «Визуальный осмотр ордена путем сравнения с подлинными образцами, хранящимися в ГИМ, позволяет сделать вывод о том, что представленный на экспертизу почетный наградной знак имамата Шамиля является подлинным, изготовленным на Кавказе в 1841–1859 гг.» [\[34, с. 2\]](#).

На экспонате наблюдается богатое чернение. В центре медали имеется арабографическая надпись: «*Байсхур*» («*بيصغر*»). Примечательно, что среди эпистолярных подлинников, составленных современниками Байсангура, выделяется письмо бывшего мудира и наиба Имамата Атаби Атаева, в котором последний неоднократно упоминает Байсангура [\[35, л. 41\]](#). Вариант написания имени в тексте письма соответствует тому, что наблюдается на медали. Данный факт примечателен на том основании, что современный исследователь или обыватель с максимальной долей вероятности передаст звук -с- в имени Байсангура арабской графикой через букву син (س), тогда как в подлинниках мы наблюдаем букву сод ([\[35\]](#) ص, л. 41). Отметим, что медаль Байсангура не единственная в своем роде. В частности, упоминается именной знак с лаконичной надписью «*Байболат, 1269*» (14.X.1852–2.X.1853), относимый к числу наибских наград [\[24, с. 146\]](#). Кроме того, по внешним признакам (чернение) медаль Байсангура обнаруживает близость с вышеприведенным экспонатом Хаджи-Мухаммеда. Таким образом, речь идет (вместе с данным капитана Руновского) о двух наградах Байсангура (согласно Д. Хожаеву, «медаль за храбрость» была вручена Байсангуру после Ичкеринского сражения 1842 года [\[36, с. 183\]](#)).

Берсан. При работе с погребальными стелами времен Кавказской войны также удастся обнаружить эпиграфические свидетельства о медалях, принадлежавших некогда погребенным. В частности, при проведении в 2023 году экспедиции в Веденском районе ЧР, на сельском кладбище аула Дарго – первой столицы Имамата – нами выявлена стела, на которой запечатлено две треугольные медали со сканью по кромкам граней, срезанными углами и полусферой на центре, соответствующие экземплярам, представленным у исследователей [\[13, с. 13; 20, с. 47; 24, с. 146\]](#). На самой стеле (рис. 6) читается надпись, позволяющая установить, что владельцем наград был Берсан

Жаркаев, похороненный в 1277 (19.VII.1860–7.VII.1861) году.

В качестве примера можно привести 11-й по счету экспонат (серебро, чернь, скань; высота 55 мм) с утраченной полусферой в перечне А. З. Муцаева (рис. 7), из частной коллекции; имеются примеры и из других каталогов [\[20, с. 47\]](#). В трех углах медали по частям разбита надпись: «Обладатель храбрости и великодушия» [\[13, с. 13–14\]](#).

Джавадхан. Джавадхан Даргоевский – чеченский наиб, разновременно возглавлял различные области Имамата. Уже в конце 1839 года был назначен Шамилем наибом Дарго [\[31, с. 178; 37, с. 116\]](#). Стоял в ряду первых чеченцев, поддержавших Шамиля после поражения в Ахульго, о чем сообщается в документах [\[1, с. 243, 247, 257\]](#). Вместе с Шуаибом Цонтароевским контролировал процесс продовольственного эмбарго, объявленного Шамилем на первом этапе своей деятельности в Чечне [\[3, с. 88\]](#). Погиб от ранения, полученного в ходе боев против сил П. Х. Граббе (Ичкеринское сражение), намеревавшегося взять столицу Имамата Дарго в мае–июне 1842 года [\[3, с. 88, 103, 109; 38, с. 117\]](#). В числе экспонатов Национального музея РД им. А. Тахо-Годи известен именной орден Джавадхана сложной симметричной формы в виде цветка. Образец диаметром 90 мм (серебро, чернь, скань, зернь, ткань), на четырех «лепестках» ордена имеется надпись: «Наиб победоносный с помощью поддерживающего покровителя, обновляющий Ислам, устанавливающий низам, оживляющий Сунну и подавляющий новшества Джавад-Хан. Да продлит Всевышний его власть. Сила и мощь только у Него, Всевышнего» [\[13, с. 10\]](#). Судя по всему, данный экспонат – пример высших наград Имамата.

Оздамир. Оздамир (в источниках также фигурирует как Астемир) – чеченский наиб, действовал в числе отрядов Ташу-Хаджи и Уди-муллы еще до появления Шамиля в Чечне. В документах упоминается как один из «начальников» в бое у села Автуры 9-го февраля 1837 года и позднее. К концу жизни занимал должность пятисотенного наиба. Оздамир был убит вошедшим к нему в доверие Чагаем Акаевым в конце апреля – начале мая 1842 года. Последний сорвал с одежды убитого Оздамира знаки отличия, которые передал царским властям [\[1, с. 155–156, 256, 341, 342; 31, с. 326–328\]](#). Указанные медали были описаны в документах, а позднее – хранились в качестве экспонатов музея. В частности, речь идет о кисти к шашке в виде темляка (надпись: «Нет Оздамира храбрее, нет сабли его острее»), а также о двух медалях. Первая (рис. 10), согласно Х.-М. Доного [\[20, с. 34\]](#), представляет собой знак воинского отличия с надписью: «Нет силы без помощи Божьей. Начальник пятисот человек. Вновь устраиваемого войска» [\[1, с. 342; 13, с. 8; 20, с. 11; 39, с. 78\]](#).

Примечательно, что в отличие от круглых знаков пятисотников, зарисованных и проиллюстрированных в фонде Клюки фон Клюгенау (рис. 11) [\[40, л. 1; 41, л. 1\]](#), медаль Оздамира (серебро, чернь, гравировка), обозначающая звание пятисотенного наиба, согласно Х.-М. Доного, имеет треугольную форму (рис. 10) [\[20, с. 34\]](#). Вместе с тем, у нас складывается впечатление, что здесь допущена ошибка при интерпретации или чтении текста, поскольку, на наш взгляд, данный (треугольный) образец полностью соответствует образцу (рис. 7), проиллюстрированному в описании медали Берсана Жаркаева (с той же надписью). Если наше предположение верно, то треугольная медаль Оздамира как раз таки была наградой за храбрость с просматриваемым нами текстом: «Обладатель храбрости и мужества». Из этого следует, что второй знак Оздамира – это должностная медаль с вышеуказанным текстом («Начальник пятисот...»). Вместе с тем, следующая медаль (рис. 9), заявленная как должностной орден Оздамира, имеет

сложную (восьмиконечную) симметрическую форму со слегка вогнутыми во внутрь гранями. Как и первая – медаль сделана из серебра, с чернением и гравировкой [\[20, с. 34\]](#).

Согласно А. З. Муцаеву, медаль Оздамира с указанием должностного положения и соответствующим текстом («Пятисотенный начальник нового устава. Нет крепости, нет силы как от Бога») имеет именно круглую форму и кисть, подвешенную на ушко полусферы, расположенной на центре [\[13, с. 7–8\]](#). Иллюстрация, близкая данному описанию, приводится в труде В. А. Потто (рис. 12) [\[42, с. 134\]](#). Это описание более близко экземпляру (рис. 11), проиллюстрированному в фонде Кюки фон Кюгенау (надпись: «Нет силы и могущества ни у кого, кроме Бога, Высокого и Могущественного») [\[40, л. 1; 41, л. 1\]](#). Если мы правы, то возникает вопрос о происхождении образца восьмиугольной симметрической формы (рис. 9), описанного выше. Судя по всему, знаки (рис. 9, 10) относятся к наградной категории, а должностным был третий, – упомянутый А. З. Муцаевым.

Атаби. Атаби Атаев, он же – Атабай Ченгеров, Атаби Атаев-Чунгуроевский – выдающийся чеченский богослов, военно-административный деятель, наиб и мудир Имамата, поэт [\[15, с. 1270–1271; 27, с. 83; 43, л. 1–1 об.; 44, л. 4; 45, с. 177, 185; 46, с. 165, 166, 168\]](#). В августе 1848 года Атабай перешел в царский лагерь, благодаря чему стало возможным описание наград, которых он был удостоен Шамилем [\[45, с. 177–178\]](#). В ноябре 1849 года вернулся в ряды мюридов вследствие переписки с Шамилем [\[45, с. 180–181; 47, л. 239; 48, л. 1–1 об.\]](#). В ноябре 1861 года был арестован. После длительной ссылки вернулся на родину в 1883 году [\[45, с. 183, 185; 49, л. 21–21 об., 42, 53–53 об., 69–69 об.; 50, л. 1–2, 3–4\]](#). Уже в 1848 году, судя по описанию в статье того же года (написана свидетелем появления Атабая в русском лагере при временном разрыве с Шамилем), Атабай имел две серебряные награды (медали) треугольной формы с надписями: «Герой, опытный в боях и, как лев, бросающийся на неприятеля» и «Только тот может назваться храбрым, кто не думает о последствиях» [\[20, с. 26; 51, с. 316\]](#). К сожалению, зарисовок данных наград нами не обнаружено, хотя мы и можем провести параллели с образцами, рассмотренными в разделе Берсана Жаркаева и Оздамира (рис. 7, 10).

Интересно, что упоминается (также без иллюстрации) еще одна медаль, обнаруженная в 1938 году у внука Атабая, Мухаммада, с надписью: «Слава ищет храбреца» [\[20, с. 26\]](#).

Наконец, еще один знак отличия, хранящийся в Национальном музее РД им. А. Тахо-Годи, – наградной знак (рис. 13) сложной симметрической формы и искусной ювелирной работы (серебро, скань, чернь, частичная позолота, ложная зернь, диаметр 100 мм). В шести «лепестках» ордена размещена надпись: «Один из выдающихся наибов Шамиля – великого султана, прославленного покровителя, эмира правоверных. Да продлит Всевышний Аллах его правление». Шестиугольная накладка в центре увенчана ушком для несохранившейся кисти; шесть полусфер по окружности и еще шесть – на краях «лепестков». Орден пожалован Шамилем. Представляет собой, по-видимому, пример высших знаков отличия [\[13, с. 12; 20, с. 43; 52, с. 502\]](#).

Таким образом, речь идет о четырех знаках Атаби Атаева наградной категории, что, по всей видимости, является единственным или редчайшим зафиксированным случаем.

Алхот. Алхот Джамбулатов – наиб Имамата, вышедший на боевой путь в юном возрасте. У потомков Алхота, на хранении Х. Исмаилова, А. И. Духаевым выявлена медаль, данная

Шамилем наibu за военные заслуги (рис. 14). Медаль треугольной формы с тремя ушками по углам для крепления и отверстием в центре, по-видимому, от утраченной полусферы. Весьма примечательно, что текст на знаке записан арабскими буквами, но на чеченском языке (аджам). Надпись: «*Майраллийна йелла мидал йу. Шемалас йелла хIара борз-Алхотана*» («Медаль дана за храбрость. Вручена Шамилем волку-Алхоту») [\[53, с. 31\]](#).

Помимо того факта, что медаль представляет собой единственный, выявленный на сегодня, образец чеченоязычного наградного знака Имамата, имя Шамиля в тексте отражено тремя буквами («*شمل*»; Шамиль) вместо традиционных пяти («*شمويل*»; Шамуиль) на других образцах и письменных источниках. Возможно, этот факт объясняется, во-первых, утверждением М. Казем-Бека о том, что среди простого населения Имамата имам именовался «Шамиль» вместо официального и канцелярского «Шамуиль» [\[20, с. 24; 29, с. 24\]](#). Во-вторых, наличие чеченоязычного текста подразумевает, что выполнение работы по изготовлению знака было возложено на неизвестного чеченского мастера [\[53, с. 31\]](#).

Айсхан. При обследовании памятников на старом кладбище в местности Марза-Мохк Ножай-Юртовского района ЧР нами была выявлена погребальная стела «убитого в правом сражении» в 1272 (12.IX.1855–30.VIII.1856) году Айсхана Курбанова [\[54, с. 64, 66\]](#). На стеле над изображением газырей расположены круги с надписями внутри (рис. 15), которые, судя по всему, по внешним признакам атрибутируются как должностные знаки четырех или пятисотенного начальника войск Имамата старого образца. Знаки обнаруживают параллели с зарисовками из фонда фон Клюгенау (рис. 16, 17) и другими образцами [\[13, с. 7; 20, с. 38; 26, с. 30-31; 28, с. 294; 40, л. 1; 41, л. 1\]](#).

Гамиль. На кладбище села Средние Курчали Веденского района ЧР при работе с эпитафиями надгробий нами выявлена стела Гамиля Газиева, «убитого в сражении с неверными» в месяц Рабиу-ль-Авваль 1273 (29.X.–27.XI.1856) года [\[54, с. 63, 66\]](#). На правой стороне стелы (рис. 17) над газырями изображен треугольник (слева – натруска), который атрибутируется как должностной знак сотника (юзбаши) войск Имамата [\[26, с. 30-31; 40, л. 1; 41, л. 1\]](#). Знак также имеет сходство с иллюстрацией из фонда фон Клюгенау (рис. 18).

Телбиш. Телбиш из Беноя – командир отряда Имамата. Дополнительных сведений о личности Телбиша пока что нами не выявлено. В сентябре 1991 года Чечено-Ингушским государственным объединенным музеем у потомка Телбиша, Паши Ибриева, была приобретена медаль с арабской надписью: «*Проявившему храбрость и мужество в войске Талхика, 1206 год хиджры*» (судя по расшифровке, в статье допущена ошибка – речь идет о 1266 годе хиджры – 16.XI.1849–4.XI.1850). Утверждается, что Телбиш имел две награды за мужество в боях [\[30, с. 15\]](#). К сожалению, фотографию медали выявить нам не удалось. Неизвестно также описание знака. Однако, данный образец указывает на то, что орден относится к категории датированных наградных знаков, выдававшихся наибами Шамиля. В данном случае – Талхигом Бациевым. Выполнение заказа также, по-видимому, было исполнено чеченскими ювелирами.

Эски. Эски – наиб Мичика, Большой Чечни с 1851 года. Ранее сражался в рядах войск Бейбулата Таймиева. Упоминается в письмах Шамиля, а также при описании различных сражений [\[2, с. 403; 31, с. 475-476, 478, 480; 55, с. 164, 166, 176-181\]](#).

На иллюстрациях времен царской России наиб Эски изображался с двумя медалями на груди – это два круглых знака с полусферами на центре. По крайней мере, известно две работы, принадлежащие итальянскому художнику Г. Коррадини, работавшему и служившему на Кавказе в годы Кавказской войны [\[56, с. 18\]](#). Последнее обстоятельство указывает на то, что работу художника нельзя считать нарративом.

На иллюстрации «Типы немирных горцев» в толпе мюридов стоит наиб Эски с двумя медалями по обе стороны груди (рис. 20) [\[42, с. 125\]](#). Изображение на правом плече мюрида, стоящего справа и позади Эски (а также у мюрида, изображенного художником на левом краю картины), знака, уже известного нам по ряду примеров орденов за храбрость с клеймом Шамиля [\[20, с. 41\]](#), позволяет говорить о неслучайных очертаниях наград наиба. На другой иллюстрации – «Наибы Шамиля» (рис. 21) – также выполненной Г. Коррадини [\[57, с. 35\]](#), при изображении наиба Эски не только легко обнаруживаются те же очертания лица, что и на предыдущей иллюстрации, но и вновь изображены две медали. Это постоянство художника указывает на высокую вероятность знакомства Г. Коррадини с реальной внешностью Эски, а также с очертаниями его наград.

На первой иллюстрации на знаке на левом плече Эски просматривается по крайней мере четыре полусферы – по четырем сторонам у внешнего края и на центре. Судя по описанию знаков фонда Кюки фон Клюгенау [\[41, л. 1\]](#), речь идет о наградных, а не должностных знаках. Частичную внешнюю параллель данного образца можно провести с экземпляром № 22 каталога Х.-М. Доного с тремя полусферами по окружности знака [\[20, с. 42\]](#). Относительно второго знака, на правой стороне груди Эски, можно лишь предположить, что он так же является наградным, а не должностным, знаком.

Еще одна медаль (рис. 22) из частного собрания, принадлежавшая, согласно преданию, наibu Эски – наградной знак в виде полумесяца с изображением сабли и текстом: «*Это знак храбрых*» (серебро, чернение; вес – 9,6 гр, длина – 6,5 см). На тыльной стороне имеется два ушка для крепления. Знак полностью идентичен образцу № 7 И. Г. Спасского (коллекция В. А. Горшкова) [\[21, табл. XLII\]](#) и № 47 у Х.-М. Доного [\[20, с. 48\]](#). В научный оборот вводится впервые.

Таким образом, исходя из изложенных данных, Эски, по всей вероятности, был обладателем не менее трех наград Имамата.

Дуба. Дуба Джукаев – наиб Имамата не позднее, чем с июля 1843 года [\[31, с. 570, 573, 585\]](#). В последствии занимал и другие должности, упоминался в письмах Шамиля, участвовал в важнейших сражениях [\[46, с. 208–220; 58, с. 381\]](#). Вплоть до 1858 года продолжал быть наибом Имамата [\[15, с. 1122\]](#).

В числе наград Имамата называется именной квадратный знак, данный Дубе Шамилем, с надписью: «*Имам Шамиль пожаловал этот высокий знак храброму наibu Дуба, шаги которого угодно направлять самому Богу*» [\[13, с. 10–11; 39, с. 78\]](#). Кроме того, в 1847 году в доме Дубы был обнаружен еще один орден с надписью: «*Этот герой искусный в войне и бросающийся на врага, как лев*» [\[20, с. 26\]](#).

Шуаиб и Уллуби. Шуаиб Цонтароевский – выдающийся полководец, наиб и мудир Имамата с 1840 года, один из первых соратников Шамиля, «маршал лесной войны», непревзойденный военный стратег. Еще до появления Шамиля в Чечне был в ближайшем окружении Ташу-Хаджи Саясанского. С первых дней военной активности Шамиля играет

в них важнейшую роль [\[31, с. 668, 674–675; 59, с. 248, 272, 275–277, 412, 424, 436, 441\]](#). Уллуби, как и Шуаиб, был одним из «генералов» (мудиров) Имамата, вместе с Шуаибом отразил войска Граббе в ходе Ичкеринского сражения. В материалах царского времени утверждается о награждении Шамилем Шуаиба и Уллуби неким знаком отличия, учрежденным в конце 1842 года и похожим на «нашу орденскую звезду». Согласно И. Иванову, на знаке имелась следующая надпись: *«Нет силы, нет крепости, кроме единого Бога»*. Кроме того, в том же году имам в награду за победу в Ичкеринском сражении вручил Шуаибу и Уллуби высочайше пожалованные знамена Казикумухского и Кюринского ханств, добытые в ходе похода на Кумух [\[19, с. 404; 25, с. 200\]](#).

Тюрши. Наиб Тюрши (чеч. ТӀуьрш) Цикаройский – назначен наибом Автуров в 1848 году после состоявшегося в том же году автуринского съезда [\[36, с. 215\]](#). У потомков Тюрши на хранении имеется медаль наиба, идентичная 11-му по счету экземпляру у А. З. Муцаева (рис. 11), экспонату № 2 И. Г. Спасского (тоже с двумя ушками, но с дефектом – отломлена одна грань) [\[21, табл. XIII\]](#), 43-му экземпляру каталога Х.-М. Доного [\[20, с. 47\]](#) и медалям, изображенным на стеле Берсана Жаркаева. Таким образом, речь идет о медали за храбрость с текстом: *«Обладатель храбрости и великодушия»*. Вводится в научный оборот впервые.

Гази-Хаджи. Еще один пример именных наградных знаков Имамата – медаль Гази-Хаджи Зандакского, известного богослова, мухтасиба Имамата, имама Чечни при восстании 1860–1861 годов [\[33, с. 49; 60, с. 49–51, 53, 55\]](#). Медаль (серебро, чернь) имеет простую круглую форму диаметром 58 мм, вес – 19 гр. Хранится в частной коллекции. Рисунок на знаке помещен в окружность, на четырех краях которой расположены «бутоны», от которых в две стороны расходятся изогнутые линии, соединяющиеся с двумя соседними «бутонами», составляя вместе ромбоподобное пространство в центре, где помещен текст (*«Хаджи Гази сын Арзу»*). От середины граней центральной фигуры к внешней окружности устремлено четыре листка. На тыльной стороне имеется ушко для крепления. Вводится в научный оборот впервые.

Ума. Ума Дуев – наиб Имамата. Был взят в плен и сослан в Смоленскую область в 1861 году. Позднее досрочно отпущен властями на родину; стал старшиной Зумсоя. Был одним из лидеров восстания Алибека-Хаджи Алдамова в 1877 году [\[31, с. 395–396\]](#). В частном собрании выявлен наградной знак (серебро, чернение, гравировка; диаметр – 74 мм, вес – 32 гр), принадлежавший, согласно преданию, Ума Дуеву. Знак имеет круглую форму, на центре – полусфера, от которой исходят восемь «лепестков»-прорезей, ограниченных окружностью, вокруг которой следует текст и рисунок (сабля и пистолет). На тыльной стороне имеется три ушка для крепления. Надпись выполнена чернью: *«Кто думает о последствиях, тот не герой»*. Идентичен экспонату № 35 каталога Х.-М. Доного. Примечательно же то, что, в отличие от предыдущего, данный экземпляр датирован – указан 1272 (12.IX.1855–30.VIII.1856) год. Впервые вводится в научный оборот.

Еще одна стела (рис. 26), связанная с предметом исследования, расположена в ауле Хой Чеберлоевского (Веденского) района ЧР. Надмогильный камень, согласно данным местных старейшин Хусейна Дибирова и Абдуллы Галбацова, принадлежит выходцу из хойского рода **Алхаз-гар** и представляет собой памятную стелу с ритуальной надстройкой «къуб», выполненной позднее. В завершении эпитафии стелы читается: *«Да помилует его Бог и [да сделает] обитателем Рая. [Умер] в 1273 (31.VIII.1856–20.VIII.1857) году»*. Над газырями справа и слева изображены медали наградной категории (рис. 27, 28). По многочисленным полукруглым фигурам по окружности обоих

знаков выявляется параллель с рядом наград, представленных в каталогах [\[13, с. 11-12; 20, с. 42-43; 21, с. 198; 24, цв. вкл. 8\]](#).

На данном этапе работа по изучению эпиграфических памятников на старых кладбищах ЧР продолжается. Стоит отметить, что П. И. Тахнаевой введены в научный оборот некоторые надгробия с отличительными знаками Имамата, расположенные на кладбище села Дышни-Ведено (Веденский район ЧР) [\[22, с. 23-27\]](#). Однако имеющийся объем работ по рассматриваемой проблематике говорит о малоизученности темы, требуя дальнейшего внимания исследователей.

Наградные знаки, публиковавшиеся ранее

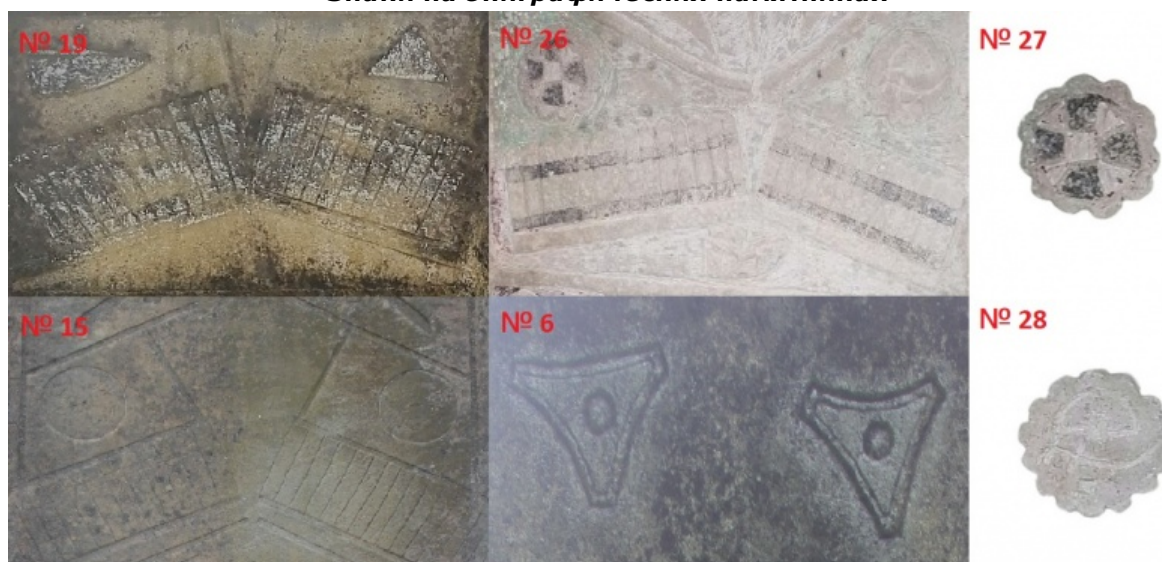
Впервые вводимые в научный оборот знаки

Проиллюстрированные и описанные в литературе знаки

Знаки на эпитафических памятниках

Библиография

1. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века. Сборник документов. Махачкала: Даг. Кн. Изд-во, 1959. 786 с.
2. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов / Под ред. Ш. В. Цагарейшвили. Тбилиси: Гозиздат Грузинской ССР, сектор политической литературы, 1953. [XII], 564 с.
3. Карахи, М.-Т. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах / Пер. с арабск. яз. и комм. Т. М. Айтберова. Махачкала, 1990. Ч. I. 148 с.
4. Церетели, Г. В. Письмо Шамиля из Калуги // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. V. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 97–114.
5. Маялацихан, Г. Три имама. Предисловие // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Махачкала, 1926. Вып. 45. С. 53.
6. ГИМ 66822/11; ГИМ 39126/1; ГИМ 46637/1491; ГИМ 77002/2008; ГИМ 16116/2019щ; ГИМ 105072.
7. Румянцев, И. Н. В плену у Шамиля: Записки русского / Сочинения И. Н. Румянцева. Т. 1. У Шамиля. СПб.: Тип. А. Н. Быкова, 1877. [4], 188 с.
8. Рындин, А. Имам Шамиль в России // Исторический вестник. № 11. 1895. С. 529–542.
9. Козубский, Е. И. К истории Дагестана. Русский архив. № 9. 1896. С. 101–131.
10. Бутова, О. А. Роль первых наибов Шамиля Хаджи Мухаммеда и Сулеймана Эфенди в политической консолидации Западной Черкесии (1842–1846 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 98–103.
11. Хаджебиекова, Ф. М. Деятельность Мухаммед-Амина и Сефер-бей Зана как военно-политических лидеров кубанских горцев в период Кавказской войны. Специальность

- 07.00.02. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Краснодар, 2012. 27 с.
12. Шарадзе, Г. Неизвестные записи Ильи Орбелиани о Шамиле // Литературная Грузия. 1969. № 9–10. С. 171–183.
13. Муцаев, А. З. История Чечни в фалеристике. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017. 256 с.: ил.
14. Август фон Гакстгаузен. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб., 1857. Ч. II. [IV], 218 с.
15. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. XII. Тифлис: Тип. Канцелярии Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, 1904. 1552 с.
16. Шульгин, С. Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражд. частью на Кавказе и К. Козловского, 1903. Вып. 32. С. 10–24.
17. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. [I–II], 1–76. С. 21–22.
18. Кругов, А. И., Нечитайлов, М. В. Вооруженные силы Имамата горцев Северного Кавказа (1829–1859 гг.). М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. 176 с.
19. Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) (Статья вторая) // Военный сборник. 1859. № 2. С. 337–406.
20. Доного, Х.-М. Ордена в Имamate Шамиля. М.: «Древлехранилище», 2009. 64 с.
21. Спасский, И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. М.: Вече, 2009. 224 с.
22. Тахнаева П. И. Атрибуция и эпиграфика памятников шахидов Кавказской войны кладбища с. Дышни-Ведено (1845–1857). Эпиграфика Востока. Т. 36. № 3–4. 2021. С. 22–28.
23. Аликберов, А. К. Классификации знаков отличия Шамиля // Народно-освободительное движение горцев 20–50-х гг. XIX в. Тезисы Всесоюзной конференции. Махачкала, 1989. С. 134–135.
24. Муханов, В. М. Награды и знаки Имамата Шамиля // «Гербовед». 1998. № 3(29). С. 142–148, цв. вкладка 8.
25. Иванов, И. Чечня // Москвитянин. 1851. № 19–20 // Москвитянин. Ч. V. М.: Тип. В. Готьк и Н. Степанова, 1851. С. 172–200.
26. Ильин, П. Историческое описание о Шамиле, называвшемся «Имамкуль Аазам» («Наместник пророка»), с портретом Шамиля, снятым с него в Москве художником Императорской Академии Д. М. Струковым, видом горы Гуниб, срисованным с высоты горы Арахтау одним из служивших на Кавказе, печатью Шамиля, наибским знаком и чертежом дома Шамиля в Ведено-Дарги, составленное П. Ильиным. М.: Тип. М. П. Захарова, 1859. 36 с.
27. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний / Пер. с араб. М.-С. Саидова; ред. пер., подгот. факс. изд., коммент., указ. А. Р. Шихсаидова, Х. А. Омарова. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997. 868 с.
28. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. М.: Эхо Кавказа, 2005. 549 с.
29. Казем-Бек, М. Мюридизм и Шамиль / В кн.: Избранные произведения. Баку: Элм, 1985. 420 с.
30. Хожаев, Д. Медаль Шамиля // «Зов предков». 1992. № 1. С. 15.
31. Дадаев, Ю. У., Дадаев, К. С. Наибы и мудиры Шамиля. – 2-е изд., доп. и испр. – Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2019. 720 с.
32. РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 94.

33. Духаев, А. И. Байсунгур Беноевский: лидер антиколониального восстания 1860–1861 гг. // Архивный вестник. Архивное управление Правительства Чеченской Республики. Историко-документальный бюллетень. 2017. № 5. С. 48–64.
34. Экспертное заключение № 46/22, Государственный исторический музей. 2 с.
35. АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 346.
36. Хожаев, Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный: «Седа», 1998. 309, [2] с.
37. Айтберов, Т. М., Дадаев, Ю. У. Хроника Иманмухаммада Гигатлинского – текст XIX в. об истории Имамата. Махачкала: ДГУ, 2010. 208 с.
38. Карахи, М.-Т. Три имама // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Махачкала, 1926. Вып. 45. С. 54–192.
39. Краткий путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. – Изд-е 2-е, испр. и доп. – Тифлис: Тип. Штаба Кавказского военного округа, 1909. 133 с.
40. РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 141. Ч. 1.
41. РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 141. Ч. 2.
42. Потто, В. А. История 44-го Драгунского Нижегородского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка. СПб.: Типо-Литография Р. Голике, 1894. Т. VI. 178 с.
43. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 945.
44. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 446.
45. Духаев, А. И. Атаев Атабай (1800–1889) // Исторические личности Чечни (XI–XXI вв.). Т. I. Кн. I. Политические и общественные деятели. (Авт. – коллектив авт. Сост.: Гапуров Ш. А., Магамадов С. С.) / Под ред. Ш. А. Гапурова, С. С. Магамадова. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2020. С. 177–186.
46. Шарафутдинова, Р. Ш. Арабские письма Шамиля из архива Б. А. Дорна // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1970. М.: «Наука», 1974. С. 204–225.
47. ГАРО. Ф. Р-3764. Оп. 1. Д. 47. Св. 3.
48. РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 9654.
49. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2008.
50. ГАРО. Ф. 4. Оп. 47. Т. 3. Д. 2580.
51. К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 году (окончание) // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного Штаба, 1887. Т. XI. С. 303–464.
52. Дадаев, Ю. У. Наибы и мудиры Шамиля. Махачкала: ООО «ДИНЭМ», 2009. 624 с.
53. Духаев, А. И. Гордалойн Алхот // «Халкъан дош», 23 мая 2022 г., № 41–42 (9371–72). С. 3. (на чеч. яз.)
54. Тесаев, З. А. Эпиграфические памятники Чечни (на примере надмогильных стел середины XIX – первой трети XX в.) // Genesis: исторические исследования. 2022. № 10. С. 59–70.
55. Николаи, Л. П. Эпизод из Кавказской войны // Военный сборник. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1865. Т. XLIV. С. 159–182.
56. Дзуцова, И. Забытый художник: Георг Коррадини // «Русский клуб». 2020. № 1 (171). С. 18.
57. Потто, В. А. История 44-го Драгунского Нижегородского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка. СПб.: Типо-Литография Р. Голике, 1895. Т. VIII. X, 172 с.
58. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. X. Тифлис: Тип. Канцелярии Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, 1885. 938 с.
59. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. IX. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, [год изд. не указ.]. 979 с.

60. Мусхаджиев, С.-Х. Гази-Хаджи Зандакский: пространство и время героя. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. 172 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Начиная со второй половины XVI в. начинается процесс трансформации моноэтничного Московского государства в полиэтническое государство Российское, в котором на бескрайних евразийских пространствах проживали народы, отличающиеся языком, культурой, хозяйственным укладом, конфессиональной принадлежностью. И сегодня богатство и сила России определяются, прежде всего, ее многонациональным составом. Президент Российской Федерации В.В. Путин отмечает: «Наша держава создавалась вокруг ценностей многонациональной гармонии, это важнейшая основа нашей консолидации, которая только лишь крепнет перед лицом внешней агрессии и угроз». В этой связи вызывает интерес изучение различных аспектов региональной истории России, особенно Северо-Кавказского региона.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются каталогизация орденов чеченских мудиров, наибов и муртазек времен Имамата. Автор ставит своими задачами рассмотреть работы, посвященные орденам Имамата, а также показать знаки отличия, выданные чеченским мудирам, наибам и муртазекам.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи определяется самой постановкой темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать наградные знаки Имамата: «впервые вводятся в оборот экземпляры, обнаруженные в частных собраниях либо зафиксированные нами на эпиграфических памятниках». Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 60 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена, прежде всего, документами из фондов Российского государственного военного архива, Российского государственного военно-исторического архива, Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания и др. Из используемых автором исследований отметим труды А.К. Аликберова, В.М. Муханова, Д. Ходжаева и др., в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории орденов чеченских мудиров, наибов и муртазек времен Северо-Кавказского Имамата. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Северного Кавказа, в целом, так и периодом Имамата, в

частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что в Имамате «правом награждения обладал не только Шамиль, но и некоторые личности, наделенные им соответствующими полномочиями». Автор обращает внимание на ту сложность, что «некоторые экспонаты, хранившиеся в региональном музее в советский период, утрачены вследствие известных событий в ЧР». Еще одной проблемной зоной является «слабое понимание рассматриваемой наградной системы современниками». Основной частью статьи является составленный автором собственно каталог наград.

Главным выводом статьи является то, что «работа по изучению эпитафических памятников на старых кладбищах ЧР продолжается», так как эта тема обширна и требует внимания исследователей.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена рисунками, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках дальнейшей работы по рассматриваемой теме.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Макеев В.О. Социально-экономическая политика правительства Брюнинга (29 марта 1930 – 30 мая 1932 гг.) в освещении советской газеты «Правда» // Genesis: исторические исследования. 2024. № 4. С. 86-98. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.4.69857 EDN: SIEUGJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69857

Социально-экономическая политика правительства Брюнинга (29 марта 1930 – 30 мая 1932 гг.) в освещении советской газеты «Правда»

Макеев Василий Олегович

ORCID: 0009-0009-2746-4714

студент направления подготовки "Педагогическое образование", профиль "История. Английский язык", кафедра Всеобщей истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

150000, Россия, Ярославская область, г. Ярославль, наб. Которосльная, 46 в

✉ vasyusha-makeev@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.4.69857

EDN:

SIEUGJ

Дата направления статьи в редакцию:

14-02-2024

Аннотация: В статье рассматривается социально-экономическая политика в Веймарской республике при канцлере Генрихе Брюнинге с 1930 по 1932 годы через призму советской газеты «Правда», которая является основным источником выражения официальной позиции Советского союза по вопросу международных отношений. Помимо оценки деятельности канцлера и происходящих в Германии событий материалы газеты освещают специфику развития немецкого коммунистического движения в указанный период. В работе делается акцент на неоднозначности и противоречивости политики кабинета Брюнинга, заключавшейся, с одной стороны, в стремлении свернуть парламентаризм в Германии, ограничивая роль законодательной власти в принятии важнейших социально-экономических решений, а, с другой стороны, невозможности и нежелании брать в полном объеме ответственность за проводимую политику. Нестабильность и отсутствие социально-экономической и политической перспективы приводили к все большей поляризации германского общества и склонению его в

сторону праворадикальной партии национал-социалистов. В качестве методов исследования использовался анализ специальных источников и материалов, в том числе архивных; метод классификации и систематизации; контент-анализ материалов газеты «Правда». Важной формой исторического источника в рамках данного исследования является периодическая печать, благодаря которой мы сумели выделить определенные тенденции, раскрывающие официальную политику государств в отношении тех или иных политических течений, исторических деятелей и явлений. Новизна исследования заключается в освещении событий, связанных с развитием национал-социалистического движения в Германии в рассматриваемый период в контексте усиления политического влияния национал-социалистической партии Германии и развития взаимодействия правительства с ее лидерами. Анализ периодической печати позволил проследить эволюцию образа Германии на страницах газеты «Правда» в конкретные исторические периоды. Основным выводом проведенного исследования можно отметить то, что газета «Правда» в своих публикациях о событиях в Германии в этот период ставила акцент на пролетарской борьбе и не отличалась аналитическим подходом.

Ключевые слова:

Веймарская республика, газета Правда, коммунистическая партия Германии, немецкое коммунистическое движение, фашизация, национал-социализм, социальный кризис, рейхсканцлер, демократия, правительство

Веймарская республика (1919 - 1933 гг.) – один из самых любопытных периодов немецкой истории новейшего времени. На этом этапе немецкое общество претерпело колоссальные перемены – Германия отказалась от демократии, встав на путь тоталитаризма, диктуемого партийной линией Национал-социалистической рабочей партии (НСДАП; *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei*, NSDAP) и их антисемитскими воззрениями. С конца 1920-х годов советско-германские отношения начинают существенно ухудшаться по причине усиления борьбы с коммунистическим движением, а также с постепенной фашизацией немецкого общества. Возникает парадоксальная ситуация: если после Первой мировой войны эти два государства-изгоя поддерживали открытые дружеские отношения, то после укрепления в Германии консервативных и правых сил риторика обеих стран касательно друг друга начинает менять тон. По этой причине имеет смысл обратить внимание на советскую газету «Правда», которая, будучи основным средством массовой информации, действовала как главный «механизм официальной советской пропаганды» и выражала непосредственную позицию советского руководства к происходящим в немецком обществе процессам [\[1, с.25\]](#).

Таким образом, крайне важным является изучение периода правления канцлера Генриха Брюнинга, который заложил основу для разрушения демократического строя республики и обострения социального кризиса, затрагивавшего, в первую очередь, представителей рабочего коммунистического движения.

28 мая 1930 года Генрих Брюнинг занимает пост рейхсканцлера. Будучи лидером фракции «Центр», консерватором, бывшим военным и сторонником авторитаризма, он был горячо принят рейхспрезидентом Гинденбургом и руководством рейхсвера [\[2\]](#). Это позволило канцлеру получить свободу в формировании собственного кабинета министров, который стал называться «кабинет фронтовиков». Такое название кабинет

получил потому, что шесть его членов в свое время были награждены «Железным крестом» I степени за проявленную во время Первой мировой войны доблесть. Помимо благосклонности со стороны высших кругов канцлер имел поддержку от промышленных, банковских и торговых кругов, что подтверждали слова одного из руководителей Имперского союза германской промышленности Кастля, который пообещал новому правительству «любую поддержку» [\[3, с. 60\]](#).

Несмотря на то, что большая часть политической и экономической сферы Веймарской республики смотрела на Генриха Брюнинга как на спасителя, не все разделяли связанные с ним надежды на светлое будущее. Социал-демократы стали оппозиционной партией. В качестве одной из причин можно выделить смену социал-демократических представителей кабинета министров Мюллера на консервативных политиков. Это выражалось в острых оценках деятельности правительства Брюнинга и обличительной риторике представителей социал-демократической партии Германии (далее – СДПГ; Sozial-demokratische Partei Deutschlands, SPD). В первые дни деятельности нового канцлера социал-демократическая газета «Форвертс» писала, что новые члены правительства «...не являются республиканцами, они опасны для республики» [\[4, с. 62\]](#).

Одновременно с происходящими в Германии событиями «Правда» заявила тезис, что власть Брюнинга – начало новой угрозы для демократии и пролетариата. Советская печать согласилась с оценкой немецкой коммунистической газеты «Роте Фане» в статье «Правительственный кризис в Германии», где было упомянуто, что после Мюллера «...демократия исчерпала себя больше, чем когда-либо со времени 1923 г. Безразлично, будет ли совершена попытка установления фашистской диктатуры сейчас или позже – во всяком случае центр тяжести передвигается еще более вправо, чем до сих пор» [\[5\]](#). В другой статье канцлер характеризуется как человек, тесно связанный «...с фашистской организацией Стального Шлема и представителем западно-германской тяжелой промышленности Клекнером» [\[6\]](#). Такое отношение к канцлеру со стороны Коммунистической партии Германии транслировалось на все правительство, которое представлялось в глазах коммунистов реализацией грубейшей и беспощадной эксплуатации человека и проведения самой настоящей фашистской диктатуры. Подобные публикации о деятельности нового правительства не оставляют сомнений в том, что Брюнинг и его политическая деятельность являлись враждебными как для компартии Германии, давление на которую вскоре начнет усиливаться, так и для руководства СССР. Со времени прихода к власти Брюнинга, по мнению советских историков, начинается «холодная» - постепенная – фашизация» [\[3, с. 62\]](#). Не последнюю роль в формировании такого мнения играло введение 48§ декрета, который согласно статье «Правительство «48§» выступает перед рейхстагом» демонстрирует, что у нового канцлера появилась возможность по мере своей необходимости проводить роспуск рейхстага, а также опираться на чрезвычайные декреты президента Гинденбурга, с целью осуществления любых экономических, политических и военных преобразований в стране. Данный подход нашел оппозицию не только в стане коммунистов, но и в лагере социал-демократов [\[6\]](#).

1 апреля 1930 года Брюнинг выступил в рейхстаге с программным заявлением, в котором содержались тезисы о независимости кабинета от разного рода коалиций и направленности правительства на решение насущных задач путем задействования всех конституционных средств. В качестве главной программной цели новое правительство избрало политику оздоровления финансовой сферы республики через проведение режима строжайшей экономии расходов, который, в первую очередь, негативно

сказывался на системе социального страхования трудящихся слоев населения. Программное выступление нашло свое отражение в статье «Декларация нового правительства в Германии. Программа голода и усиленной эксплуатации будет проводиться при помощи чрезвычайных мер и террора», где действующая власть была нелестно названа правительством «открытых фашистов, аграриев и капиталистов», а сам Брюнинг получил прозвище «канцлер голода». Далее в статье дается критическая оценка деятелей кабинета министров и решений о повышении пошлин и цен на пшеницу, рожь и мясо. Кроме того, отмечается, что члены нового правительства будут использовать новый закон о защите республики «...исключительно против коммунистов». Интересно, что в информационном блоке этого номера присутствует заметки «Поголовное обнищание» и «Меморандум предпринимателей», в которых отмечается рост обанкротившихся предприятий («1803 предприятия, т.е. на 169 больше, чем в феврале, на 66 проц. больше, чем в марте 1929 г.») и плачевное экономическое положение рабочих, доля детей которых в системе образования составляет всего лишь 2% в сравнении с детьми из других социальных групп («31 проц. детей помещиков, фабрикантов, офицеров, остальные из семей высших и средних служащих, буржуазии и проч.»). В свою очередь, предприниматели потребовали «...значительного сокращения расходов по страхованию от болезни». Помимо этого, они отклонили развитие страхования служащих и инвалидов, сославшись на выгодную экономию средств для государства в 500 млн. марок ^[7]. Все это указывает на то, что кабинет Брюнинга шёл против трудящихся слоев населения, что приводило к радикализации малообеспеченных граждан ^[8].

Несомненно, последствия не заставили себя долго ждать – на страницах «Правды» стали появляться новые критические заявления в адрес ситуации в Германии, что позитивно сказывалось на популяризации компартии Германии (далее КПГ; *Kommunistische Partei Deutschlands*, KPD). В качестве яркого примера, отражающего такие позиции, можно выделить заметки «Безработица растет» ^[9], «Кризис основных отраслей германской промышленности» ^[10], «Красные списки вперед» ^[11], «Выборы в фабзавкомы» ^[12]. Как отмечают авторы этих публикаций, ключевым фактором стало повышение налогов и сокращение пособий по безработице.

Рассматривая социально-экономические аспекты следует отметить, что одним из важных направлений политики правительства стал вопрос о военном бюджете, который продолжил курс социал-демократического правительства на развитие армии и вызвал возмущение со стороны КПГ. Подтверждение данным фактам находим в статьях: «Десятки тысяч германских рабочих накануне сокращения», «75 миллионов – на броненосец, 1 миллион – для голодных детей». Можно проследить две любопытные тенденции, отмеченные в газете «Правда»: 1) упомянутый выше рост безработицы на фоне кризиса и антисоциальных решений правительства; 2) радикализация коммунистов в преддверии первомайских демонстраций, что было отражено в заметках «На предприятиях создаются боевые первомайские комитеты» ^[13] и «Химики – за первомайскую стачку» ^[14], «Число участников «дня рабочей молодежи» втрое больше прошлогоднего» ^[15], что также свидетельствует о росте коммунистической борьбы в указанный период.

Критика правительства Брюнинга также обуславливалась изначально обозначенным антикоммунистическим фокусом власти, которая находила различные проявления на страницах «Правды». Именно с приходом к власти «фронтовиков» в советской прессе возрастает число заметок и статей о попытках подавить выступления членов КПГ. К

примеру, заметка в новостном номере «Правды» от 28 апреля сообщает о том, что «Всегерманское правительство предложило правительствам отдельных провинций усилить преследование революционных организаций», что вылилось в крупные аресты и акты конфискации коммунистического имущества (газета «Зексисхе Арбейтерцейтунг» (Дрезден), арест двух участников в Магдебурге, преследование участников дня молодежи в Дюссельдорфе (ссылка на нем. Газету «Фрейхейт»), обыск в Берлине помещения, где происходил рабочий митинг против запрета красных фронтовиков) [\[16\]](#). Помимо методов прямого воздействия «Правда» отмечает и более хитрые методы борьбы правительства с угрозой красного пламени. В статье «Социал-фашистские провокаторы пойманы с поличным» раскрывались факты шпионской деятельности со стороны контролируемой социал-демократами полиции в Боттропе, Мюнхстрере, Бохуме, Дортмунде, Дуйсбурге и Гельзенкирхене с целью подкупить должностных лиц и добыть сведения, которые «...должны послужить материалом для проведения запрещения компартии». Исходя из этого, можно понять, что против неугодных дпо отношению к политической конъюнктуре не боялись применять самые разные средства борьбы [\[17\]](#).

Подобные меры давления, по мнению советской прессы, лишь стимулировали рост красного движения. Это подтверждает статья «Берлин узнал силу масс, руководимых компартией. Глубокий интернационализм и любовь к СССР воодушевляли двухсоттысячную армию демонстрантов», где рассказывается о самой массовой за последние годы демонстрации рабочих, которая прошла несмотря на попытки полицейских помешать коммунистам. Таким образом, обостряющая в период Брюнинга социально-экономическая ситуация вместе с давлением на коммунистов служила топливом для коммунистов [\[18\]](#).

Далее на страницах «Правды» в контексте основных событий, связанных с рабочим движением, фигурируют эпизоды реакции рабочих на растущую безработицу в Германии и меры крупных промышленников в отношении рабочего класса, среди которых основными являются снижение зарплат, увеличение рабочего дня без увеличения зарплат, введение принудительных общественных работ для безработных, отправка безработных в пограничные области, отмена пособий для сезонников [\[19\]](#).

Подобное стечение обстоятельств приводит к череде массовых стачек в разных частях страны. В июне 1930 года с газетных страниц не сходили новости о стачечном движении металлистов Рура («Рурские металлисты готовятся к стачке 1 июля» [\[20\]](#), «Рур выходит на линию огня» [\[21\]](#), «Всеобщая стачка – боевой клич рурских пролетариев» [\[22\]](#)) и борьбе Мансфельдских рабочих. В статье «Стачка в Мансфельде» отмечается, что рабочие Мансфельда стали первыми германскими рабочими, которые перешли «...от оборонительной борьбы к контрнаступлению, продолжают стойко бастовать». Забастовкой было охвачено 60-70 тысяч человек [\[23\]](#).

Также в контексте реакции населения на антисоциальную политику правительства и развитие коммунистического движения следует отметить эпизод из статьи «Демонстрация инвалидов в Берлине». В ответ на обещания правительства снизить пособия по безработице интернациональный союз жертв борьбы, Межрабпом и Международная организация помощи борцам революции (МОПР) организовали демонстрацию инвалидов. «Правда» заявила, что полиция «...без всякого предупреждения напала на демонстрантов, пустив в ход дубинки и открыв стрельбу по толпе». В результате этого столкновения 12 человек были тяжело ранены [\[24\]](#).

Теперь в контексте характеристики экономической политики правительства, мы должны затронуть упомянутые ранее чрезвычайные декреты. Начиная с Брюнинга практика проталкивания собственной линии в обход общественного мнения становится нормой. Тотальная экономия и неготовность канцлера идти на переговоры с представителями различных политических сил приводит к тому, что он начинает проводить «политику чрезвычайных распоряжений», начиная с 16 июля 1930 года после выпуска декрета, который «...утверждал отклоненный парламентом проект бюджета» [\[3, с. 70\]](#). Это порождало постепенное разочарование в жизнеспособности демократического пути как среди политиков, так и среди населения, которое начинает склоняться в сторону более радикальных партий. Результатом такой политики стали сентябрьские выборы 1930 года, которые сделали партии НСДАП (107 мест) и КПГ (77 мест) самыми массовыми радикальными представителями в рейхстаге [\[3, с. 72\]](#). Эти выборы оказываются провальными для Брюнинга, так как он не смог достичь «консолидации правых сил в консервативный блок, который, положительно относясь к правительству, взял бы на себя «историческую линию спасения Германии» [\[3, с. 76\]](#). Национал-социалисты начинают приступать к активным действиям на политической арене. К Гитлеру приходит больше представителей власти и крупных промышленников. К примеру, в конце 1930 года Рейнско-Вестфальский угольный Синдикат активно начал оказывать экономическую помощь.

«Правда» отмечает, что «диктаторское правительство» Брюнинга усиливает давление на различные фракции. Так в статье «Правительство Брюнинга ликвидирует веймарскую конституцию» декларируется усиливающееся экономическое давление на рабочее население за счет программы 25 чрезвычайных законов. Также упоминается, что «Роте Фане» констатирует с этого момента смерть буржуазно-демократической республики. Теперь в стране наступает «обострение военной интервенционной опасности», признаки которой были проиллюстрированы в заметке «Рейхсвер приведен в боевую готовность» [\[25\]](#).

Одной из важных тем на страницах «Правды» в период Брюнинга также становится освещение усиления взаимодействия власти и национал-социалистов. Статья «Сотрудничество национал-фашистов с правительством Брюнинга» рассматривает факт того, что часть полиции находится под руководством национал-социалистов, сообщается о переговорах Брюнинга с нацистами о вступлении последних в коалиционное правительство. В этой же статье отмечается подготовительная деятельность боевых отрядов нацистов. При этом демонстрируется как социал-демократы используют свою полицейскую власть исключительно против компартии: «Социал-фашистская полиция запретила до 4 декабря выпуск коммунистической газеты «Классенкампф» [\[26\]](#). Возникает ситуация, в которой власть активно поддерживает национал-социалистов и подавляет коммунистов. Несмотря на активную военную подготовительную деятельность нацистов, складывается ощущение, что правительство и руководство рейхсвера намеренно не обращают на это внимание. Отнюдь, деятельность боевых отрядов была одним из явных явлений Веймарской республики и не могла быть незамеченной. Так статья «Германские фашисты готовят захват власти» говорится о планах национал-социалистов в области расширения связей со средним и высшим командным составом полиции и рейхсвера, а также переименовании боевых отрядов в специальные спортивные союзы и различного рода кружки [\[27\]](#).

Лето 1931 года ознаменовалось тяжелейшим финансовым кризисом, который привел к полному банкротству таких титанов банковской системы Германии как «Данат-банк» и

«Дрезднер-банк». «Теперь уже нельзя было отрицать, что страну постигла экономическая катастрофа». О тяжелом финансовом положении, а также о продолжающейся стратегии подавления компартии можно судить по июньским статьям «Правды» («В ряде городов голодающие безработные разгромили продовольственные склады» [\[28\]](#), «Против правительства голода и чрезвычайных декретов. Боевые демонстрации безработных в Берлине и рурской области» [\[29\]](#), «3170 дел революционных рабочих» [\[30\]](#), «Вербовочная кампания компартии в Саксонии» [\[31\]](#), «Солдаты становятся на сторону рабочих» [\[32\]](#), «Демонстрация малоземельных крестьян и батраков» [\[33\]](#), «Голодные выступления безработных в Германии» [\[34\]](#). Как мы можем видеть, ухудшение экономической ситуации, физическое насильственное противостояние с представителями национал-социалистов, является следствием не только внешнеполитических процессов, но и «диктаторской» экономической политики Брюнинга, которая выражалась в антисоциальных декретах о снижении пособий и пенсий и введении новых налогов [\[35\]](#). Тем не менее подобная экономическая ситуация только укрепляла веру представителей крупной промышленности в том, что необходимо увеличить влияние национал-социалистов во власти. Следствием этой уверенности стали попытки убедить Гинденбурга включить в состав кабинета Брюнинга нацистов [\[36, с. 142\]](#). Среди представителей армейского руководства и высшего руководства власти также находила отклик идея формирования нового национального правительства.

Осенью 1931 года положение Брюнинга ухудшалось. После роспуска «кабинета фронтовиков» по требованию Гинденбурга пришлось собрать консервативный состав нового правительства, которое не являлось столь правым. Однако это не сбило критики в адрес кабинета, характеризовавшегося в «Правде» как «диктатура «Центра», что осложнило сращивание нацистов и власти [\[3, с. 126\]](#). Тем не менее, процесс продолжался, социал-демократические и правительственные круги постепенно продолжает крепнуть в немецкой системе, а проложенные ранее векторы ведут «более решительную поддержку фашистского курса правительства Брюнинга» [\[37\]](#). Летом 1931 года «фон Шлейхер и его окружение твердо взяли курс на то, чтобы в необходимый момент осуществить сближение с НСДАП» [\[38, с. 113\]](#).

Уже к концу 1931 года «Правда» чаще освещает вопросы, связанные с политическим продвижением партии Гитлера во власти. В статье «Социал-фашисты проложили дорогу гитлеровцам» демонстрируется успех нацистов на муниципальных выборах в Биркенфельде. Рядом с этой публикацией размещена заметка «Тяжелая промышленность за правительство Брюнинг – Гитлер», судя по которой можно сделать вывод, что уже к концу 1931 года фигура лидера НСДАП в глазах советской прессы становилась все более и более значительной [\[39\]](#). Одним из явных итогов такого взаимодействия стали послабления, которые позволяли по приказу военного министра Тренера вступать активным членам НСДАП в рейхсвер [\[38, с. 115\]](#).

Окончание правления Брюнинга ознаменовалось тяжелыми последствиями для Германии. Покидая пост рейхсканцлера 29 мая 1932 года, он оставил Веймарскую республику в бедственном положении. «В 1932 г. уровень промышленного производства Германии сократился в два раза по сравнению с 1928 г.» [\[40, с. 87\]](#). Часто на страницах газеты «Правда» появлялись новости о разорении крупных заводов, банков и концернов. Создавалось впечатление, что Брюнинг почти ничего не делал для изменения ситуации в стране, игнорируя растущие обострения духовного кризиса общества. Это и привело к тому, что немецкая нация была деморализована [\[41, с. 238\]](#).

Существуют разные позиции, которые объясняют такое плачевное социально-экономическое и тревожное политическое положение в стране. Если верить заявлениям коммунистов, опираясь на «Правду», канцлер за счет своих чрезвычайных декретов, направленных на увеличение налогов и сокращение пособий, стремился накормить поддерживающих его правых аграриев. Однако же, даже они оказались им недовольны, так как считали, что «...не получали поддержки в условиях глубокого долгового кризиса, охватившего крупное остэльтбское землевладение». Финальным аккордом для Брюнинга стало разочарование Гинденбурга, которого разозлили его предложения провести национализацию разорившихся юнкерских поместий для передачи земли безземельным крестьянам [\[40, с. 88\]](#).

Существует также позиция, что подобная социально-экономическая политика ставила на первое место выход Германии из того репарационного бремени, которое на неё возложила Версальская система. Именно поэтому канцлер был готов мириться с нехваткой средств на социальную поддержку населения, так как это позволяло добиться устранения репараций.

Отставке Брюнинга посвящена статья «Отставка германского правительства. Темпы фашизации усиливаются», где были изложены дальнейшие изменения будущего правительства, направленные на фашизацию кабинета министров. Также отмечается, что уход Брюнинга был связан непосредственно с влиянием военных кругов, которые стремились «...еще больше повернуть направо руль немецкой политики». Помимо этого, газета констатирует влияние Шлейхера на политику Веймарской республики, предполагая его роль в качестве одного из руководителей будущего канцлера-ставленника [\[42\]](#).

Таким образом, неоднозначная и противоречивая стратегия кабинета Брюнинга, заключавшаяся, с одной стороны, в стремлении свернуть парламентаризм в Германии, ограничивая роль законодательной власти в принятии важнейших социально-экономических решений, а, с другой стороны, невозможность и нежелание в масштабах государства брать в полном объеме ответственность за проводимую политику, привела к новому политическому кризису в стране. Нестабильность и отсутствие социально-экономической и государственно-правовой перспективы приводили к все большей поляризации германского общества и склонению его в сторону праворадикальной партии национал-социалистов.

Рассматривая публикации в «Правде» о событиях в Германии, необходимо исходить из того, что этот центральный печатный орган ЦК ВКП (б) отражал взгляды военно-политического руководства Советского Союза на возможные варианты расширения социализма. Германия в этой стратегии рассматривалась как наиболее подходящий кандидат, так как именно в этой стране коммунистическая партия пользовалась доверием у пролетариата и реально влияла на рабочее движение. Кроме того, необходимо отметить, что публикации газеты ориентировались на уровень образованности советских людей на тот момент времени. Поэтому материалы «Правды» в большинстве своем не отличались аналитикой, а лишь передавали события в контексте политической пропаганды и взглядов советского руководства. Так же события преподносились односторонне, с точки зрения классовой борьбы, и, зачастую, в уничижительной и иронической манере относительно других слоев населения Германии, кроме рабочего класса. Особенно ярко это проявлялось в отношении правительства и парламента Веймарской республики.

Библиография

1. Григорьева О. И. Эволюция образа Германии в советской пропаганде: контент-анализ материалов газеты "Правда" (январь 1933-июнь 1941 г.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 61. С. 92-97.
2. Патрушев А.И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М.: изд-во Моск. ун-та, 2009. 432 с.
3. Ерин М.Е. Генрих Брюнинг. Канцлер и политик: Биография. ЯрГУ. Ярославль, 2010. 319 с.
4. Правительственный кризис в Германии // Правда. 1930. 29 марта.
5. Друг фашистов и католических прелатов. «Вельт ам Абенд» о Будущем германском премьерере // Правда. 1930. 29 марта.
6. Правительство «48§» выступает перед рейхстагом // Правда. 1930. 2 апреля.
7. Декларация нового правительства в Германии. Программа голода и усиленной эксплуатации будет проводиться при помощи чрезвычайных мер и террора // Правда. 1930. 3 апреля.
8. Сотни миллионов германским помещикам за счет трудящихся // Правда. 1930. 7 апреля.
9. Безработица растет // Правда. 1930. 10 апреля.
10. Кризис основных отраслей германской промышленности // Правда. 1930. 4 апреля.
11. Красные списки вперед // Правда. 1930. 5 апреля.
12. Выборы в фабзавкомы // Правда. 1930. 14 апреля.
13. Десятки тысяч германских рабочих накануне сокращения // Правда. 1930. 16 апреля.
14. Химики – за первомайскую стачку // Правда. 1930. 17 апреля.
15. Число участников «дня рабочей молодежи» втрое больше прошлогоднего // Правда. 1930. 21 апреля.
16. Волна арестов в Германии // Правда. 1930. 28 апреля.
17. Социал-фашистские провокаторы пойманы с поличным // Правда. 1930. 3 июня.
18. Берлин узнал силу масс, руководимых компартией. Глубокий интернационализм и любовь к СССР воодушевляли двухсоттысячную армию демонстрантов // Правда. 1930. 4 мая.
19. Безработица в Германии // Правда. 1930. 10 мая.
20. Рурские металлисты готовятся к стачке 1 июля // Правда. 3 июня 1930.
21. Рур выходит на линию огня // Правда. 1930. 13 июня.
22. Всеобщая стачка – боевой клич рурских пролетариев // Правда. 1930. 18 июня.
23. Стачка в Мансфельде // Правда. 1930. 5 июня.
24. Демонстрация инвалидов в Берлине // Правда. 1930. 7 июня.
25. Рейхсвер приведен в боевую готовность // Правда. 1930. 3 декабря.
26. Сотрудничество национал-фашистов с правительством Брюнинга // Правда. 1930. 24 декабря.
27. Германские фашисты готовят захват власти // Правда. 1930. 16 декабря.
28. В ряде городов голодающие безработные разгромили продовольственные склады // Правда. 1931. 1 июня.
29. Против правительства голода и чрезвычайных декретов. Боевые демонстрации безработных в Берлине и Рурской области // Правда. 1931. 5 июня.
30. 3170 дел революционных рабочих // Правда. 1931. 5 июня.
31. Вербовочная кампания компартии в Саксонии // Правда. 1931. 5 июня.
32. Солдаты становятся на сторону рабочих // Правда. 1931. 5 июня.
33. Демонстрация малоземельных крестьян и батраков // Правда. 1931. 5 июня.
34. Голодные выступления безработных в Германии // Правда. 1931. 7 июня.

35. Новый диктаторский декрет в Германии. Снижение пособий по безработице и пенсий, сокращение зарплаты, ряд новых налогов // Правда. 1931. 7 июня.
36. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 336 с.
37. Кризис капитализма и кризис социал-демократии // Правда. 1931. 7 июня.
38. Галкин А.А. Германский фашизм. 2-е изд. М.: Наука. 1989. 352 с.
39. Тяжелая промышленность за правительство Брюнинг – Гитлер // Правда. 1931. 1 декабря.
40. Шульце Х. Краткая история Германии / Пер. с нем. Москва: Издательство «Весь Мир». 2004. 256 с.
41. Дорпален А. Германия на заре фашизма /Пер. с англ. ЛА. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф. 2008. 479 с.
42. Отставка германского правительства. Темпы фашизации усиливаются // Правда. 1932. 31 мая.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История Германии прошедшего столетия невероятно противоречива: это и две мировые войны, фактически инициируемая Берлином, и две попытки строительства демократии, и бурное развитие экономики «локомотива Европы» в 1960-1970-е гг. Период Веймарской республики, к слову, соединил в себе и ростки демократии, и стремление к реваншу милитаристских сил, которое в итоге привело к становлению нацистской диктатуры. Противоречивыми были и советско-германские отношения в 1920-е гг., которые прошли путь от сотрудничества «двух изгоев» до фазы нарастания разногласий. В этой связи любопытным является восприятие советским обществом Веймарской республики, в том числе и официальная позиция руководства Советского Союза.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является социально-экономическая политика правительства Г. Брюнинга в освещении советской газеты «Правда». Автор ставит своими задачами проанализировать восприятие деятельности Г. Брюнинга немецкими политическими силами, рассмотреть характер освещения «Правдой» социально-экономической политики его кабинета в 1930-1932 гг.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе материалов газеты «Правда» стремится охарактеризовать официальную позицию советского руководства по отношению к правительству Г. Брюнинга.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 40 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена публикациями газеты «Правда». Из используемых исследований укажем на труды М.Е. Ерина и А.И. Патрушева, в центре внимания которых находятся различные аспекты биографии Г.

Брюнинга, а также ставший классическим труд А.А. Галкина, рассматривающий историю немецкого фашизма. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как Веймарской республикой, в целом, так и ее восприятием в СССР, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что с самого начала советская печать согласилась с оценкой немецкой коммунистической газеты «Роте Фане» о том, что «власть Брюнинга – начало новой угрозы для демократии и пролетариата». Вообще на страницах «Правды» в период Брюнинга важной темой становится усиление взаимодействия власти и национал-социалистов. Автор обращает внимание на то, что «неоднозначная и противоречивая политика кабинета Брюнинга, заключающаяся, с одной стороны в стремлении свернуть парламентаризм в Германии, ограничивая роль законодательной власти в принятии важнейших социально-экономических решений, а, с другой стороны, невозможность и нежелание в масштабах государства брать в полном объеме ответственность за проводимую политику, привела к новому политическому кризису в стране».

Главным выводом статьи является то, что «публикации «Правды», отражая события в Германии в этот период, носили в большей степени тенденциозный характер пролетарской борьбы и не отличались аналитикой».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории Европы и Америки, так и в различных спецкурсах.

В то же время к статье есть замечания:

1) Следует вычитать текст с точки зрения русского литературного языка. Так, у автора значится: «Это время, в которое немецкое общество претерпело колоссальные перемены – Германия отказалась от демократии, встав на путь тоталитаризма, диктуемого партийной линией Национал-социалистической рабочей партии (НСДАП) и их антисемитскими воззрениями. Однако даже так, начиная с конца 1920-х годов, советско-германские отношения начинают существенно ухудшаться по причине усиления борьбы с коммунистическим движением, а также с постепенной фашизацией немецкого общества», «Одной из важных тем на страницах правды в период Брюнинга также становится усиление взаимодействия власти и национал-социалистов», «Подводя итог по историческому периоду, необходимо обратиться к окончанию правительства Брюнинга», «В этой связи именно рабочее движение во главе с коммунистами являлось, по мнению авторов публикации, единственным сдерживающим фактором и силой».

2) 30 сноска в библиографии отображается следующим образом: «дел революционных рабочих // Правда. 1931. 5 июня».

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Социально-экономическая политика правительства Брюнинга (29 марта 1930 – 30 мая 1932 гг.) в освещении советской газеты «Правда»»

Предмет исследования – социально-экономическая политика правительства Брюнинга (29 марта 1930 – 30 мая 1932 гг.) на страницах газеты «Правда».

Методология исследования. Работа базируется на принципах научности, системности и историзма. В работе автор использовал историко-генетический, историко-системный и историко-сравнительный методы.

Актуальность. История Веймарской республики до настоящего времени привлекает внимание историков и остается одной из интересных тем. Автор отмечает, что в период Веймарской республики «немецкое общество претерпело колоссальные перемены – Германия отказалась от демократии, встав на путь тоталитаризма», претерпели изменения отношения с СССР и с конца 1920-х годов они стали ухудшаться по причине усиления в Германии «борьбы с коммунистическим движением, а также с постепенной фашизацией немецкого общества». В отечественной историографии канцлерство Генриха Брюнинга рассматривалось как этап для прихода нацистов к власти в Германии. Советская газета «Правда» была основным средством массовой информации и действовала «как главный «механизм официальной советской пропаганды» и выражала непосредственную позицию советского руководства к происходящим в немецком обществе процессам» и потому изучение статей в этой газете, посвященной исследуемой теме является актуальной задачей. Актуальность темы определяется также тем, что в современной Германии

Научная новизна Научная новизна диссертации обусловлена постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна исследования также заключается в том, что деятельность правительства Брюнинга впервые исследуется на анализе статей из газеты «Правда» и это позволяет выявить изменение отношения между нашей страной и Германией в исследуемый период и показать влияние на этот процесс действий кабинета Брюнинга и событий в Германии.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный с элементами описательности. Язык ясный и четкий. Структура работы нацелена на достижение цели статьи и ее задач. В начале статьи автор раскрывает актуальность исследования и подчеркивает, что «изучение периода правления канцлера Генриха Брюнинга, который заложил основу для разрушения демократического строя республики и обострения социального кризиса, затрагивавшего, в первую очередь, представителей рабочего коммунистического движения» является крайне важным. Далее дается характеристика кабинета министров правительства Брюнинга, прозванного «кабинет фронтовиков», т.к. в него входили шесть участников Первой мировой войны, награжденные высокими наградами за доблесть и храбрость, автор отмечает, как было воспринято в Германии приход на пост рейх канцлера Брюнинга, отношение к нему рейх президента Гинденбурга. В газете «Правда» власть Брюнинга было оценено как «начало угрозы для демократии и пролетариата» Советская печать опиралась на оценку немецкой коммунистической газеты «Роте Фане». Автор показывает, как в газете «Правда» характеризовались действия Брюнера и события в Германии с конца марта 1931 до конца марта 1932 года». В это период, отмечает автор, в советской печати критике подвергалась антикоммунистическая политика правительства Брюнера, экономические, политические и военные преобразования, чрезвычайные законы (их было 25), усиления взаимодействия власти и национал-социалистов, с конца 1931 года в газете «Правда»

появляется больше статей, в которых освещаются вопросы, связанные с политическим продвижением партии Гитлера во власти. В заключении статьи автор делает обоснованные выводы о последствиях политики кабинета Брюнинга, которая была противоречивой, т.к. она была направлена на «ограничение роли законодательной власти в принятии важнейших социально-экономических решений», с одной стороны, а с другой, «нежелание в масштабах государства брать в полном объеме ответственность за проводимую политику» привели к политическому кризису и «поляризации германского общества и склонению его в сторону праворадикальной партии национал-социалистов». Характеризуя публикации в газете «Правда», социально-экономическую политику кабинета Брюмера, автор приходит к выводу, что «Правда», как «центральный печатный орган ЦК ВКП (б) отражал взгляды военно-политического руководства Советского Союза на возможные варианты расширения социализма. Германия в этой стратегии рассматривалась как наиболее подходящий кандидат, так как именно в этой стране коммунистическая партия пользовалась доверием у пролетариата и реально влияла на рабочее движение... публикации газеты ориентировались на уровень образованности советских людей на тот момент времени ... материалы «Правды» в большинстве своем не отличались аналитикой, а лишь передавали события в контексте политической пропаганды и взглядов советского руководства. ... события преподносились односторонне, с точки зрения классовой борьбы».

Библиография статьи разнопланова в ней представлены 42 источника: в том числе 7 работ российских и зарубежных исследователей по истории Германии, немецкому фашизму. Следует отметить две работы российских исследователей по теме исследования: книга Ерина М.Е. о канцлере Генрихе Брюнинге и статья Григорьевой О. И. об эволюции образа Германии в советской пропаганде по материалам в газеты «Правда». 35 источника в библиографии – это статьи по теме из газеты «Правда». Библиография показывает, что автор в теме прекрасно разбирается и данной библиографии достаточно для раскрытия исследуемой темы и задач исследования.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранного в ходе работы над темой статьи информации, проведенного анализа и библиографии работы.

Выводы, интерес читательской аудитории. . Статья будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Буяров Д.В. Система социального кредита в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая // Genesis: исторические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.4.70522 EDN: SZZNJH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70522

Система социального кредита в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая

Буяров Дмитрий Владимирович

ORCID: 0000-0002-8337-6817

кандидат философских наук

доцент, кафедра всеобщей истории, философии и культурологии, Благовещенский государственный педагогический университет

675000, Россия, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104, каб. 456

✉ buyarov_d@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.4.70522

EDN:

SZZNJH

Дата направления статьи в редакцию:

21-04-2024

Аннотация: Предметом данного исследования является система социального кредита, введенная в Китайской Народной Республике в 2000-е гг. Объектом исследования, выступает китайское население и в частности представители национальных меньшинств, населяющих Синьцзян. Автор рассматривает систему социального контроля в исторической ретроспективе, поскольку ее проявления находили отражение в истории Китая, с древности и по сей день. В середине 2000-х гг. эта система была «реанимирована» в новых условиях и новом виде и стала активно использоваться для всестороннего контроля за широкими слоями китайского общества. Новые реалии информационного общества потребовали и новых подходов со стороны государства. Цель исследования заключается в анализе социально-экономической политики центрального правительства КНР для понимания причин, механизмов и значения системы социального рейтинга. В ходе исследования применялись общеисторические методы, в том числе историко-генетический – для понимания предпосылок введения

изучаемой системы, социально-психологический – для конструирования модели общественного мнения по отношению к системе социального кредита и другие. Материалами для исследования послужили научные работы китайских и западных ученых, законодательные акты и новостные публикации. Основными выводами проведенного исследования являются следующие положения. Первоначально введение системы социального кредита было обусловлено стремлением центрального правительства повысить уровень порядка в сфере предпринимательства. Несколько позже система стала использоваться для тотального контроля за широкими слоями населения и доказала свою эффективность в таком проблемном регионе как Синьцзян-Уйгурский автономный район. Отношение к системе социального кредита в КНР неоднозначное: основная масса лояльно настроенных к правительству ханьцев (этнических китайцев) приняло эту модель. В то же время представители национальных меньшинств, в том числе часть уйгуров воспринимают ее как систему притеснений. Данная система базируется на принципах тотального контроля населения, использовании гибридного интеллекта и применения социального рейтинга, как системы поощрения и наказания. Система социального кредита, реализуемая в Китае, является интересной моделью регулирования социально-экономических отношений на современном этапе развития общества.

Ключевые слова:

система социального кредита, социальный рейтинг, Китай, Си Цзиньпин, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Синьцзян, ханьцы, национальные меньшинства, система поощрений, рейтинговые баллы

На протяжении тысячелетий население в Китае подлежало контролю со стороны государства. Как отмечал Сыма Цянь еще в IV в. до н.э. народ был разделен на группы по 5 и 10 семей для наблюдения друг за другом и коллективной ответственности. В XI в. появился термин «баоцзя», означавший систему административно-полицейской организации крестьянских дворов в единицы «бао» – стодворки и «цзя» – тысяchedворки.

После образования КНР в стране стала внедряться система «даньвэй» в форме территориальных рабочих ячеек. Решение большинства вопросов трудящихся было связано с даньвэй (оказание медицинской помощи, обеспечение жильем, товарами и продуктами питания и др.). При этом даньвэй контролировали рабочих, поскольку перемещения в другие населенные пункты, брак и рождение детей также должны были быть одобрены руководством рабочих ячеек. работники, не соблюдавшие парила могли быть уволены с работы, лишены льгот и оказаться на улице [\[1\]](#).

Также в КНР существовали две системы для сбора информации о гражданах. Во-первых, «данган» – которая фиксировала трудовые и общественные отношения, сочетая в себе личное дело и характеристику гражданина. Во-вторых, – «хукоу» – включавшая информацию о домашнем хозяйстве и родственниках. В хукоу фиксировались имя, дата и место рождения, населенный пункт проживания, родители, супруги, дети, браки и разводы [\[14\]](#). В то время они были в печатной форме, на сегодняшний день в электронной.

Новые реалии информационного общества потребовали и новых подходов со стороны государства. Система социального кредита задумывалась в условиях рыночных реформ и впервые её идея была сформулирована в 1999 г., когда тогдашний Премьер

Государственного совета КНР Чжу Жунцзи стремился облегчить иностранным фирмам получение информации о своих китайских партнерах [\[17\]](#). Первоначально система планировалась для коммерческого, а не государственного сектора. Поскольку Китай перешел от плановой экономики к рыночной, ему потребовалась система социального кредита для регулирования контрафактной продукции и мошенничества на рынке. Это должно было помочь переходу Китая к кредитной экономике, где безналичные инструменты, такие как кредитные карты, будут иметь важное значение. Однако в 2012 году было решено распространить эту систему также на социальную и политическую сферы.

В течение многих лет после того, как эта система была упомянута на 16-м съезде КПК в 2002 году как часть усилий партии по созданию «единой, открытой, конкурентоспособной и упорядоченной современной рыночной системы», она обсуждалась в официальных документах только в контексте рыночных реформ [\[12\]](#). В 2007 г. на Межминистерской конференции по построению системы социального кредита, состоящая в основном из государственных органов, отвечающих за развитие, торговлю и налогообложение кредитные, налоговые и контрактные отчеты были предложены в качестве потенциальных элементов социального кредитного статуса [\[5\]](#).

Эта относительно ничем не примечательная инициатива экономических нововведений в 2014 г. превратилась в проект цифровой реформы, охватывающий все общество, с объявлением Плана построения системы социального кредитования («План 2014 года»). Согласно документу, система должна функционировать как общенациональный механизм стимулирования, собирая информацию о социальных кредитах от каждого человека и предприятия, чтобы вознаграждать за «сохранение доверия» и наказывать за «поведение, нарушающее доверие» [\[6\]](#). Хотя первоначальная цель снижения транзакционных издержек на рынке не изменилась, масштабы системы, как указано в Плане 2014 г., больше не ограничиваются экономикой. Целью проекта также стало продвижение «культуры честности и искренности» во всех слоях общества, включая правительство, судебную систему, частные предприятия и общественные организации [\[5\]](#). В 2014 г. для эксперимента было выбрано 12 городов, характеризующихся хорошим уровнем экономического развития, среди них были Нанкин, Вэйхай, Сучжоу, Ханчжоу и др.

Также эту систему стали реализовывать в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, который был выбран по причине этнической нестабильности. После крупного теракта в Урумчи в мае 2014 г. Си Цзиньпин озвучил ассимиляционный подход к этнической политике. При этом одним из главных инструментов была объявлена растущая зависимость населения от высокотехнологического надзора. Дело в том, что еще с 2010 г. в СУАР стали массово устанавливать камеры наблюдения. С назначением новым председателем партии СУАР Чэнь Цюаньго в 2016 г. стала внедряться полицейская система «управления в стиле сетки», которая сегментировала городские кварталы на геометрические зоны. Их охрана осуществляется «удобными» полицейскими участками, подключенными к камерам видеонаблюдения (CCTV) и полицейским базам данных, что обеспечивает более широкие возможности наблюдения. В Синьцзяне Чэнь Цюаньго интегрировал этот механизм с системами видеонаблюдения, уже установленными в регионе, в результате чего возникла многоуровневая полицейская система, основанная на экспоненциальном наборе контрактных полицейских для укомплектования «удобных» полицейских участков. В дальнейшем стали устанавливать GPS-трекеры в автомобилях, использовать сканеры распознавания лиц на контрольно-пропускных пунктах и крупных

общественных объектах, а также устанавливать приложения, которые удаляют со смартфонов «подрывные» материалы.

К 2017 г. в Межминистерскую конференцию вошли представители широкого круга правительственных ведомств, в том числе Центрального управления пропаганды, Министерства культуры и туризма и Национального бюро статистики [24]. В Плане 2014 г. было изложено несколько особенностей, которые отличают его от предыдущей политики реформ. Во-первых, это раскрытие в Интернете личности наказанных и поощренных лиц. Когда человек совершает действия, нарушающие доверие, имя и код социального кредита человека опубликовываются в черном списке вместе с подробностями о деянии и последующих юридических санкциях; тоже осуществляется и в отношении позитивных действий [8]. Эти так называемые «черные» и «красные» списки доступны для публичного поиска. Во-вторых, система действует по принципу совместного наказания и вознаграждения; как только обнаружено, что человек совершил запрещенное действие, он сталкивается с ограничениями на широкий спектр действий, прямо или косвенно связанных с таким поведением. Например, неисполнение решения суда может привести к ограничениям не только на заявки на государственные субсидии или определенные профессиональные лицензии, но также на продажу активов, ведение бизнеса, использование транспорта и потребление предметов роскоши [23]. Раскрытие личности в Интернете и совместный механизм стимулирования вместе направлены на то, чтобы помешать лицам, нарушающим правила, остаться незамеченными и избежать последствий.

В настоящее время система спроектирована так, чтобы функционировать как основанная на данных платформа публичного порицания и интерактивной пропаганды. Согласно китайской судебной традиции, суд часто объявляет приговор преступнику в общественном месте, символически утверждая контроль партии над общественными местами и одновременно информируя граждан о цене нарушения закона [20]. Система социального рейтинга переносит эту модель в онлайн-пространство, раскрывая личности людей, подробности их поведения и последующие наказания. Система также функционирует как пропагандистский канал, пронизывающий как онлайн, так и офлайн мир. Раньше, даже если правительство публично осуждало человека в газетах или на кинопоказах, эти заявления часто оставались незамеченными людьми, которые не использовали эти средства массовой информации [3]. Люди из «черного» и «красного» списка способствуют распространению идей правительства, выступая в качестве наглядных моделей, с которых другие могут брать пример. Понятия «черные» и «красные» списки стали официальными в китайских документах и прессе [25].

Реакция на данную систему, в Китае в целом, в значительной степени сдержанная. Частично эта реакция носит культурный характер, поскольку китайское представление о конфиденциальности отличается от западной политической и правовой мысли. Традиционная конфуцианская философия ценит мораль выше уважения к правам личности как руководящий принцип межличностных отношений и управления обществом [10]. Поскольку концептуальный барьер между каждым человеком не ясен, конфиденциальность традиционно означала семейную близость или постыдные секреты. Китайское законодательство, за исключением конкретных положений, таких как защита от незаконного обыска или задержания, обычно трактует право на неприкосновенность частной жизни главным образом как право на сохранение своей репутации от оскорблений и клеветы [21]. Кроме того, помогает то, что китайцам не чужды произвольные и расширенные формы слежки. И в сравнении с «данган» система

социального рейтинга не воспринимается такой уж неприемлемой. В Синьцзян-уйгурском автономном районе подобная система контроля вызывает безусловно большее недовольство, но этническим меньшинствам приходится с этим мириться.

Наблюдение и сбор различных данных ведется по всей стране. В Синьцзяне, где проживает уйгурское мусульманское меньшинство, правительство собирает широкий спектр информации о гражданах, включая, помимо прочего, образцы ДНК, сканирование радужной оболочки глаз, образцы голоса. Приложения, установленные на телефонах, фиксируют сообщения и записи о власти, с целью поиска «потенциальных преступников». Чиновники СУАР обязаны реагировать на предполагаемое «ненормальное» поведение. По сути, детальный мониторинг передвижения граждан и социальных отношений облегчает произвольное и бессрочное содержание представителей национальных меньшинств в центрах переобучения (лагерях политического перевоспитания). От СУАР в состав Межминистерской конференции вошли представители Синьцзянского производственно-строительного комплекса.

Система социального кредита также является мерой дисциплинарного воздействия на членов КПК и привлечения их к ответственности за бюрократические нарушения, начиная от потери и кражи важных документов и заканчивая фальсификацией официальной статистики [4]. В Китае преодоление бюрократических препятствий является самой большой проблемой для бизнеса [16]. Более того, коррупция в регулирующих органах стала причиной крупнейших скандалов в области общественного здравоохранения и безопасности в стране [11].

Руководство партии давно осознало необходимость реформирования административной системы. Сильно децентрализованный механизм разработки и реализации политики, в котором центральное правительство объявляет широко определенные цели, а региональные правительства экспериментируют с детальными политическими мерами, стимулирует продуктивную конкуренцию между чиновниками из разных провинций, но также затрудняет центральному правительству мониторинг и контроль реализации местной политики [8]. Воспользовавшись этой информационной асимметрией, местные чиновники в ряде случаев сопротивляются и искажают указания центрального правительства и ставят на первое место свои интересы.

Устранение административных дисфункций и злоупотреблений требует прозрачности и подотчетности внутри партийной организации, но слишком многие заинтересованы в сохранении организационных сложностей и неофициальной традиции обмена услугами, которыми они могут воспользоваться [8]. Система социального рейтинга помогает решать эту дилемму, упрощая административные процедуры, позволяя при этом партийному руководству сохранять контроль над национальной политикой.

Фактически, с 1990-х годов партийное руководство проявляло значительный энтузиазм по поводу потенциала информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) для повышения прозрачности правительства без подрыва его власти [16]. В этом контексте в Плане 2014 г. говорится, что успешное управление делами правительства является ключевым моментом в обеспечении искренности в остальной части общества, и содержится призыв к совершенствованию сбора и оценки данных для «повышения доверия к функциям правительства» [6].

В течение многих лет руководство КПК рассматривало консолидацию своей структуры управления данными как политический приоритет. В 2014 г. Си Цзиньпин лично

возглавил Центральную группу по кибербезопасности и информатизации для разработки руководящих принципов политики, координируемых Государственным советом [9]. Закон о национальной разведке 2017 г. требует от компаний сотрудничать с правительством [19]. Закон о кибербезопасности, принятый в 2017 г., охватывает широкий спектр вопросов, включая цифровую экономику, безопасность, данные, шифрование, управление контентом и инфраструктуру [18]. Незадолго до 19-го съезда партии в 2017 г. ранее не разглашавшаяся Администрация киберпространства Китая опубликовала статью, в которой разъяснялась стратегия Китая по превращению в «кибер-сверхдержаву» [13]. Признавая, что киберпространство стало новой областью глобальной конкуренции, в статье предполагается, что китайская практика управления Интернетом станет будущей «международной моделью».

Также на изменение отношения к понятию «защита конфиденциальности» повлияла и пандемия. Технологии обработки данных вносят свой вклад в глобальную реакцию на вспышку коронавируса (COVID-19). В Китае дроны летали по кварталам, чтобы следить за пешеходами без масок; в городах гражданам приходилось сканировать свои QR-коды, чтобы войти в общественные места или воспользоваться общественным транспортом.

С января 2021 г. в КНР был принят новый гражданский кодекс, официально узаконивший систему социального рейтинга в отношении физических лиц. Правительственные учреждения и частные компании собирают огромные объемы данных о финансах человека, деятельности в социальных сетях, кредитной истории, медицинской документации, онлайн-покупках, налоговых платежах, юридических вопросах и людях, с которыми он общается. Все это дополняется изображениями, полученными с камер наблюдения с программным обеспечением для распознавания лиц. Первоначально разработкой программного обеспечения для системы занимались такие организации как «Ant Financial Services Group» и «Tencent», позже лидером стала «Alipay» со своей системой «Sesame Credit» [2]. Для сбора информации активно используются мессенджеры: «WeChat» и «TencentQQ», а также социальная сеть «Qzone».

Рейтинги определяются Национальной комиссией развития и реформ, Народным банком Китая и китайской судебной системой. Правонарушения, связанные с социальным кредитом, варьируются от неуплаты индивидуальных налогов или штрафов до употребления наркотиков. Другие нарушения включают использование просроченных билетов, курение в поезде или выгуливание собаки без поводка. Слишком большие и длительные траты на видеоигры и распространение фейковых новостей также могут сыграть против отдельных людей. В Синьцзяне баллы могут сниматься за частое посещение мечетей или частые звонки за границу.

С другой стороны, добрые дела, такие как пожертвования на благотворительность и волонтерская деятельность, добавляют баллы к кредитному рейтингу. Граждане с высоким социальным рейтингом получают доступ к определенным благам, таким как: меньшие процентные ставки по кредитам, приоритет при приеме на работу в государственные учреждения; квоты при получении социального жилья, различного рода скидки и льготы и др.

Если у человека низкий рейтинг социального кредита, он не сможет купить то, что хочет, например, высококачественные товары или новый дом. Таким гражданам также могут запретить покупать авиабилеты и билеты на поезд или снимать квартиру. Некоторые люди с низкими показателями социального кредита могут быть заблокированы на сайтах знакомств и не смогут записать своих детей в школу по своему выбору или поступить в

университет. Они также наказываются запретом на работу в государственных учреждениях; им могут отказать в социальном обеспечении; применить особо тщательный досмотр на таможне; на них распространяется запрет на занятие руководящих должностей в пищевой и фармацевтической промышленности; отказ в люксовых гостиничных номерах и ресторанах. По последней статистике, в блок-лист, ограничивающий авиаперелеты включено 27 млн человек, а в блок-листе, ограничивающем доступ к скоростным поездам – 6 млн человек.

В настоящее время большинство китайских граждан положительно относятся к действующим коммерческим системам социального кредитования. Опрос граждан показывает, что 80% респондентов в некоторой степени или полностью одобряют системы социального кредита. Они воспринимают изменения как более эффективный и действенный способ поощрения хорошего поведения и защиты от мошенничества и плохого бизнеса.

Китайская корпоративная система социального кредита первоначально задумывалась как механизм оценки надежности субъектов предпринимательской деятельности [22]. И как показывают итоги ее десятилетнего функционирования – она справляется с этой задачей. Система социального кредита опирается на действующую правовую систему, которая несмотря на строгость и ориентацию на традиционные ценности – оправдывает свое существование. Но на сегодняшний день ее назначение шире. Система социального кредита позволяет контролировать поведение рядовых граждан в различных сферах жизни общества. И это подтверждается некоторым снижением уровня экстремизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где система социального кредита работает в превентивном векторе.

Система социального кредита включает в себя такие принципы как гибридный интеллект, централизм в сочетании с модульностью, социальный рейтинг и тиражирование данной системы в мире. Кроме того, поскольку понятие конфиденциальности само по себе сконструировано обществом, то, что считается конфиденциальной личной информацией, со временем будет меняться.

Библиография

1. Графов Д. Б. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания // Власть. 2020. №2. С. 250-259.
2. Ларина Е., Овчинский В. Китайская система социального кредита: традиции и технологии. 05.09.2019 // Сайт С.П. Курдюмова. URL: <http://https://spkurdyumov.ru/biology/kitajskaya-sistema-socialnogo-kredita-tradicii-i-texnologii/> (дата обращения: 17.04.2024).
3. Ahmed S. The Messy Truth About Social Credit // Logic Magazine. May 1, 2019. URL: <https://www.logicmag.io/china/the-messy-truth-about-social-credit/> (дата обращения: 17.04.2024).
4. Chen Wei. A Forensic Examination of China's National Accounts // Brookings Papers on Economic Activity. March 7-8, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/03/bpea-2019-forensic-analysis-china.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).
5. Chorzempa M. China's Social Credit System: A Mark of Progress or a Threat to Privacy? // Peterson Institute for International Economics. 2018. URL: <https://www.piie.com/system/files/documents/pb18-14.pdf> (дата обращения: 17.02.2023).
6. Creemers R. Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014-2020) // China Copyright and Media. April 25, 2015. URL:

<https://www.chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/>. (дата обращения: 17.04.2024).

7. Engelmann S. et al. Clear Sanctions, Vague Rewards // *Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency – FAT*. 2019. URL:

https://www.researchgate.net/publication/330272009_Clear_Sanctions_Vague_Rewards_How_China's_Social_Credit_System_Currently_Defines_Good_and_Bad_Behavior (дата обращения: 1.04.2024).

8. Fewsmith J., Xiang Gao. Local Governance in China: Incentives & Tensions // *Journal of the American Academy of Arts & Sciences*. 2014. № 2. Pp. 170-183.

9. Gierow H.J. Cyber Security in China: New Political Leadership Focuses on Boosting National Security // *China Monitor*. 2014. № 20. Pp. 2-4.

10. Huang P.C. Morality and Law in China, Past and Present // *Modern China*. 2015. № 41 (1). Pp. 3-39.

11. Huang Yasheng. Democratize or Die: Why China's Communists Face Reform or Revolution // *Foreign Affairs*. 2013. URL: www.foreignaffairs.com/articles/china/2012-12-03/democratize-or-die (дата обращения: 1.04.2024).

12. Jiang Zemin. Report at 16th Party Congress on Nov 8, 2002 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of China. URL:

https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/3698_665962/t18872.shtml (дата обращения: 10.04.2024).

13. Kania E. et al. China's Strategic Thinking on Building Power in Cyberspace // *New America*. September 25, 2017. URL: <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/blog/chinas-strategic-thinking-building-power-cyberspace/>. (дата обращения: 10.04.2024).

14. Kroeber A.R. *China's Economy: What Everyone Needs to Know?* N.Y.: Oxford University Press, 2016. 324 p.

15. Ma Lianjie et al. E-Government in China: Bringing Economic Development through Administrative Reform // *Government Information Quarterly*. 2005. № 22. Pp. 20-37.

16. Qing Koh Gui. U.S. firms frustrated by Chinese red tape // *Reuters*. March 22, 2011. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-usa-business/u-s-firms-frustrated-by-chinese-red-tape-idUSTRE72L1J420110322> (дата обращения: 17.04.2024).

17. Raphael R., Ling Xi. Discipline and Punish: The Birth of China's Social-Credit System // *The Nation*. 2019. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/china-social-credit-system/> (дата обращения: 17.04.2024).

18. Sacks S. China's Emerging Cyber Governance System // *Center for Strategic and International Studies*. URL: <https://www.csis.org/chinas-emerging-cyber-governance-system> (дата обращения: 17.04.2024).

19. Tanner M. S. Beijing's New National Intelligence Law: From Defense to Offense // *Lawfare*. July 20, 2017. URL: <https://www.lawfareblog.com/beijings-new-national-intelligence-law-defense-offense> (дата обращения: 17.02.2024).

20. Trevaskes S. Public Sentencing Rallies in China: The Symbolizing of Punishment and Justice in a Socialist State // *Crime, Law & Social Change*. 2003. № 39(4). Pp. 359-382.

21. Yang Jie. The Politics of the Dangan: Spectralization, Spatialization, and Neoliberal Governmentality in China // *Anthropological Quarterly*. 2011. № 84(2). Pp. 507-533.

22. Yuhsin L., Milhaupt C. China's Corporate Social Credit System: The Dawn of Surveillance State Capitalism? // *The China Quarterly*. 2023. Vol. 256. Pp. 835-853.

23. 中华人民共和国中央人民政府. 中共中央办公厅 国务院办公厅印发《关于加快推进失信被执行人信用监督、警示和惩戒机制建设的意见》. September 25, 2016. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2016-09/25/content_5111921.htm (дата обращения: 17.02.2024).

24. 新华财经. 国务院社会信用体系建设部际联席会议简介. December 8, 2017. URL:

<http://credit.xinhua08.com/a/20171208/1739791.shtml>. (дата обращения: 17.03.2024).

25. 关于做好《关于加强和规范守信联合激励和失信联合惩戒对象名单管理工作的指导意见》贯彻落实工作的通知. 2018. URL:

https://www.creditchina.gov.cn/zhengcefagui/zhengcefagui/zhongyangzhengcefagui1/201803/t20180312_110465.html (дата обращения: 10.04.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Многочисленные перемены, охватившие цивилизованный мир в начале XXI в., коренным образом меняют не только социально-политические программы ведущих государств мира, но и повседневную жизнь граждан. Пандемия ковида, объявленная Всемирной организацией здравоохранения в марте 2020 г., привела, например, к многочисленным ограничениям как на макро-, так и на микро-уровнях. А ведь система запретов и поощрений отнюдь не нова: так, например, в КНР еще с 2014 г. с целью построения «гармоничного общества» развивается система социального кредита. Существуют различные противоречивые оценки данной системы, в связи с чем представляется интересным обратиться к изучению механизмов внедрения системы социального кредита в КНР на региональном уровне.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является система социального кредита в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Автор ставит своими задачами показать причины внедрения китайская корпоративная система социального кредита, а также определить последствия ее внедрения.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать механизм внедрения системы социального кредита в КНР.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 25 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском и китайском языках. Источниковая база статьи представлена прежде всего интернет-сайтами, на которых представлена информация о системе социального кредита в КНР. Из привлекаемых автором исследований отметим труды Д.Б. Графова, Р. Кримерса, М. Таннера, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения различных аспектов системы социального кредита в КНР. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как китайским обществом, в целом, так и китайской системой социального кредита, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что в Синьцзян-Уйгурском автономном районе внедрение социального кредита было обусловлено ростом деятельности радикальных групп. В работе показано, что «в Синьцзяне, где проживает уйгурское мусульманское меньшинство, правительство собирает широкий спектр информации о гражданах, включая, помимо прочего, образцы ДНК, сканирование радужной оболочки глаз, образцы голоса». Автор обращает внимание на то, что «китайское представление о конфиденциальности отличается от западной политической и правовой мысли», в связи с чем отношение граждан к КНР к внедряемой системе сдержанное. Говоря о принципах начисления баллов по социальному кредиту, автор показывает, что «в Синьцзяне баллы могут сниматься за частое посещение мечетей или частые звонки за границу».

Главным выводом статьи является то, что «система социального кредита позволяет контролировать поведение рядовых граждан в различных сферах жизни общества», ее практичность показана «некоторым снижением уровня экстремизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так в рамках изучения феномена социального кредита в КНР.

К статье есть отдельные замечания: так, автор говорит в общем об отношении граждан КНР к системе социального кредита, но было бы интересно узнать мнение жителей Синьцзяна.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Англоязычные метаданные

Production and sale of handicraft toys by Russian Zemstvos**Ugryumova Mariya Viktorovna**

PhD in History

Associate Professor; Department of Documentation, History of State and Law; TRTU MREA

119331, Russia, Moscow, Moscow, Kravchenko str., 8, sq. 322

✉ mugruymova@mail.ru**Fomenko Marina Viktorovna**

PhD in Philosophy

Moscow, Pogonny, 11, sq. 63

107150, Russia, Moscow, Moscow, Pogonny ave., 11, sq. 63

✉ maryform@mail.ru

Abstract. The activities of the zemstvo self-government bodies to support handicrafts occupied a special place in many territories of pre-revolutionary Russia. Through the creation of workshops for the production of handicrafts, special schools, creative associations, museums and connections with individual handicrafts, the zemstvo productively established the production of artisanal domestic toys. Individual zemstvos were actively engaged in advertising the toy, its sale both domestically and abroad through regional, Russian and European exhibitions. The organization of sales outlets and a specialized Moscow store, coordination of packaging and shipment of individual toys or their batches were also included in the scope of activity of the zemstvos. The subject of this study is the activity of Russian zemstvos in organizing the production and sale of handicraft toys in the second half of the XIX – early XX centuries. The main methodological foundations of this research are the principles of scientific objectivity, consistency and historicism. The center, of course, is the method of searching for archival documents, and a retrospective method of studying the activities of individual zemstvos in organizing training in the art of creating toys, its production and sale on domestic and foreign sites. During the research, the author discovered, analyzed and for the first time introduced into scientific circulation documents containing data on the organization of production and sale of handicraft toys by the zemstvo authorities, which were deposited in the fund of the Moscow Provincial Zemstvo (both in the cases of structural divisions of the zemstvo, the Handicraft Museum, and in individual cases of the county zemstvos of the Moscow province) and are stored in The Central State Historical Archive of Moscow (TSGIA of Moscow), various reports and indexes of handicraft, industrial and art exhibitions. Of course, the main centers of the appearance of handicraft toys, in the production and marketing of which the zemstvo participated, were the Moscow province with handicrafts from Sergiev Posad and S. Bogorodsky, Nizhny Novgorod, Vyatka, Tambov, Perm and Kazan provinces.

Keywords: the zemstvo authorities, zemstvo worker, Bartram, workshop, artists and craftsmen, artisans, exhibition, handicraft museum, an artisanal toy, zemstvo

References (transliterated)

1. Oleinik N.N., Nevlev V.V. Istoricheskaya korrelyatsiya kustarnoi promyshlennosti i

- kustarno-promyslovoi kooperatsii v poreformennoi Rossii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. 2023. T. 9. № 4. S. 90-98.
2. Zotova E.Ya. Liteinye masterskie podmoskovnoi derevni Antsiferovo: istoriya i sovremennost' // Kompleksnaya arkhografiya Moskovskogo universiteta: sbornik nauchnykh statei. Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. Moskva, 2023. S. 687-698.
 3. Mikhailova T.B., Ustinenko V.V. Ural'skaya kustarnaya mebel' kak fenomen kul'turnogo naslediya // Dialogi o zashchite kul'turnykh tsennostei. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg, 2023. S. 407-410.
 4. Domarenko E.V. Ponyatiinyi apparat narodnykh khudozhestvennykh remesel i promyslov kak otrazhenie kul'turnoi real'nosti russkogo naroda // Obrazovanie i obshchestvo. 2022. № 4 (135). S. 66-74.
 5. Evdokimov I. Russkaya igrushka. M.: Gos. izd-vo, 1925. 36 s.
 6. Kartashova M.V. Sistema funktsionirovaniya kustarnykh promyslov nakanune Pervoi mirovoi voiny // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachesvskogo, 2020. №2. S. 27-33.
 7. Kashaeva Yu.A. Permskoe zemstvo i razvitie kustarnykh promyslov v 1880-kh-1914 godakh // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo. 2010. № 3. S. 94-104.
 8. Grigorova V.A., Perepelitsyn A.V. K voprosu ob uchastii zemstv v organizatsii sbyta kustarnykh izdelii v Rossii v pervoi chetverti XX veka // Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. № 3 (300). S. 99-103.
 9. Korepanova S.A. Uchebnye (pedagogicheskie) otdely na promyshlennykh vystavkakh XIX v. // Istoriko-pedagogicheskie chteniya. 2004. № 8. S. 92-97.
 10. Lachaeva M.Yu. Vserossiiskaya khudozhestvenno-promyshlennaya vystavka v Nizhnem Novgorode 1896 goda // Otechestvennaya istoriya. № 5. 1996. S. 169-180.
 11. Chushkin A. Reznaya igrushka iz dereva / Pod red. N. Bartram M.: 1-ya Obraztsovaya tip.; Leningrad: Gos. izd-vo, 1927. 64 s.
 12. Gorozhanina S.V. K istorii khudozhestvennykh masterskikh Moskovskogo gubernskogo zemstva v Sergievom Posade (1891–1917 gg.) // Moskovskii gosudarstvennyi dom Burganova. Prostranstvo kul'tury. M., 2009. №2. S. 132-143.
 13. Egorov, V.G. Kustarnye promysly nechernozemnoi derevni vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. (na materialakh Moskovskoi gubernii). M.: In-t diaspori i integratsii (In-t stran SNG), 2011. 446 s.
 14. Kataeva E.A. Istoriya russkoi promyshlennoi igrushki XIX-XX vv. M.: MAKS Press, 2005. 81 s.
 15. Kremyanskii S.E. Igrushechnyi promysel v Sergievom Posade v Dmitrovskom uезде Moskovskoi gubernii. Po dannym issledovaniya 1912–1913 gg. M., 1916. 47 s.
 16. Slastnikov S.I. Obzor deyatel'nosti zemstv po kustarnoi promyshlennosti. SPb., 1913. T. 1. 204 s.
 17. Tseretelli N. Russkaya krest'yanskaya igrushka. M.: Academia, 1933. 261 s.
 18. Igrushka, ee istoriya i znachenie / Pod red. N.D. Bartram. M.: I.D. Sytin, 1912. 246 s.

Sociodemographic Characteristics of the Iranian Revolutionary Community in Syria and Lebanon in the 1970s.

Vishnyakova Irina Andreevna

Postgraduate student, Department of History of the Middle East Countries, St Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, nab. University, 7-9

✉ iranvishnyakova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the comprehensive sociodemographic analysis of the local community of Iranian Islamists acting in Syria and Lebanon in the decade preceding the Islamic revolution of 1978-79. Thus far, history of everyday life and the multitudinous activities of the Iranian Islamic opposition in Syria and Lebanon in the 1970s has never become the principal subject of a historic research and has barely received attention from Western specialists in the history of the Islamic Revolution and modern Middle Eastern history, as well as from Iranian historians, scholars and researchers working in the field of the modern history of Iran. However, for a more comprehensive understanding of the Islamic Revolution, revolutionary processes and their logical premises and outcomes, it is highly necessary to carefully consider the sociodemographic characteristics of the active representatives of the Iranian opposition movement in the pre-revolutionary period namely in the 1970s. Throughout the comparative historical analysis of the reliable memories of longtime supporters of the Iranian Islamic movement acting in Syria and Lebanon, the fundamental sociodemographic characteristics of the active members of Iranian revolutionary movement abroad (e.g. gender, age, birthplace and place of living, educational and religious background, social marital status, etc.) are thoroughly highlighted, properly described and analyzed and their sociodemographic portrait is carefully created. The received sociohistorical data may properly serve as a valuable source on the social history of the Iranian society in the pre-revolutionary period, as well as on the complex history of Iranian revolutionary movement and the modern history of the Middle East region.

Keywords: Syria, Sociodemographic analysis, Palestine, The 20th Century, Islamic movement, Modern history, Middle East, Lebanon, Islamic Revolution, Iran

References (transliterated)

1. Chehabi H.E. The Anti-Shah Opposition and Lebanon // Distant Relations: Iran and Lebanon in the Last 500 Years / ed. H.E. Chehabi. The Center of Lebanese Studies, Oxford, 2006. P. 162-198.
2. Samii A.W. The Shah's Lebanon Policy: The Role of SAVAK // Middle Eastern Studies. 1997. Vol. 33. No. 1. P. 66-91.
3. Abrahamian E. Iran Between Two Revolutions. Princeton University Press, 1982.
4. Aliev S.M. Istoriya Irana. XX vek. M., 2004.
5. Iranskaya revolyutsiya 1978-1979 gg.: Prichiny i uroki / otv. red. A.Z. Arabadzhyan. M., 1989.
6. Dzhammalifard A. Dzhariānshenāsi-ie hamkārān-e mobārezāti-ie shahid mohammad-e montazeri [K voprosu o tovarishchakh Mokhammada Montazeri] // Shāhed-e iārān. 2009. №48. S. 77-85.
7. Fakhrzade S. Khāterāt-e ali-ie dzhannati [Vospominaniya Ali Dzhannati] / Sost. S. Fakhrzade. Tegeran: Markaz-e asnād-e engelāb-e eslāmi, 2014.
8. Iezdi I. Iādnāme-ie shahid-e bozorgvār doktor mostafā chamrān [Kniga pamyati velikogo muchenika doktora Mostafy Chamrana] / red. i sost. I. Iezdi. Tegeran: Ġalam,

2004.

9. Iezdi I. Shast sāl-e saburi va shokuri: Khāterāt-e doktor ebrāhim-e iazdi. [Shest'desyat let terpelivosti i blagodarnosti. Vospominaniya doktora Ibrakhima Iezdi]. T. 2. Tegeran: Kavir, 2015.
10. Farsi Dzh. Zavāiā-ie tārik [Potaennye ugolki]. Tegeran: Khadis, 1994.
11. Shafii A. Parvāz bā nur: Khāterāt va mobārezāt (Do revāiat az zendegi-ie khānom-e marziie-ie hadidchi dabbāg) [Polet v luchakh sveta: Vospominaniya i bor'ba (Dve povesti o zhizni gospozhi Marziie Khakhidchi Dabbag)] / sost. A. Shafii. Tegeran: Orudzh, 2006.
12. Gorodnitskii R.A. Boevaya organizatsiya partii sotsialistov-revolutsionerov v 1901-1911 gg. M., 1998.
13. Kalinchuk S.V. Psikhologicheskii faktor v deyatelnosti «Zemli i voli» 1870-kh gg. // Voprosy istorii. 1999. № 3. S. 46-58.
14. Morozov K.N. Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1907-1917 gg. M., 1998.
15. Abrahamian E. Radical Islam. The Iranian Mojahedin. London: I.B. Tauris, 1989.
16. Arabadzhyan Z.A. Sdvigi v sotsial'no-klassovoi strukture iranskogo obshchestva v kanun revolyutsii // Iranskaya revolyutsiya 1978-1979 gg.: Prichiny i uroki / otv. red. A.Z. Arabadzhyan. M.: Nauka, 1989. S. 6-15.
17. Yurtaev V.I. Uchastie studenchestva v obshchestvennom dvizhenie v 60–70-e gody // Iranskaya revolyutsiya 1978-1979 gg.: Prichiny i uroki / Otv. red. A.Z. Arabadzhyan. M.: Nauka, 1989. S. 46-55.
18. Seifpur V. Osture-ie tanhā: Nimnegāh-i be kāmāme-ie mobārezāti-ie shahid seied 'ali-ie andarzgu [Vzglyad na boevoe proshloe seiida Ali Andarzgu] // Shāhed-e iārān. 2007. №24. S. 3.
19. Karimi M. Ahl-e doniā va daradzhe va magām nabud. Bāzkhāni-ie mobārezāt-e khastegināpazir-e shahid hādzh davud karimi dar goftogu bā mohammad-e karimi barādar-e shahid [On ne byl privyazan k material'nym tsennostyam. Eshche raz o neustannoï bor'be khadzhi Davuda Karimi v interv'yu s ego bratom Mokhammadom Karimi] // Shāhed-e iārān. 2016. №130. S. 75-77.
20. Shirazi F. Engelābi-ie ārām va shodzhā': Negāh-i be zendegi-ie sardār-e rashid-e eslām shahid mohammad-e borudzherdi [Spokoinyi i smelyi revolyutsioner. Vzglyad na zhizn' smelogo polkovodtsa islama shakhida Mokhammada Borudzherdi] // Shāhed-e iārān. 2011. №67. S. 3.

Reflection of sacred symbols in folklore and dance culture of Chechens

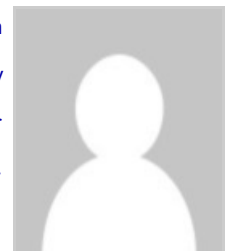
Iliasov Lecha Makhmudovich

PhD in Philology

Independent researcher

117335, Russia, Mbscow, ul. Trade Union, 42, office 4

✉ lechailiasov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of sacred symbols represented in the petroglyphs of Chechnya and widely used in the material culture of the local population of the ancient and late medieval era: in the decoration of metal products, the ornament of carpets and ceramics. The author believes that sacred symbolism is reflected in spiritual culture. The

circle, the cross, the spiral and other sacred symbols have been embodied in a variety of forms in oral folk art, dance culture, ritual traditions, the Nart epic, thereby defining the stylistic features of the culture of the North Caucasus. Sacred meanings are imprinted not only in the images of dancing anthropomorphic figures on the walls of residential and combat towers, but also the pattern of their movements and gestures repeats the outlines of ancient symbols, thereby testifying to the ritual nature of the origin of folk dance and many genres of oral folk art. The methodological basis of the research is a set of general historical, ethnographic and archaeological research methods, the use of which is determined by the nature of the material being studied. Thus, the internal space and structure of the phenomena of spiritual culture correspond to the forms of the main sacred symbols that existed in the culture of the peoples of the region in ancient times, thereby creating a special style of North Caucasian culture, which is characterized by inner sacredness. The reflection of mythological plots and symbols in petroglyphs and bronze plastics of the Koban culture of late Bronze and early iron testifies to the deep antiquity of folk dance and many genres of oral folk art of the population of the North Caucasus and speaks about the close intertwining of the phenomena of material and spiritual culture in that period, about the sacredness of being in its representations. Ritualism penetrates into all spheres of life (labor, funeral rite, wedding ceremony), protecting the ancient man from all bad things.

Keywords: ritual of making rain, myth, folklore, petroglyphs of architectural structures, medieval folk architecture, sacred symbols, totem, Koban archaeological culture, North Caucasus, dance culture

References (transliterated)

1. Miller V.F. Terskaya oblast'. Materialy po arkheologii Kavkaza. M., 1888. Vyp.1. S. 1-42.
2. Islamov A.A. K voprosu o srednevekovykh pogrebal'nykh sooruzheniyakh v verkhov'yakh reki Chanti-Arguna // Izvestiya Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, yazyka i literatury pri Sovete ministrov Checheno-Ingushskoi ASSR. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1965. T. VI. Vyp.1. S. 128-154.
3. Magomadov I.D. Petroglify obshchestva Sharoi // III Krupnovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Grozny, 1973. S. 12-13.
4. Kobychiev V.P. Yazyk est' nem // Sovetskaya etnografiya. 1973. №4 (iyul' – avgust). S. 149-159.
5. Markovin V.I. K metodike izucheniya smyslovogo sodержaniya srednevekovykh petroglifov Severnogo Kavkaza // Metodika issledovaniya i interpretatsiya arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza. Ordzhonikidze, 1988. S. 102-123.
6. Smirnova G.R. Kobanskii analogii nekotorykh petroglifov Checheno-Ingushetii // Arkheologiya i voprosy etnicheskoi istorii Severnogo Kavkaza. Grozny, 1979. S. 131-135.
7. Kozenkova V.I. Spetsifika dukhovnogo mira kobanskikh plemen. M., 2017. 114 s.
8. Malinovskii B. Magiya, nauka i religiya. M.: Akademicheskii proekt, 2024. 330 s.
9. Bradley Richard. Mixed media, mixed religious transmission in Bronze Age Scandinavia // Picturing the Bronze Age. Oxford: Oxbow books, 2015. pp. 37-46.
10. Skazki i legendy ingushei i chechentsev. M.: Nauka, 1983. 384 s.
11. Il'yasov, L.M. Teni vechnosti. Chechentsy: material'naya kul'tura, istoriya, dukhovnye traditsii. M.: IEA RAN, 2021. 456 s.
12. Dalgat B.K. Pervobytnaya religiya chechentsev // Terskii sbornik. Vladikavkaz, 1893.

Vyp.VIII. 132 s.

13. Khasiev S.A. Kalendarnyi god u vainakhov // Novoe v antropologicheskikh i antropologicheskikh issledovaniyakh. Itogi polevykh rabot Instituta etnografii AN SSSR v 1972 g. Ch. 1. M., 1974. S. 197-205.
14. Kozenkova, V.I. Kobanskaya kul'tura. Vostochnyi variant. M.: Nauka, 1977. 87 s.
15. Skoglund Peter. Cosmology and Performance: narrative perspectives on Scandinavian rock art // Changing Pictures. Rock Art Traditions and Visions in Northern Europe. Oxford and Oakvill: Oxbow Books. 2010 (pp. 127-138).
16. Chursin G. Ocherki po etnologii Kavkaza //Kavkaz. Kul'ty. Legendy. Predaniya. Nal'chik: izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2010. S. 203-245.
17. Semenov L.P. Arkheologicheskie i etnograficheskie razyskaniya v Ingushetii v 1925-1932 gg. Grozni: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1963. 160 s.
18. Marchenko Yu. V., Kotin M.A. Novyi pamyatnik kobanskoi kul'tury u sela Verkhonii Kurkuzhin Kabardino-Balkarskoi Respubliki // Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazei Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskie chteniya». Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Karachaevesk, 22-29 aprelya 2018 g. Karachaevesk, 2018. S. 227-229.
19. Khasiev S.A. O nekotorykh drevnikh oberegakh (k voprosu o perezhitkakh pervobytnykh kul'tov u vainakhov) // Arkheologo-etnograficheskii sbornik. Grozni: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1969. Tom 3. S. 183-193.
20. Khalaeva K.D. Kul't volka u predkov chechentsev i ingushei, i ego izzhivanie // Arkheologiya i voprosy ateizma. Grozni, 1977. S. 51-53.

The revival of traditional culture as an element of the national security policy of the Central Asian countries in the 1991-2010's.

Katagoshchina Marya Vsevolodovna

PhD in History

Leading analyst of the Russian Academy of Education, Senior researcher at the Institute of Eurasian and Interregional Studies of the Russian State University for the Humanities

119121, Russia, Mbscow region, Mbscow, Pogodinskaya str., 8

✉ marya.katagoshina@yandex.ru

Panaev Nikita Sergeevich

Graduate student at the Institute of Eurasian and Interregional Studies of the Russian State University for the Humanities

125047, Russia, Mbscow region, Mbscow, Muskaya square, 6, building 5

✉ nicksivan@icloud.com

Abstract. The subject of the study is the formation of one of the ideological components of national security policy in the countries of the Central Asian region (CAR) - the concept of preserving historical, cultural and religious traditions as the basis of social stability and security. The authors focus on the process of incorporating this concept into the theory and practice of ensuring the national security of the CAR countries at different historical stages of their development after 1991. The objects of the research are scientific theories and legal acts reflecting the relationship between culture and security in the Central Asian states, official

statements and writings of the first President of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev, and other political leaders of Central Asia. The article touches upon the problems of countering radical religious movements and other ideological influences from outside by the CAR states, and shows the controversial nature of the measures taken in this area by the authorities of Kyrgyzstan and Turkmenistan. Methodologically, the research is based on a civilizational approach to understanding the historical process, as well as on the idea of the influence of geopolitical trends on the internal life of countries and peoples of the modern world, including the Central Asian region. The work is based on the principles of historicism and consistency, using chronological, synchronous, dichronous, comparative and other methods of historical research. The novelty of the study lies in the generalization of data revealing the role of traditional values in the security systems of the CAR countries. The results of the work include a set of facts and theoretical provisions on the evolution of the security ideology of the CAR countries and can be used in scientific projects in the field of universal history and political science. The authors conclude that the revival of traditional culture and the local version of Islam (Hanafism) in the 1991-2010's were consistently considered by the leaders of the CAR countries as one of the most important factors in strengthening the state, its independence and international authority. This line was carried out most fully and consistently in Kazakhstan and Uzbekistan, which was reflected in the development programs, legislation, scientific and journalistic literature of these countries. There is a tendency in Kazakhstan to integrate cultural policy based on traditional civilizational values with national security policy.

Keywords: non-governmental organizations, traditional culture, civilizational values, Halafism, Islamization, public safety, national security, modern history, history of post-Soviet states, Central Asian region

References (transliterated)

1. Rodachin V.M. Gibridnye voyny i obespechenie natsional'noi bezopasnosti Rossii // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2019. T. 9, № 4(40). S. 93-99.
2. Kostina A.V. Kul'tura v sisteme natsional'noi bezopasnosti sovremennoi Rossii: k ideyam akademika N. N. Moiseeva // II Moiseevskie chteniya: kul'tura kak faktor n bezopasnosti Rossii. Moskva, 26 iyunya 2019 g. / Pod red. A. V. Kostinoi, V. A. Lukova. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo humanitarnogo universiteta, 2019. C. 9-18.
3. Saprykin V.A. Kul'tura – fundament natsional'noi bezopasnosti Rossii // Obozrevatel' – Observer. 1997. № 7 (90). C. 45-55.
4. Koshkin R.P. Vliyanie kul'tury, obrazovaniya i vospitaniya na natsional'nuyu bezopasnost' // Strategicheskie priority. 2016. № 4. S. 19-26.
5. Kostina, A. V. Obespechenie natsional'noi bezopasnosti kak osnovnaya funktsiya kul'tury // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2015. – № 3. – S. 109-119.
6. Vlasova N.V., Petrenko D.A. Transformatsiya sovremennoi identichnosti v sotsiokul'turnom izmerenii: Evropa i Rossiya // Studia Culturae. 2020. № 45. S. 35-50.
7. Belyaeva L.A. Tsivilizatsionnaya identichnost' naseleniya v sovremennoi Rossii: poisk issledovatel'skikh instrumentov // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. – 2023. – T. 23, № 4. – S. 754-769.
8. Balich N. L., Mukha V. N. The ethnic identity in the social identity structure of the residents of Belarus and Russia // Asian Social Science. 2015. Vol. 11, No. 3. P. 327-334.
9. Pan Ch. V., Posadskii S. V. Tsivilizatsionnye strategii Rossii i Kitaya kak otvet na vyzovy odnopol'yarnoi globalizatsii // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. 2020. № 4-1(28). S.

204-208.

10. Menshchikov V. V. Evraziistvo v kontekste natsional'noi i tsivilizatsionnoi identichnosti Rossii // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2006. № 7. S. 69-72.
11. Lyu Ts. Tsivilizatsionnaya identichnost' Rossii: evraziiskaya ideya // Kul'tura i tsivilizatsiya. 2023. T. 13, № 1-2-1. S. 195-201.
12. Kharitonova, E. V. Problemy tsivilizatsionnoi identichnosti Rossii v istoricheskoi retrospektive: vyzovy vremeni i poiski otvetov // Zven'ya: Istoricheskii al'manakh. 2016. № 1(18). S. 82-112.
13. Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra / ruk. proekta i otv. red. L.M. Drobizheva. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2013. 485 s.
14. Ionov I. N. Imperskie, tsivilizatsionnye i formatsionnye obrazy Rossii XIX-XXI vv.: pamyat' i identichnost' v imperskoi Rossii // Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti: kollektivnaya monografiya. – Moskva: Akvilon, 2020. S. 37-71.
15. Pivovarov E. I. Evraziiskii integratsionnyi projekt na postsovetском prostranstve: 1991-2015 (predposylki, stanovlenie, razvitie) / 2-e izd. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Aleteiya, 2017. 719 s.
16. Integratsionnye i dezintegratsionnye protsessy na prostranstve SNG. Sodruzhestvo kak faktor stabil'nosti i ustoichivogo razvitiya / E. I. Pivovarov, A.V. Gushchin, E.A. Kosovan [i dr.] // Integratsionnye protsessy na prostranstve SNG: itogi i perspektivy 30 let razvitiya. Moskva: Aleteiya, 2022. S. 5-77.
17. Naumov A. O. «Myagkaya sila», «tsvetnye revolyutsii» i tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale KhKhI veka. M. Argamak-Media, 2016. 274 s.
18. Komleva V.V. Mezhdunarodnye NKO na territorii stran Tsentral'noi Azii // Obozrevatel'. – 2021. – № 12 (383). – S. 5-18.
19. Oktyabr'skaya I.V., Alymkulova S.K., Nazarov I.I., Samushkina E.V. Kyrgyzskaya Respublika: kontseptsiya, strategii i praktiki sokhraneniya natsional'nogo kul'turnogo naslediya // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2022. T. 50, № 2. S. 128-139.
20. Nazarbaev N.A. V potoke istorii. Almaty: Atamura, 1999. 292 s.
21. Nazarbaev N. A. Sem' granei Velikoi stepi // Kazakhstanskaya pravda. – 21 dekabrya 2018 g. – S. 1.
22. Gumilev L.N. Drevnyaya Rus' i kipchakskaya step' v 945-1225 gg. // Problemy izucheniya i okhrany pamyatnikov kul'tury Kazakhstana. Alma-Ata, 1980. S. 38-71.
23. Gumilev L.N. 1380 zhyly dunige kelgen... [Istoriya: god rozhdeniya 1380... Per. na kazakh. yaz.] // Zhuldyz. Alma-Ata, 1980. № 9.
24. Sokovkin V. Slovo o velikoi stepi // Sovetskaya Kirgiziya. 1971. 9 yanvarya.
25. Nazarbaev N. A. Ideinaya konsolidatsiya obshchestva kak uslovie progressa Kazakhstana. Almaty: FPI «Kazakhstan XXI vek», 1993. 32 s.
26. Akmalov Sh. O nekotorykh aspektakh religioznoi situatsii v stranakh Tsentral'noi Azii: doklad uchastnikov Mezhdunarodnoi konferentsii «Mir i religiya v Tsentral'noi Azii». 12 noyabrya 2014 g. [Elektronnyi resurs] // Gosudarstvennaya komissiya po delam religii Kyrgyzskoi Respubliki. URL: <http://religion.gov.kg/ru/post/26> (Data obrashcheniya: 28.03.2024)
27. Khoperskaya L.L. Resursy neotraditsionalizma v konstitutsionno-pravovykh protsessakh

- v Kirgizskoi Respublike // Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik. 2023. № 2. S. 60-67.
28. Zhunushova S. O. Religioznaya kul'tura molodezhi Kyrgyzstana kak faktor obespecheniya natsional'noi bezopasnosti // Alatau Academic Studies. 2020. № 3. S. 298-307.
29. Sharipova K.S. Natsional'naya bezopasnost' Respubliki Tadzhikistan v kontekste regional'nykh i mezhdunarodnykh vyzovov: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. Dushanbe, 2017. 250 s.
30. Karimov I.A. Uzbekistan: natsional'naya nezavisimost', ekonomika, politika, ideologiya // Sobr. soch. Kn.1. Tashkent: Uzbekistan. S. 77-78.
31. Karimov I.A. Vysokaya dukhovnost'-nepobedimaya sila. Tashkent: Uzbekistan, 2008. 98 c.
32. Ernazarov D. Rol' i znachenie dukhovnoi bezopasnosti v kontekste natsional'noi bezopasnosti Respubliki Uzbekistan // Gumanitarnoe znanie i dukhovnaya bezopasnost': sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoi nauchno-issledovatel'skoi konferentsii (g. Groznyi, 10-11 dekabrya 2021 g.) – Makhachkala: ALEF, 2021. S. 251.
33. Erkaev A. Dukhovnost' – energiya nezavisimosti. Tashkent: Ma'naviyat, 2001. 273 s.

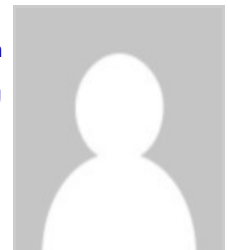
The foreign policy of the United States of America towards Iran in the period from 1953 to 1974.

Gurin Grigorii Gennad'evich

Postgraduate student, MCU

129226, Russia, Moscow, Moscow, 2nd agricultural ave., 4, room 1

✉ dmx836@gmail.com

Abstract. The article examines the foreign policy of the United States of America in the Greater Middle East region, which acquired strategic importance after the end of World War II and the beginning of the Cold War with the Soviet Union. The subject of the study is the American-Iranian relations of 1953-1974, within the framework of which the Iranian Shah Mohammad Reza Pahlavi consistently built cooperation with D. Eisenhower, J. Kennedy, L. Johnson and R. Nikson. Despite the fact that their approaches to the implementation of American foreign policy in the Greater Middle East underwent significant changes, the desire to maintain influence in the country, consolidate control over cheap Iranian energy resources and prevent the return of Soviet influence on Iran remained the main directions of American activity. The methodological basis of the research is based on the principles of historicism, objectivity and consistency. The following methods were used in the work: historical-comparative, historical-typological and historical-systemic methods. The reviewed diplomatic documents of the United States of America "Foreign Relations of the United States" allow us to establish that the influence of the oil factor on American-Iranian relations in 1953-1974 remained high, despite changes in the approaches of the presidents to the implementation of foreign policy in the region. The return of Iranian oil to the global market allowed Shah Mohammad Reza Pahlavi to initiate the start of the "white revolution", supported by the United States, among others. Huge oil revenues allowed Iran in a short time not only to realize its claims in the region, but also to become an important ally of the United States, responsible for regional security during the presidency of R. Nixon. The work illustrates the changing role of the United States of America and Iran in the Greater Middle East, due, among other things, to the influence of the oil factor.

Keywords: oil factor, Mohammad Reza Pahlavi, oil, foreign policy, Nixon, Johnson, Kennedy, Eisenhower, Iran, USA

References (transliterated)

1. Exchange of Messages Between the President and Prime Minister Mossadegh on the Oil Situation and the Problem of Aid to Iran. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/exchange-messages-between-the-president-and-prime-minister-mossadegh-the-oil-situation-and> (data obrashcheniya: 25.03.2024). – Tekst : elektronnyi.
2. Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Volume XXII, Iran – Office of the Historian. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v22/d1> (data obrashcheniya: 04.03.2024). – Tekst : elektronnyi.
3. Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Volume XXII, Iran – Office of the Historian. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v22/d1> (data obrashcheniya: 04.03.2024). – Tekst : elektronnyi.
4. Aliev S.M. Istoriya Irana. XX vek / Aliev Salekh Mamedogly; Ros. akad. nauk. In-t vostokovedeniya. – M.: In-t vostokovedeniya RAN: Kraft+, 2004. 644 c.
5. Arabadzhyan A.Z. Iran. Izmenenie v otraslevoi strukture ekonomiki v 60-70-kh godakh: K probleme lomki kolonial'noi struktury ekonomiki / otv. Red. L.I. Reisner. Izd. 2-e, stereotip. – M.: LENALEND, 2021. 310 s.
6. Bolotov G.B. Institutsional'naya evolyutsiya mirovogo neftyanogo rynka // Geologiya i poleznye iskopaemye Zapadnogo Urala. – 2022. – № 5(42). – S. 110-116. – EDN XPJLDT.
7. Gromov. A. B. Iran. Ot Kira Velikogo do ayatolly Khomeini. M.: ООО «Sandra», 2022. 536 s.
8. Doroshenko E.A. Shiitskoe dukhovenstvo v dvukh revolyutsiyakh: 1905-1911 i 1978-1979 gg. – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 1998. – 240 s.
9. Ergin D. Dobycha: Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast'. Per. s angl. M.: Al'pina Publisher, 2022. 944 s.
10. Zhukov S., Reznikova O. Iran na mirovom rynke nefti. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2019, t. 63, № 11, ss. 26-37.
11. Il'ina Yu. Razvedyvatel'nye i spetsial'nye sluzhby Irana // Zashchita i bezopasnost'. – 2016. – № 1(76). – S. 36-40. – EDN WGWRRF.
12. Iskandaryan G.M. Instrumentarii vliyaniya SShA v Irane v 1950–1960-e gg. // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 23, No 1. S. 116–129. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-116-129>
13. Istoriya Irana [Tekst] / [Kand. ist. nauk E.A. Grantovskii, d-r ist. nauk M.A. Dandamaev, kand. ist. nauk G.A. Koshelenko i dr. ; Otv. red. prof. M.S. Ivanov]. – Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1977. – 488 s.
14. Kissindzher G. Mirovoi poryadok / Genri Kissindzher; [per. s angl. V. Zhelninova, A. Milyukova]. – Moskva : Izdatel'stvo AST, 2023. S. 216.
15. Klyuchneva I.N. Genezis mirovogo rynka nefteproduktov i nekotorye aspekty ego politizatsii (konets KhIKh – vtoraya polovina KhKh vv.) / I. N. Klyuchneva, E. A. Chornyi // Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dal'ya. – 2021. – № 8(50). – S. 43-48. – EDN YSOBBL.
16. Kocheshkov A. A. Severoiranskaya neft': iz istorii diplomaticheskikh batalii // Mezhdunarodnaya zhizn'. – 2010. – № 14. – S. 149-160. – EDN TNYMKB.

17. Sergeeva Z.Kh. Klyuchevye etapy v istorii osvoeniya resursov uglevodorodnogo syr'ya // Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. – 2011. – № 2. – S. 237-246. – EDN NCTPTL.
18. Serikov P. Neftyanye embargo i krizisy proshlogo: uroki istorii // EP. 2022. №9 (175).
19. Skorokhodova O.N. Epokha velikikh potryasenii. Energeticheskii faktor v poslednie desyatiletia kholodnoi voiny. – Moskva: Izdatel'stvo AST, 2021. – 352 s.
20. Urazov A.M. Vremya peremen. Evolyutsiya vneshnei politiki SShA i Velikobritanii na Bol'shom Blizhnem Vostoke v pervye desyatiletia kholodnoi voiny. – Moskva: Izdatel'stvo AST, 2019. S. 68.
21. Ladwig W. C. A Neo-Nixon Doctrine for the Indian Ocean: Helping States Help Themselves // Strategic Analysis. – 2012. – Vol. 36. – A Neo-Nixon Doctrine for the Indian Ocean. – № 3. – P. 384-399.
22. Rahnema A. The Rise of Modern Despotism in Iran: The Shah, the Opposition, and the US, 1953–1968. The Rise of Modern Despotism in Iran. – Oneworld Academic, 2021.
23. Stewart S. The Gilded Age: Allen W. Dulles and the CIA // Vanderbilt Historical Review. 2016. T. 2016. S. 54-61.

Issues of justice in the political and legal doctrine of I.A. Ilyin

Tushkanov Igor Valentinovich

Associate Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice

350020, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Krasnykh Partizan str., 234, office 305

✉ tushkanovi@rambler.ru

Abstract. The work of the outstanding Russian lawyer and philosopher I.A. Ilyin attracts the attention of researchers from various branches of humanitarian knowledge. At the same time, his political and legal ideas are of particular interest to modern legal science, which is the object of the presented research. The subject of the study is the views of Ivan Alexandrovich on justice, set out in his writings, both Russian and emigrant periods of his life. The author examines in detail such aspects of the topic as the relationship between justice and fairness in the teachings of I.A. Ilyin; his ideas about responsibility and legal awareness. Special attention is paid to Ilyin's ideas about justice in post-Soviet Russia. The purpose of the presented article is to consider the ideas of I.A. Ilyin using dialectical, systemic and comparative legal methods united by the principles of historicism and objectivity. The main conclusion of the conducted research is the reasoned statement that in the political and legal doctrine of I.A. Ilyin, the issues of ensuring justice and fairness in law enforcement occupy an important place. The author's special contribution to the research of the topic is the substantiated conclusions about the relevance of I.A. Ilyin's views on an independent, well-organized judicial system, equal, objective and adversarial proceedings, as well as on the developed legal awareness and sense of personal responsibility of the law enforcement officer as factors in ensuring fair justice. The novelty of the research lies in the generalization of I.A. Ilyin's views on justice as a state activity to ensure justice in society. The author has put forward a practical proposal on the formation of judicial districts that do not coincide with the administrative-territorial division.

Keywords: legal proceedings, judicial power, justice, Russian thinkers, Justice, Legal awareness, Political and legal doctrine, judicial system, Ilyin, emigration of the first wave

References (transliterated)

1. Lisitsa Yu.T. Ivan Il'in o probleme razlichnykh konfessii i narodnostei Rossiiskoi Imperii // Gumanitarnoe prostranstvo. 2020. T. 9. № 4. S. 479-500.
2. Gerasimenko A.P. O filosofii prava I.A. Il'ina // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. № 90. S. 3-10.
3. Gusev V.S. I.A. Il'in o roli Rossii v slavyanskom mire // Damaskin. 2023. № 1 (61). S. 4-7.
4. Dianov R.K. I.A. Il'in o monarkhiyakh i respublikakh // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk. 2022. T. 2 № 5 (88). S. 15-19.
5. Egorov A.A. Dukhovnaya priroda gosudarstva v politiko-pravovykh vozzreniyakh Ivana Il'ina // Grazhdanin. Vybory. Vlast'. 2023. № 3 (29). S. 107-115.
6. Kuzychenko V.S. Ideya natsional'nogo gosudarstva v politiko-pravovoi kontseptsii Ivana Il'ina // Pravo i praktika. 2021. № 4. S. 20-24.
7. Savchenko A.V., Pratsko G.S. Kontseptsiya pravovogo soznaniya v yuridicheskom nasledii Ivana Aleksandrovicha Il'ina // Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2024. № 1 (164). S. 70-73.
8. Il'in I.A. Obshchee uchenie o prave i gosudarstve // Osnovy zakonovedeniya. Obshchee uchenie o prave i gosudarstve i osnovnye ponyatiya russkogo gosudarstvennogo, grazhdanskogo i ugovnogo prava. Obshchedostupnye ocherki I.A. Il'ina, V.M. Ustinova, I.B. Novitskogo i M.N. Gerneta. Izdanie 4-e, ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe. M.: Tip. T-va Ryabushinskiikh, 1915. S. 1-106.
9. Il'in I.A. Ob Osnovnykh Zakonakh budushchei Rossii // Il'in I.A. Natsional'naya Rossiya: nashi zadachi. M.: Eksmo: Algoritm, 2011. S. 335-354.
10. Vinogradov V.V. Imperator i Sovet Ministrov po Osnovnym Gosudarstvennym Zakonom ot 23 aprelya 1906 g.: istoriko-pravovoi aspekt // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 4 (99). S. 172-179.
11. Gataullin A.G., Zainutdinov D.R. Osnovnye Gosudarstvennye Zakony Rossiiskoi Imperii: popytka konstitutsionnogo stroitel'stva // Permskii yuridicheskii al'manakh. 2022. № 5. S. 53-80.
12. Melikovskii A.A. Konstitutsionnaya priroda Osnovnykh Gosudarstvennykh Zakonov Rossiiskoi Imperii // Epomen. 2020. № 43. S. 89-100.
13. Smirnov S.N., Lyubina T.I. Svod Osnovnykh Gosudarstvennykh Zakonov Rossiiskoi Imperii (redaktsiya 1906 g.) kak pervaya otechestvennaya konstitutsiya: vzglyad cherez prizmu pravovogo statusa cheloveka // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2009. № 15. S. 156-160.
14. Il'in I.A. Gosudarstvennyi stroi budushchei Rossii // Il'in I.A. Natsional'naya Rossiya: nashi zadachi. M.: Eksmo: Algoritm, 2011. S. 270-334.
15. Il'in I.A. Pochemu my verim v Rossiyu // Il'in I.A. Natsional'naya Rossiya: nashi zadachi. M.: Eksmo: Algoritm, 2011. S. 14-19.
16. Il'in I.A. O chuvstve otvetstvennosti // Il'in I.A. Natsional'naya Rossiya: nashi zadachi. M.: Eksmo: Algoritm, 2011. S. 140-150.

The history of the formation of "soft power" resources in the foreign cultural policy of the Italian Republic

Avetisyan Alvina Aleksandrovna

Postgraduate student, Department of Italian Language, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ alvinaavetisyan@yandex.ru

Abstract. The subject of the research in this article is the history of the formation of the resources of the "soft power" of the Italian Republic. The object of research in this article is the activities and experience of the Italian Republic in the XX century within the framework of foreign cultural policy to promote a positive image of the country on the basis of its own national culture and its components. The article aims to provide an overview of the development of the concept of "soft power", the history of its formation, as well as the study of Italy's experience in using its cultural heritage as tools for forming a positive image of its national culture abroad. The study of this issue in several directions, depending on the goals of the state, allowed us to consider in dynamics what was the basis for the current state and functioning of foreign cultural policy, in Italian practice based mainly on elements of national culture. One of the key aspects of the formation of Italy's soft power resources is its rich cultural heritage. Italy is known for its great works of art, architecture, music, cuisine and fashion. These cultural elements have become an important tool for attracting attention and respect to the country abroad. When using general scientific methods of information analysis and synthesis, observation, systematization, classification, interpretation and forecasting, the main milestones of the development of "soft power" in the Italian Republic are examined in detail, which makes it possible to trace on which resources the popularization of national culture is based and which areas have been allocated by the state over time to increase the attractiveness and prestige of the country, as well as establishing trusting relationships with potential partners. The novelty of the research lies in the fact that today the connection between national culture and soft power is an important aspect of the state's foreign policy, which arouses some interest in the topic. The interest in studying this aspect is also explained by the fact that today the skillful application of the policy of "soft power" comes to the fore in cultural diplomacy, which shows the country's ability to achieve its goals through the attractiveness of its lifestyle, values and culture, and not through military force, implying the emergence of certain threats. In connection with the conclusions obtained, it is possible to identify how the development of modern trends in the transmission of the image of national culture developed, which are now actively promoted by the Italian Republic through the policy of "soft power", contributing to the establishment of friendly relations, increasing prestige and increasing influence in the international arena.

Keywords: soft power resources, Italian culture, cultural and historical heritage, soft power, national culture image, national culture promotion, national culture, external cultural policy, soft power history, Italian cultural policy

References (transliterated)

1. Astaf'eva O.N. Kul'turnaya politika: teoreticheskoe ponyatie i upravlencheskaya deyatel'nost': lektsii. M.: Izd-vo RAGS, 2010. 69 s.
2. Naumov A. O. Myagkaya sila, «Tsvetnye revolyutsii» i tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale XXI veka. M.: ARGAMAK-MEDIA, 2016. 276 s.
3. Nye Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 307 p.

4. Nye Joseph S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004. 191 p.
5. Braterskii M. V., Skriba A. S. Kontseptsiya «myagkoi sily» vo vneshnepoliticheskoi strategii SSHA. // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*. T. 9. 2014. № 2. S. 130-144.
6. Nye Joseph S. *The future of power*. New York: Public Affairs Group, 2011. 300 p.
7. McClory J. *The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power*. London: Institute of Government, 2011, 13 p.
8. Rusakova O.F. Soft power kak strategicheskii resurs i instrument formirovaniya gosudarstvennogo brenda: opyt stran Azii // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Seriya 3. Obshchestvennye nauki. 2013. № 3. S. 52-61.
9. Berrino A. *Storia del turismo in Italia*. Bologna: Il Mulino, 2011. 344 p.
10. Bianchi O. *L'impresa agro-industriale. Una economia urbana e rurale tra XIX e XX secolo*. Bari: Dedalo, 2000. 177 p.
11. Legge 5 dicembre 1985, n. 730. Disciplina dell'agriturismo. Gazzetta Ufficiale n. 295 del 16 dicembre 1985. // ISTITUTO POLIGRAFICO E ZECCA DELLO STATO S.p.A. Rim, 1985. [Elektronnyi resurs] URL: https://www.tuttocamere.it/files/agricol/1985_730.pdf
12. Murlane S. Emigrazione e italianità: il comitato nizzardo della Società Dante Alighieri dal 1900 1 agli anni Trenta // *Archivio storico dell'emigrazione italiana*, №11. 2015. P. 48-56.
13. Sanfilippo M. *Emigrazione e storia d'Italia*. Cosenza: Pellegrini Editore, 2003. 307 p.
14. Salvetti P., *Immagine nazionale ed emigrazione nella Società "Dante Alighieri"*, Roma: Bonacci, 1995. 295 p.
15. Sakharov A. G. «Myagkaya sila» Italii. // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. T. 9. 2014. № 2. S. 59-71.
16. Vasilenko E. V. «Myagkaya sila» imidzhevoi politiki Italii. // *Mir i politika*. 2013. № 10. S. 222-232.
17. Martina M. Gli Istituti italiani di cultura all'estero: uno strumento di relazioni pubbliche per il governo. // Udine: Università degli Studi di Udine, 2002. 233 p.
18. Legge 22 dicembre 1990, n. 401. Riforma degli istituti italiani di cultura e interventi per la promozione della cultura e della lingua italiane all'estero. // Rim, 1990. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.esteri.it/MAE/normative/leg22.12.90.pdf>
19. Kleimenova T. N. Rol' kul'turnoi politiki Italii v formirovanii imidzha strany za rubezhom. // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. S. 68-74.
20. Cappelli F. *Il made in Italy: dalle origini alle nuove sfide*. // Roma: LUISS Guido Carli, 2015. 77 p.
21. Belfanti C. M. Renaissance and 'Made in Italy': marketing Italian fashion through history (1949–1952). // *Journal of modern Italian studies*, Vol. 20 (1), 2015. P. 53-66.
22. Becattini G. *Distretti industriali e made in Italy. Le basi reali del rinnovamento italiano* // Torino: Bollati Boringhieri, 1998. 200 p.

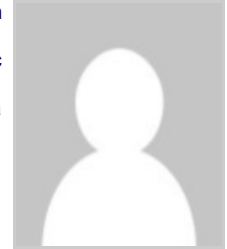
On the issue of cataloging the orders of Chechen mudirs, naibs and murtazeks from the times of the Imam (1840–1859)

Tesaev Zelimkhan Adamovich

Researcher, Archive Department of the Government of the Chechen Republic

95 Lermontov str., Grozny, 364013, Russia

✉ amin.tesaev@gmail.com

Abstract. The article examines a number of awards and official badges (orders) from the times of the Imamate (1840–1859), awarded both by Shamil himself and his subordinates to the Chechen mudirs, naibs and murtazeks. Not only the surviving medals themselves are described, but also sources, illustrations, as well as material monuments that preserve information on the subject of research. In particular, for the first time, the awards of the naibs Baysangur Benoevsky, Gazi-Hadzhi Zandaksky, Tyurshi Tsikaroysky, the supposed medals of the naibs Eski and Uma, as well as epigraphic monuments (grave steles), which depict the lifetime awards of the buried, are being introduced into scientific circulation. An attempt is being made to catalog newly identified and previously known signs associated with the Chechen vilayat (region) of the Imamate. An analysis of graphic images of signs recorded on epigraphic monuments is also carried out. There is a shortage of works on the topic of the article, which determines the relevance of the issue and indicates the long-term nature of the task set by the author (compiling a catalog of Imamate awards given to Chechens). Previously, no attempts were made to catalog the Imamate's awards in the context of the Chechen region. An important result of the work carried out is the introduction into scientific circulation of five Imamate award signs, two of which have the names of the owners written on them, and another sign is dated; attribution of at least five signs depicted on funeral steles; attribution of medals shown in illustrations, as well as photographs from 1885. In addition, it has now been established that for the 19 individuals discussed in the article, there are 28 awards and 4 official categories, with the record holders being Atabi Ataev (4 awards) and Eski Khulkhulinsky (3 awards).

Keywords: awards of the Imamate, naibs, Caucasian War, Chechnya, Chechens, medals of the Imamate, insignia of the Imamate, Imamate, funeral steles, churts

References (transliterated)

1. Dvizhenie gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20–50 gg. XIX veka. Sbornik dokumentov. Makhachkala: Dag. Kn. Izd-vo, 1959. 786 s.
2. Shamil' – stavlennik sultanskoi Turtsii i angliiskikh kolonizatorov. Sbornik dokumental'nykh materialov / Pod red. Sh. V. Tsagareishvili. Tbilisi: Gozizdat Gruzinskoi SSR, sektor politicheskoi literatury, 1953. [XII], 564 s.
3. Karakhi, M.-T. Blesk dagestanskikh sabel' v nekotorykh shamilevskikh bitvakh / Per. s arab. yaz. i komm. T. M. Aitberova. Makhachkala, 1990. Ch. I. 148 s.
4. Tsereteli, G. V. Pis'mo Shamilya iz Kalugi // Zapiski Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR. V. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1936. S. 97–114.
5. Mayalachikhan, G. Tri imama. Predislovie // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Makhachkala, 1926. Vyp. 45. S. 53.
6. GIM 66822/11; GIM 39126/1; GIM 46637/1491; GIM 77002/2008; GIM 16116/2019shch; GIM 105072.
7. Rumyantsev, I. N. V plenu u Shamilya: Zapiski russkogo / Sochineniya I. N. Rumyantseva. T. 1. U Shamilya. SPb.: Tip. A. N. Bykova, 1877. [4], 188 s.

8. Ryndin, A. Imam Shamil' v Rossii // Istoricheskii vestnik. № 11. 1895. S. 529–542.
9. Kozubskii, E. I. K istorii Dagestana. Russkii arkhiv. № 9. 1896. S. 101–131.
10. Butova, O. A. Rol' pervykh naibov Shamilya Khadzhi Mukhammeda i Suleimana Efendi v politicheskoi konsolidatsii Zapadnoi Cherkessii (1842–1846 gg.) // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2011. № 2. S. 98–103.
11. Khadzhebiekova, F. M. Deyatel'nost' Mukhammed-Amina i Sefer-bei Zana kak voenno-politicheskikh liderov kubanskikh gortsev v period Kavkazskoi voyny. Spetsial'nost' 07.00.02. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Krasnodar, 2012. 27 s.
12. Sharadze, G. Neizvestnye zapisi Il'i Orbeliani o Shamile // Literaturnaya Gruzija. 1969. № 9–10. S. 171–183.
13. Mutsaev, A. Z. Istoriya Chechni v faleristike. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2017. 256 s.: il.
14. Avgust fon Gakstgauzen. Zakavkazskii kraj. Zametki o semeinoi i obshchestvennoi zhizni i otnosheniyakh narodov, obitayushchikh mezhdru Chernym i Kaspiiskim moryami. SPb., 1857. Ch. II. [IV], 218 s.
15. Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 13 t. T. XII. Tiflis: Tip. Kantselyarii Glavnokomanduyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1904. 1552 s.
16. Shul'gin, S. Rasskaz ochevidtsa o Shamile i ego sovremennikakh // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Tiflis: Tip. Kantselyarii Glavnokomanduyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze i K. Kozlovskogo, 1903. Vyp. 32. S. 10–24.
17. Gadzhi-Ali. Skazanie ochevidtsa o Shamile // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Tiflis, 1873. Vyp. VII. C. [I–II], 1–76. S. 21–22.
18. Krugov, A. I., Nechitailov, M. V. Vooruzhennyye sily Imamata gortsev Severnogo Kavkaza (1829–1859 gg.). M.: Fond «Russkie Vityazi», 2016. 176 s.
19. Perechen' poslednikh voennykh sobytii v Dagestane (1843 god) (Stat'ya vtoraya) // Voennyi sbornik. 1859. № 2. S. 337–406.
20. Donogo, Kh.-M. Ordena v Imamate Shamilya. M.: «Drevlekhranilishche», 2009. 64 s.
21. Spasskii, I. G. Inostrannyye i russkie ordena do 1917 goda. M.: Veche, 2009. 224 s.
22. Takhnaeva P. I. Atributsiya i epigrafika pamyatnikov shakhidov Kavkazskoi voyny kladbishcha s. Dyshni-Vedeno (1845–1857). Epigrafika Vostoka. T. 36. № 3–4. 2021. C. 22–28.
23. Alikberov, A. K. Klassifikatsii znakov otlichiya Shamilya // Narodno-osvoboditel'noe dvizhenie gortsev 20–50-kh gg. XIX v. Tezisy Vsesoyuznoi konferentsii. Makhachkala, 1989. S. 134–135.
24. Mukhanov, V. M. Nagrady i znaki Imamata Shamilya // «Gerboved». 1998. № 3(29). S. 142–148, tsv. vkladka 8.
25. Ivanov, I. Chechnya // Moskvityanin. 1851. № 19–20 // Moskvityanin. Ch. V. M.: Tip. V. Got'k i N. Stepanova, 1851. S. 172–200.
26. Il'in, P. Istoricheskoe opisanie o Shamile, nazyvavshemsya «Imamul' Aazam» («Namestnik proroka»), s portretom Shamilya, snyatym s nego v Moskve khudozhnikom Imperatorskoi Akademii D. M. Strukovym, vidom gory Gunib, srisovannym s vysoty gory Arakhtau odnim iz sluzhivshikh na Kavkaze, pechat'yu Shamilya, naibskim znakom i chertezhom doma Shamilya v Vedeno-Dargi, sostavlennoe P. Il'inym. M.: Tip. M. P.

- Zakharova, 1859. 36 s.
27. Abdurakhman iz Gazikumukha. Kniga vospominanii / Per. s arab. M.-S. Saidova; red. per., podgot. faks. izd., komment., ukaz. A. R. Shikhsaidova, Kh. A. Omarova. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1997. 868 s.
 28. Narodno-osvoboditel'naya bor'ba Dagestana i Chechni pod rukovodstvom imama Shamilya. M.: Ekho Kavkaza, 2005. 549 s.
 29. Kazem-Bek, M. Myuridizm i Shamil' / V kn.: Izbrannyye proizvedeniya. Baku: Elm, 1985. 420 s.
 30. Khozhaev, D. Medal' Shamilya // «Zov predkov». 1992. № 1. S. 15.
 31. Dadaev, Yu. U., Dadaev, K. S. Naiby i mudiry Shamilya. – 2-e izd., dop. i ispr. – Makhachkala: Izdatel'skii dom «Dagestan», 2019. 720 s.
 32. RGIA. F. 1268. Op. 10. D. 94.
 33. Dukhaev, A. I. Baisungur Benoevskii: lider antikolonial'nogo vosstaniya 1860–1861 gg. // Arkhivnyi vestnik. Arkhivnoe upravlenie Pravitel'stva Chechenskoi Respubliki. Istoriko-dokumental'nyi byulleten'. 2017. № 5. S. 48–64.
 34. Ekspertnoe zaklyuchenie № 46/22, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. 2 s.
 35. AVPRI. F. 144. Op. 488. D. 346.
 36. Khozhaev, D. Chechentsy v rusko-kavkazskoi voine. Grozny: «Seda», 1998. 309, [2] s.
 37. Aitberov, T. M., Dadaev, Yu. U. Khronika Imanmukhammada Gigatlinskogo – tekst XIX v. ob istorii Imamata. Makhachkala: DGU, 2010. 208 s.
 38. Karakhi, M.-T. Tri imama // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Makhachkala, 1926. Vyp. 45. S. 54–192.
 39. Kratkii putevoditel' po Kavkazskomu voenno-istoricheskomu muzeyu. – Izd-e 2-e, ispr. i dop. – Tiflis: Tip. Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1909. 133 s.
 40. RGVIA. F. 205. Op. 1. D. 141. Ch. 1.
 41. RGVIA. F. 205. Op. 1. D. 141. Ch. 2.
 42. Potto, V. A. Istoriya 44-go Dragunskogo Nizhegorodskogo Ego Imperatorskogo vysochestva gosudarya naslednika tsesarevicha polka. SPb.: Tipo-Litografiya R. Golike, 1894. T. VI. 178 s.
 43. RGVIA. F. 400. Op. 1. D. 945.
 44. TsGA RSO-A. F. 12. Op. 3. D. 446.
 45. Dukhaev, A. I. Ataev Atabai (1800–1889) // Istoricheskie lichnosti Chechni (XI–XXI vv.). T. I. Kn. I. Politicheskie i obshchestvennye deyateli. (Avt. – kolektiv avt. Sost.: Gapurov Sh. A., Magamadov S. S.) / Pod red. Sh. A. Gapurova, S. S. Magamadova. – Grozny: AO «Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks «Groznskii rabochii», 2020. S. 177–186.
 46. Sharafutdinova, R. Sh. Arabskie pis'ma Shamilya iz arkhiva B. A. Dorna // Pis'mennyye pamyatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskie issledovaniya. 1970. M.: «Nauka», 1974. S. 204–225.
 47. GARO. F. R-3764. Op. 1. D. 47. Sv. 3.
 48. RGVIA. F. 405. Op. 6. D. 9654.
 49. GAPO. F. 20. Op. 1. D. 2008.
 50. GARO. F. 4. Op. 47. T. 3. D. 2580.
 51. K. Levyi flang Kavkazskoi linii v 1848 godu (okonchanie) // Kavkazskii sbornik. Tiflis: Tip. Okruzhnogo Shtaba, 1887. T. XI. S. 303–464.
 52. Dadaev, Yu. U. Naiby i mudiry Shamilya. Makhachkala: OOO «DINEM», 2009. 624 s.

53. Dukhaev, A. I. GIordaloin Alkhot // «Khalk'an dosh», 23 maya 2022 g., № 41–42 (9371–72). S. 3. (na chech. yaz.)
54. Tesaev, Z. A. Epigraficheskie pamyatniki Chechni (na primere nadmogil'nykh stel serediny XIX – pervoi treti XX v.) // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2022. № 10. S. 59–70.
55. Nikolai, L. P. Epizod iz Kavkazskoi voiny // Voennyi sbornik. SPb.: Tip. Departamenta udelov, 1865. T. XLIV. S. 159–182.
56. Dzutsova, I. Zabytyi khudozhnik: Georg Korradini // «Russkii klub». 2020. № 1 (171). S. 18.
57. Potto, V. A. Istoriya 44-go Dragunskogo Nizhegorodskogo Ego Imperatorskogo vysochestva gosudarya naslednika tsesarevicha polka. SPb.: Tipo-Litografiya R. Golike, 1895. T. VIII. X, 172 s.
58. Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 13 t. T. X. Tiflis: Tip. Kantselyarii Glavnokomanduyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1885. 938 s.
59. Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 13 t. T. IX. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, [god izd. ne ukaz.]. 979 s.
60. Muskhadzhiyev, S.-Kh. Gazi-Khadzhi Zandakskii: prostranstvo i vremya geroya. Maikop: OAO «Poligraf-YuG», 2009. 172 s.

The socio-economic policy of the Breuning government (March 29, 1930 - May 30, 1932) in the coverage of the Soviet newspaper Pravda

Makeev Vasilii Olegovich

Student, Department of Universal History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

150000, Russia, Yaroslavl region, Yaroslavl, nab. Kotorosl'naya, 46 in

✉ vasyusha-makeev@mail.ru

Abstract. The article examines the socio-economic policy in the Weimar Republic under Chancellor Heinrich Breuning from 1930 to 1932 through the prism of the Soviet newspaper Pravda, which is the main source of expression of the official position of the Soviet Union on the issue of international relations. In addition to evaluating the Chancellor's activities and the events taking place in Germany, the newspaper's materials highlight the specifics of the development of the German communist movement during this period. The authors also highlight events related to the development of the National Socialist movement in Germany during the period under review in the context of the strengthening of the political influence of the National Socialist Party of Germany and the development of government interaction with its leaders. It is concluded that the newspaper Pravda in its publications about the events in Germany during this period focused on the proletarian struggle and did not differ in an analytical approach. The following research methods were used: analysis of special sources and materials, including archival ones; method of classification and systematization; content analysis of materials of the newspaper Pravda.

The main conclusion of the study is that the ambiguous and contradictory policies of the Breuning cabinet led to a new political crisis in the country. Instability and the lack of socio-economic and political prospects led to an increasing polarization of German society and its inclination towards the right-wing radical party of the National Socialists. In addition, the publications of Pravda, reflecting the events in Germany during this period, were more

tendentious in the nature of the proletarian struggle and did not differ in analytics.

Keywords: democracy, Reich Chancellor, social crisis, National Socialism, fascization, The German Communist movement, The Communist Party of Germany, The newspaper Pravda, The Weimar Republic, government

References (transliterated)

1. Grigor'eva O. I. Evolyutsiya obraza Germanii v sovetskoj propagande: kontent-analiz materialov gazety "Pravda" (yanvar' 1933-iyun' 1941 g.) // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2008. № 61. S. 92-97.
2. Patrushev A.I. Germanskie kantslery ot Bismarka do Merkel'. M.: izd-vo Mosk. un-ta, 2009. 432 s.
3. Erin M.E. Genrikh Bryuning. Kantsler i politik: Biografiya. YarGU. Yaroslavl', 2010. 319 s.
4. Pravitel'stvennyi krizis v Germanii // Pravda. 1930. 29 marta.
5. Drug fashistov i katolicheskikh prelatov. «Vel't am Abend» o Budushchem germanskom prem'ere // Pravda. 1930. 29 marta.
6. Pravitel'stvo «48§» vystupaet pered reikhstagom // Pravda. 1930. 2 aprelya.
7. Deklaratsiya novogo pravitel'stva v Germanii. Programma goloda i usilennoi ekspluatatsii budet provodit'sya pri pomoshchi chrezvychaynykh mer i terrora // Pravda. 1930. 3 aprelya.
8. Sotni millionov germanskim pomeshchikam za schet trudyashchikhsya // Pravda. 1930. 7 aprelya.
9. Bezrobotitsa rastet // Pravda. 1930. 10 aprelya.
10. Krizis osnovnykh otraslei germanskoi promyshlennosti // Pravda. 1930. 4 aprelya.
11. Krasnye spiski vpered // Pravda. 1930. 5 aprelya.
12. Vybory v fabzavkomy // Pravda. 1930. 14 aprelya.
13. Desyatki tysyach germanskikh rabochikh nakanune sokrashcheniya // Pravda. 1930. 16 aprelya.
14. Khimiki – za pervomaiskuyu stachku // Pravda. 1930. 17 aprelya.
15. Chislo uchastnikov «dnya rabochei molodezhi» vtroe bol'she proshlogodnego // Pravda. 1930. 21 aprelya.
16. Volna arestov v Germanii // Pravda. 1930. 28 aprelya.
17. Sotsial-fashistskie provokatory poimany s polichnym // Pravda. 1930. 3 iyunya.
18. Berlin uzna silu mass, rukovodimyykh kompartiei. Glubokii internatsionalizm i lyubov' k SSSR voodushevlyali dvukhsottysyachnuyu armiyu demonstrantov // Pravda. 1930. 4 maya.
19. Bezrobotitsa v Germanii // Pravda. 1930. 10 maya.
20. Rurskie metallisty gotovyatsya k stachke 1 iyulya // Pravda. 3 iyunya 1930.
21. Rur vykhodit na liniyu ognya // Pravda. 1930. 13 iyunya.
22. Vseobshchaya stachka – boevoi klich rurskikh proletarietov // Pravda. 1930. 18 iyunya.
23. Stachka v Mansfel'de // Pravda. 1930. 5 iyunya.
24. Demonstratsiya invalidov v Berline // Pravda. 1930. 7 iyunya.
25. Reikhsver priveden v boevuyu gotovnost' // Pravda. 1930. 3 dekabrya.

26. Sotrudnichestvo natsional-fashistov s pravitel'stvom Bryuninga // Pravda. 1930. 24 dekabrya.
27. Germanskie fashisty podgotovlyayut zakhvat vlasti // Pravda. 1930. 16 dekabrya.
28. V ryade gorodov golodayushchie bezrabortnye razgromili prodovol'stvennye sklady // Pravda. 1931. 1 iyunya.
29. Protiv pravitel'stva goloda i chrezvychainykh dekretov. Boevye demonstratsii bezrabortnykh v Berline i Rurskoi oblasti // Pravda. 1931. 5 iyunya.
30. 3170 del revolyutsionnykh rabochikh // Pravda. 1931. 5 iyunya.
31. Verbovochnaya kompaniya kompartii v Saksonii // Pravda. 1931. 5 iyunya.
32. Soldaty stanoviyatsya na storonu rabochikh // Pravda. 1931. 5 iyunya.
33. Demonstratsiya malozemel'nykh krest'yan i batrakov // Pravda. 1931. 5 iyunya.
34. Golodnye vystupleniya bezrabortnykh v Germanii // Pravda. 1931. 7 iyunya.
35. Novyi diktatorskii dekret v Germanii. Snizhenie posobii po bezrabortitse i pensii, sokrashchenie zarplaty, ryad novykh nalogov // Pravda. 1931. 7 iyunya.
36. Vatlin A.Yu. Germaniya v XX veke. M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2002. 336 s.
37. Krizis kapitalizma i krizis sotsial-demokratii // Pravda. 1931. 7 iyunya.
38. Galkin A.A. Germanskii fashizm. 2-e izd. M.: Nauka. 1989. 352 s.
39. Tyazhelaya promyshlennost' za pravitel'stvo Bryuning – Gitler // Pravda. 1931. 1 dekabrya.
40. Shul'tse Kh. Kratkaya istoriya Germanii / Per. s nem. Moskva: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 2004. 256 s.
41. Dorpalen A. Germaniya na zare fashizma /Per. s angl. LA. Igorevskogo. M.: ZAO Tsentrpoligraf. 2008. 479 s.
42. Otstavka germanskogo pravitel'stva. Tempy fashizatsii usilivayutsya // Pravda. 1932. 31 maya.

The social credit system in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China

Buyarov Dmitrii Vladimirovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of General History, Philosophy and Cultural Studies; Blagoveshchensk State Pedagogical University

675000, Russia, Amur region, Blagoveshchensk, Lenin str., 104, room 456

✉ buyarov_d@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the social credit system introduced in the People's Republic of China in the 2000s. The object of the study is the Chinese population and in particular representatives of national minorities living in Xinjiang. The author examines the system of social control in historical retrospect, since its manifestations have been reflected in the history of China, from antiquity to the present day. In the mid-2000s, this system was "reanimated" in new conditions and in a new form and began to be actively used for comprehensive control of broad strata of Chinese society. The new realities of the information society also required new approaches from the state. The purpose of the study is to analyze the socio-economic policy of the central government of the People's Republic of China in order to understand the causes, mechanisms and significance of the social rating system.

The main conclusions of the study are the following provisions. Initially, the introduction of the social credit system was due to the desire of the central government to improve the level of order in the field of entrepreneurship. Somewhat later, the system began to be used for total control over wide segments of the population and proved its effectiveness in such a problematic region as the Xinjiang Uygur Autonomous Region. The attitude towards the social credit system in China is ambiguous: the majority of Han Chinese (ethnic Chinese) loyal to the government have adopted this model. At the same time, representatives of national minorities, including some Uighurs, perceive it as a system of harassment. This system is based on the principles of total control of the population, the use of hybrid intelligence and the use of social rating as a system of encouragement and punishment.

Keywords: national minorities, Han Chinese, Xinjiang, Xinjiang Uygur Autonomous Region, Xi Jinping, China, social rating, social credit system, reward system, rating points

References (transliterated)

1. Grafov D. B. Sistema sotsial'nogo reitinga v KNR kak informatsionno-kommunikatsionnaya tekhnologiya pooshchreniya i nakazaniya // Vlast'. 2020. №2. S. 250-259.
2. Larina E., Ovchinskii V. Kitaiskaya sistema sotsial'nogo kredita: traditsii i tekhnologii. 05.09.2019 // Sait S.P. Kurdyumova. URL: <http://https://spkurdyumov.ru/biology/kitajskaya-sistema-socialnogo-kredita-tradicii-i-tekhnologii/> (data obrashcheniya: 17.04.2024).
3. Ahmed S. The Messy Truth About Social Credit // Logic Magazine. May 1, 2019. URL: <https://www.logicmag.io/china/the-messy-truth-about-social-credit/> (data obrashcheniya: 17.04.2024).
4. Chen Wei. A Forensic Examination of China's National Accounts // Brookings Papers on Economic Activity. March 7-8, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/03/bpea-2019-forensic-analysis-china.pdf> (data obrashcheniya: 17.04.2024).
5. Chorzempa M. China's Social Credit System: A Mark of Progress or a Threat to Privacy? // Peterson Institute for International Economics. 2018. URL: <https://www.piie.com/system/files/documents/pb18-14.pdf> (data obrashcheniya: 17.02.2023).
6. Creemers R. Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014-2020) // China Copyright and Media. April 25, 2015. URL: <https://www.chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/>. (data obrashcheniya: 17.04.2024).
7. Engelmann S. et al. Clear Sanctions, Vague Rewards // Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency – FAT. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/330272009_Clear_Sanctions_Vague_Reward_s_How_China's_Social_Credit_System_Currently_Defines_Good_and_Bad_Behavior (data obrashcheniya: 1.04.2024).
8. Fewsmith J., Xiang Gao. Local Governance in China: Incentives & Tensions // Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2014. № 2. Rp. 170-183.
9. Gierow H.J. Cyber Security in China: New Political Leadership Focuses on Boosting National Security // China Monitor. 2014. № 20. Rp. 2-4.
10. Huang P.C. Morality and Law in China, Past and Present // Modern China. 2015. № 41

- (1). Rp. 3-39.
11. Huang Yasheng. Democratize or Die: Why China's Communists Face Reform or Revolution // Foreign Affairs. 2013. URL: www.foreignaffairs.com/articles/china/2012-12-03/democratize-or-die (data obrashcheniya: 1.04.2024).
 12. Jiang Zemin. Report at 16th Party Congress on Nov 8, 2002 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/3698_665962/t18872.shtml (data obrashcheniya: 10.04.2024).
 13. Kania E. et al. China's Strategic Thinking on Building Power in Cyberspace // New America. September 25, 2017. URL: <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/blog/chinas-strategic-thinking-building-power-cyberspace/>. (data obrashcheniya: 10.04.2024).
 14. Kroeber A.R. China's Economy: What Everyone Needs to Know? N.Y.: Oxford University Press, 2016. 324 r.
 15. Ma Lianjie et al. E-Government in China: Bringing Economic Development through Administrative Reform // Government Information Quarterly. 2005. № 22. Rp. 20-37.
 16. Qing Koh Gui. U.S. firms frustrated by Chinese red tape // Reuters. March 22, 2011. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-usa-business/u-s-firms-frustrated-by-chinese-red-tape-idUSTRE72L1J420110322> (data obrashcheniya: 17.04.2024).
 17. Raphael R., Ling Xi. Discipline and Punish: The Birth of China's Social-Credit System // The Nation. 2019. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/china-social-credit-system/> (data obrashcheniya: 17.04.2024).
 18. Sacks S. China's Emerging Cyber Governance System // Center for Strategic and International Studies. URL: <https://www.csis.org/chinas-emerging-cyber-governance-system> (data obrashcheniya: 17.04.2024).
 19. Tanner M. S. Beijing's New National Intelligence Law: From Defense to Offense // Lawfare. July 20, 2017. URL: <https://www.lawfareblog.com/beijings-new-national-intelligence-law-defense-offense> (data obrashcheniya: 17.02.2024).
 20. Trevaskes S. Public Sentencing Rallies in China: The Symbolizing of Punishment and Justice in a Socialist State // Crime, Law & Social Change. 2003. № 39(4). Rp. 359-382.
 21. Yang Jie. The Politics of the Dangan: Spectralization, Spatialization, and Neoliberal Governmentality in China // Anthropological Quarterly. 2011. № 84(2). Rp. 507-533.
 22. Yuhsin L., Milhaupt C. China's Corporate Social Credit System: The Dawn of Surveillance State Capitalism? // The China Quarterly. 2023. Vol. 256. Pp. 835-853.
 23. 中华人民共和国中央人民政府. 中共中央办公厅 国务院办公厅印发《关于加快推进失信被执行人信用监督、警示和惩戒机制建设的意见》. September 25, 2016. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2016-09/25/content_5111921.htm (data obrashcheniya: 17.02.2024).
 24. 新华财经. 国务院社会信用体系建设部际联席会议简介. December 8, 2017. URL: <http://credit.xinhua08.com/a/20171208/1739791.shtml>. (data obrashcheniya: 17.03.2024).
 25. 关于做好《关于加强和规范守信联合激励和失信联合惩戒对象名单管理工作的指导意见》贯彻落实工作的通知. 2018. URL: https://www.creditchina.gov.cn/zhengcefagui/zhengcefagui/zhongyangzhengcefagui1/201803/t20180312_110465.html (data obrashcheniya: 10.04.2024).